

ХОЛМИ БАЭК

ОБВАННА

Annotation

Любое предательство ранит очень больно. А если его совершили лучшие подруги и, что еще ужаснее, родная мать, то... В общем, комментарии излишни. Семнадцатилетняя Валери Рассел сбегает из родного городка в Нью-Йорк, чтобы начать там новую жизнь, и оказывается в компании бродяг, обитающих в лабиринтах городской подземки. Однако вскоре выясняется, что они там далеко не одни. В самых укромных уголках бесчисленных туннелей прячутся фейри – сказочные существа, в реальность которых современному человеку трудно поверить. Знакомство со страшным и в то же время необыкновенно благородным троллем по имени Равус ставит Валери перед нелегким выбором.

- [Холли Блэк](#)
    -
    - [Пролог](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
    - [Глава 12](#)
    - [Глава 13](#)
    - [Глава 14](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
-

Холли Блэк

Отважная

*Моему мужу Тео, потому что ему нравятся
девушки, умеющие постоять за себя.*

Пролог

*Меня научит лист, цветок
И блики пламени костра
Преобразать печаль в поток
Живого серебра.*

Сара Тисдейл. «Алхимия»

Дриада задыхалась от яда, и ее медленно текущие соки пылали. С дерева уже опали почти все листья, а немногие оставшиеся почернели и съежились. Она вытащила корни из почвы – и длинные волосистые плети содрогнулись от холодного воздуха поздней осени.

Железная ограда окружала ствол уже много лет, и присутствие металла было для дриады таким же привычным, как и другие мелкие недомогания. Железо обожгло ее, пока она перетаскивала через него корни. Дриада упала на тротуар, и ее древесное сознание наполнилось болью.

Человек, прогуливавший двух собак, отшатнулся и налетел на стену дома. Такси остановилось, взвизгнув тормозами, и громко загудело.

Пока дриада поспешно отползала от металла, длинные ветви перевернули какой-то пузырек. Она уставилась на бутылочку из темного стекла, выкатившуюся на проезжую часть: из горлышка выливались последние кайли горького яда, но на полоске бумаги, залитой воском, виднелись знакомые каракули. В пузырьке должно было находиться обычное тонизирующее средство. Дриада снова попыталась встать.

Одна из собак залаяла.

Дриада чувствовала, как яд разливается по ней, перехватывая дыхание и затуманивая мысли. Она ползла, но уже не могла вспомнить, куда именно. Темно-зеленые пятна, словно ссадины, выступали по всему ее стволу.

– Равус, – прошептала дриада, и кора у нее на губах
растрескалась. – Равус...

Глава 1

Ну а здесь, знаешь ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте! Если же хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать по меньшей мере вдвое быстрее!

Льюис Кэрролл. «Алиса в Зазеркалье» [\[1\]](#)

Валери Рассел почувствовала, как к пояснице прикоснулось что-то холодное, и развернувшись, инстинктивно нанеся удар. Рука шлепнула о чью-то плоть. Банка газировки упала на цементный пол раздевалки и покатилась. Выливающаяся коричневая жидкость запузырилась, собираясь в лужицу. Остальные девчонки, переодевавшиеся в тренировочные костюмы, обернулись и захихикали.

Подняв руки в дурашливом испуге, Рут рассмеялась.

– Просто шутка, коза ты драная.

– Извини, – с трудом выдавила из себя Вэл, сдерживая резкий прилив злости и чувствуя себя идиоткой. – Что ты здесь делаешь? Мне казалось, что на пот у тебя аллергия.

Рут уселась на зеленую скамейку. Она выглядела очень экзотично в старомодном смокинге и длинной бархатной юбке. Брови у Рут были тонкими нарисованными линиями, а глаза обведены черным карандашом и красными тенями, так что она походила на танцовщицу театра Кабуки. В ее лаково-черные волосы, более светлые у корней, были вплетены пурпурные ленточки. Рут глубоко затянулась гвоздичной сигаретой и выпустила струю дыма в сторону одной из подруг Валери по команде.

– Только если воняет от меня.

Вэл закатила глаза, но улыбнулась. Надо признать: ответ получился классный. Вэл и Рут дружили целую вечность – так давно, что Вэл привыкла оставаться незаметной, «нормальной», той, кто оттеняет остроумные фразочки, а не бросает их. Ей нравилась эта

роль: она давала чувство уверенности. Робин при Бэтмене-Рут. Чубакка при ее Хане Соло.

Вэл наклонилась, сбрасывая спортивные туфли, и увидела себя в зеркале, установленном в дверце шкафчика: пряди оранжевых волос, торчащие из-под зеленой банданы.

Рут красила волосы с пятого класса: сначала красками, которые можно было купить в супермаркете, потом – в безумные, прекрасные цвета вроде русалочье-зеленого и пуделино-розового. Вэл покрасила волосы всего один раз в золотисто-каштановый тон, немного темнее и ярче, чем ее собственный, но все равно мать наказала Вэл, запретив гулять. Тогда мать наказывала ее каждый раз, когда Вэл пыталась выглядеть взрослой. Маме не хотелось, чтобы Вэл покупала лифчики, носила короткие юбки и бегала на свидания, пока не перейдет в старшие классы. Но теперь девушка училась в выпускном классе, и мать вдруг начала засыпать ее косметикой и советами насчет свиданий. Вэл растерялась: она привыкла стягивать волосы банданами, носить джинсы и футболки и не хотела меняться.

– Я собрала кое-какую статистику для проекта и начала подбирать имена нашему младенчику из теста. Я подумала: может, ты зайдешь сегодня к вечеру, чтобы мы им занялись.

Рут сняла с плеча огромную почтальонскую сумку. Передний клапан был измазан краской и усеян значками и наклейками: розовый треугольник, края которого начали отрываться, значок с надписью «Все еще не король», значок поменьше, объявлявший: «Некоторые вещи существуют, даже если вы в них не верите» и еще дюжина других.

– Не смогу, – сказала Вэл. – После тренировки мы с Томом идем на хоккейный матч в городе.

– Ты еще надеешься сделать из него настоящего парня, – сказала Рут, накручивая на палец одну из пурпурных косичек.

Вэл нахмурилась. Она не могла не заметить, каким резким становился голос Рут, когда та говорила про Тома.

– Ты думаешь, ему не хочется идти? – спросила Вэл. – Он что-то сказал?

Рут покачала головой и еще раз быстро затянулась сигаретой.

– Нет-нет. Ничего такого.

– Я думала, мы могли бы потом пойти в Виллидж, если будет время. Обойдем вокруг Святого Марка.

Всего за два месяца до этого, на городской ярмарке, Том встал на колени, языком смочил ей поясницу и нанес переводную картинку – тату, прижав листок к коже. А теперь ей едва удавалось заинтересовать его сексом.

– Город ночью. Романтично.

По тому, каким тоном Рут это проговорила, Вэл поняла, что подруга имеет в виду прямо противоположное.

– В чем дело? Что происходит?

– Ничего, – ответила Рут и начала обмахиваться ладошкой. – Я просто думаю о чем-то другом, типа сколько полуголых девиц собрались вместе!

Вэл кивнула, пытаясь ей поверить.

– Ты заглянула в регистрационные списки чатов, про которые я тебе говорила? Нашла тот, в котором я отправила тебе статистику для нашего проекта насчет чисто женских семей?

– Не успела. Я завтра ее найду, ладно? – Вэл снова закатила глаза. – Мать сидит в Интернете круглые сутки. У нее появился новый виртуальный поклонник.

Рут притворилась, что ее тошнит.

– В чем дело? – спросила Вэл. – А мне казалось, ты сторонница любви онлайн. Разве не ты говорила, что это любовь разума? Истинно духовный союз, не обремененный плотью?

– Надеюсь, я такого не говорила! – Рут прижала руку ко лбу, откинувшись назад в картинном обмороке. А потом она вдруг напряглась и резко села. – Эй, ты опять стянула хвост простой резинкой? У тебя волосы посекутся. Двигайся сюда. Кажется, у меня есть щетка и лента.

Вэл села верхом на скамейку впереди Рут, чтобы та смогла снять резинку.

– Ой! Ты только хуже делаешь!

– А разве вам, спортсменкам, не положено быть мужественными?

Рут расчесала Вэл волосы и продела их в матерчатое кольцо, стянув так крепко, что Вэл услышала, как лопаются тонкие волоски у нее на затылке.

Дженнифер подошла к ним и оперлась на свою клюшку для лакросса [2].

С этой некрасивой крупной девицей Вэл училась с детского сада. Джен всегда казалась неестественно чистой, начиная с блестящих волос и кончая ослепительно белыми гольфами и отглаженными шортами. А еще она была капитаном их команды.

– Эй, лесбо, вали отсюда.

– Боишься заразиться? – ласково поинтересовалась Рут.

– Гребь отсюда, Джен, – отозвалась Вэл не так остроумно и с опозданием на секунду.

– Здесь курить не положено, – сказала Джен, но смотрела при этом на треники Вэл.

Том нарисовал несмываемым маркером химеру на одной штанине. На второй были в основном девизы и всякая всячина, которые Вэл написала разноцветными фломастерами. Наверное, Джен считала этот костюм неподходящим для тренировок.

– Ладно. Мне все равно пора. – Рут затушила сигарету о скамейку, сделав в дереве лунку. – Пока, Вэл. Пока, развратная тихоня.

– Что с тобой? – мягко спросила Дженнифер, словно ей на самом деле хотелось, чтобы Вэл была ее подругой. – Почему ты с ней общаешься? Неужели ты не видишь, что она с прибабахом?

Вэл уставилась на нее, домысливая то, чего Джен не произнесла вслух: «Ты тоже лесбиянка? Ты меня хочешь? Мы тебя долго в команде терпеть не будем, если ты не подтянешься».

Если бы жизнь была видеоигрой, Вэл пустила бы в ход свой силовой прием, чтобы подбросить Джен в воздух и размазать по стенке двумя ударами клюшки для лакросса. Но, конечно, если бы жизнь действительно была видеоигрой, Вэл, наверное, пришлось бы это делать в бикини и с гигантскими сиськами, составленными из подвижных многогранников.

В реальной жизни Вэл покусала губу и пожала плечами, но руки

у нее сжались в кулаки. После вступления в команду она уже участвовала в двух драках и третью позволить себе не могла.

– В чем дело? За тебя всегда говорит подружка?

Вэл ударила Джен кулаком в лицо.

Чувствуя боль в сбитых костяшках пальцев, Валери бросила рюкзак и клюшку для лакросса на заваленный вещами пол своей спальни. Покопавшись в вещах, она выхватила трусы и спортивный лифчик, который делал ее грудь еще более плоской, чем обычно. Потом, выбрав из груды одежды черные брюки и зеленый спортивный свитер с капюшоном, она прошагала обратно в коридор. Рифленые подошвы ступали по книжкам сказок, давно оставшимся без обложек, и оставляли грязные следы на разноцветных коробочках видеоигр. Девушка услышала, как под пятками захрустел пластик, и попыталась отшвырнуть хоть часть на безопасное расстояние.

В ванной, дверь которой выходила в коридор, Вэл содрала с себя форму. Проведя мочалкой под мышками, она нанесла новый слой дезодоранта, потрогала сбитую кожу на руках и начала одеваться.

«Это был твой последний шанс», – сказал тренер.

Она прождала сорок пять минут у него в кабинете, пока остальные тренировались, но как только он вошел, еще до того, как он открыл рот, ей стало понятно, что он скажет: «Мы не можем оставить тебя в команде. Ты нарушаешь атмосферу товарищества. Нам надо быть единым отрядом с одной целью: побеждать. Ты ведь понимаешь, правда?»

В дверь стукнули всего раз – и тут же ее открыли. Ее мать стояла в дверях, не снимая идеально ухоженной руки с дверной ручки.

– Что ты сделала с лицом?

Вэл втянула разбитую губу в рот, а потом посмотрелась в зеркало. Она совсем про нее забыла.

– Ничего. Просто ударилась на тренировке.

– Ты ужасно выглядишь.

Ее мать протиснулась внутрь, встряхивая недавно мелированными стриженными волосами, и они обе отразились в

зеркале. Каждый раз, когда мать ходила в парикмахерскую, ей усиливали мелирование, так что темно-русые волосы терялись в светлых прядях.

– Блин, вот спасибо! – фыркнула Вэл, почти не обижевшись. – Я опаздываю. Опаздываю, опаздываю, опаздываю. Как белый кролик.

– Постой.

Мать повернулась и вышла из ванной. Взгляд Вэл последовал за ней по коридору до полосатых обоев и семейных фотографий: мать – вице-королева красоты, Валери в брекетах рядом с матерью на диване, бабушка и дедушка перед своим ресторанчиком, снова Валери, на этот раз со сводной сестрой на руках в доме отца – улыбки на их застывших лицах выглядели мультяшными, открытые зубы казались слишком белыми.

Спустя несколько минут мать вернулась с косметичкой в черно-белую полоску.

– Не шевелись.

Валери нахмурилась, продолжая зашнуровывать свои любимые зеленые кроссовки.

– Мне некогда. Том вот-вот придет.

Она забыла надеть часы, поэтому отогнула манжет маминой блузки и посмотрела на циферблат. Том уже сильно опаздывал.

– Том сможет сам себе открыть.

Мать Валери окунула палец в какой-то густой бежевый крем и начала легонько похлопывать им под глазами Вэл.

– Ссадина у меня на губе, – проворчала Вэл.

Она не любила макияж. Стоило ей засмеяться, у нее начинали слезиться глаза, и краска текла, как будто она плакала.

– Тебе не мешало бы немного подкраситься. В Нью-Йорке принято хорошо выглядеть.

– Ма, мы идем на хоккейный матч, а не на оперу.

Мать привычно вздохнула, как бы говоря, что со временем Вэл поймет, как сильно заблуждалась. Она нанесла на лицо Вэл тональную пудру, а поверх нее – бесцветную. Потом чуть подкрасила

теньями веки. Вэл вспомнила школьный вечер прошлой весной и понадеялась, что мать не станет вновь превращать ее в сверкающую блестками куклу. В довершение всего губ Вэл коснулась помада. Ранка тут же заболела.

– Все? – спросила Вэл, когда мать взялась за тушь для ресниц.

Скосив глаза на материнские часы, она поняла, что до поезда осталось примерно пятнадцать минут.

– Черт! Мне пора. Куда он пропал?

– Ты же знаешь Тома, – ответила мать.

– Что ты имеешь в виду?

Она не понимала, зачем матери нужно делать вид, будто она знает ее друзей лучше, чем сама Вэл.

– Он же парень. – Мать покачала головой. – Безответственный.

Валери выудила из рюкзака мобильник и прокрутила телефонную книжку до его имени. Включился автоответчик. Она прервала связь, вернулась к себе в спальню и выглянула в окно, всматриваясь в даль, мимо ребят, скатывавшихся на скейтбордах с дощатого пандуса на соседнем дворе. Шумного автомобиля Тома она не увидела.

Вэл позвонила снова. И опять услышала автоответчик: «Это Том. Бела Лугоши умер, а я нет. Оставьте сообщение».

– Тебе не стоит так настойчиво ему звонить, – сказала мать, входя за ней в комнату. – Когда он снова включит телефон, то увидит, сколько звонков пропустил и кто звонил.

– Мне наплевать, что он увидит, – ответила Вэл, нажимая кнопки. – И вообще, это был последний раз.

Мать покачала головой и, растянувшись на кровати дочери, начала обводить себе губы коричневым карандашом. Она настолько хорошо знала форму своего рта, что даже не потрудилась взять зеркальце.

– Том, – сказала Валери в телефон, как только включился его автоответчик, – я ухожу на электричку. Не трудись за мной заезжать. Встретимся на платформе. Если я тебя не увижу, то сяду на поезд и найду тебя у стадиона.

Ее мать нахмурилась.

– Нехорошо тебе ехать в город одной.

– Если мы не сядем на этот поезд, то опоздаем на матч.

– Ну, хотя бы возьми помаду.

Мать порылась в косметичке и протянула ей футлярчик.

– И как это поможет моей безопасности? – проворчала Вэл, забрасывая рюкзак себе за спину.

Она продолжала сжимать телефон, и пластмасса нагрелась у нее в кулаке. Мать улыбнулась.

– Мне сегодня надо будет показывать дом. Ты ключи взяла?

– Конечно, – ответила Вэл и поцеловала мать в щеку, оставив на ней винно-красный отпечаток и ощутив запах духов и лака для волос. – Если Том появится, передашь ему, что я уже ушла. И скажи ему, что он задница.

Мать улыбнулась, но в выражении ее лица оставалась какая-то неловкость.

– Подожди, – сказала она. – Тебе *лучшего* подождать.

– Не могу, – ответила Вэл. – Я уже сказала ему, что ухожу.

С этими словами она сбежала по лестнице, выскочила из дома и быстро прошла по их маленькому дворику. До станции идти было недалеко, холодный воздух приятно бодрил. Хорошо было делать хоть что-то, а не просто ждать.

Асфальт на парковке при железнодорожной станции еще не просох после вчерашнего дождя, а хмурое небо обещало следующий. Пока Вэл шла через парковку, загорелись и зазвенели предупреждающие сигналы. Она вышла на платформу как раз в тот момент, когда поезд остановился, выпустив поток горячего вонючего воздуха.

Валери замешкалась. А что, если Том забыл свой мобильник и дожидается ее дома? Если она сейчас уедет, а он сядет на следующий поезд, они могут друг друга не найти. Оба билета были у нее. Она может оставить ему билет в кассе, но он не догадается туда обратиться. И даже если все пройдет нормально, Том все равно будет мрачный. Когда – и если – он наконец появится, то будет настроен

только на ссору. Валери еще не знала, куда они пойдут, но надеялась, что им удастся найти какое-то место, где бы они могли немного побыть вдвоем.

Она пожевала кожу на большом пальце, аккуратно откусила заусенец, а потом потянула крошечную полоску кожи и оторвала ее. Это доставило ей странное удовольствие, несмотря на то, что на поверхности выступила капелька крови. Слизнув ее, Вэл почувствовала горьковатый привкус.

Двери поезда наконец захлопнулись, завершив ее сомнения. Валери посмотрела, как он отъезжает от станции, а потом медленно пошла домой. С облегчением и досадой она увидела, что машина Тома припаркована у дома рядом с «миатой» матери. Где он был? Она ускорила шаги, распахнула дверь и застыла на месте. Сетчатая створка выскользнула у нее из пальцев и с шумом захлопнулась. Сквозь сетку Валери увидела, что мать расположилась на белом диване, расстегнув накрахмаленную голубую блузку ниже линии лифчика. Том стоял на коленях на полу, у нее между ног, наклонив голову с ирокезом, чтобы ее поцеловать. Его пальцы с облупившимся черным лаком на ногтях возились с пуговицами ее блузки. Оба вздрогнули при хлопке двери и повернулись к ней. Губы у Тома были вымазаны помадой. Почему-то взгляд Вэл скользнул мимо них к засохшим ромашкам, которые Том подарил ей в честь их четырехмесячного юбилея. Они так и простояли несколько недель на тумбочке с телевизором. Мать велела выбросить их, но Вэл забыла. И теперь сквозь стекло вазы она видела стебли, концы которых были погружены в затхлую воду и покрылись плесенью.

Мать Валери сдавленно вскрикнула и неловко встала, запахивая блузку.

– Вот черт! – сказал Том, чуть не упав на бежевый ковер.

Вэл хотелось сказать что-то язвительное, что испепелило бы их на месте, но слова не приходили. Она повернулась и пошла прочь от дома.

– Валери! – позвала мать, и голос ее прозвучал скорее отчаянно, чем повелительно.

Оглянувшись, Валери увидела, что мать стоит в дверях, а Том темной тенью маячит позади нее. Валери побежала, чувствуя, как рюкзак шлепает ее по бедру. Она остановилась только у вокзала. Там

она присела на корточки на тротуаре и принялась вырывать вялые сорняки, пока набирала номер Рут.

Рут взяла трубку. Голос ее звучал так, словно она только что смеялась:

– Алло?

– Это я, – сказала Валери.

Она ожидала, что ее голос будет дрожать, но он звучал ровно, бесстрастно.

– Эй, ты где? – спросила Рут.

Валери почувствовала, что глаза у нее защипало от слез, но слова по-прежнему звучали твердо.

– Я кое-что узнала про Тома и мою мать...

– Вот черт! – прервала ее Рут. Валери замолчала. От ужаса у нее отяжелели руки и ноги.

– Ты что-то знаешь? Ты знаешь, о чем я говорю?

– Я рада, что ты узнала, – ответила Рут так поспешно, что ее слова почти натыкались друг на друга. – Я хотела рассказать, но твоя мама умоляла, чтобы я этого не делала. Она заставила меня поклясться, что я не скажу.

– Она тебе об этом рассказала? – Вэл чувствовала себя совершенной идиоткой, но у нее никак не получалось поверить, что она правильно поняла сказанное. – Ты знала?

– Она ни о чем другом не могла говорить, когда узнала, что Том мне проговорился. – Рут рассмеялась, а потом неловко замолчала. – Не то чтобы это давно началось. Честно. Я сказала бы, но твоя мама пообещала, что сама это сделает. Я даже пригрозила, что расскажу, но она заявила, что будет все отрицать. Но я пыталась делать намеки.

– Какие намеки?

У Вэл вдруг закружилась голова. Она закрыла глаза.

– Ну, я ведь посоветовала тебе посмотреть регистрационные списки чатов, помнишь? Послушай, какая разница! Я просто рада, что она тебе сказала.

– Она мне не говорила.

Наступило долгое молчание. Валери слышала дыхание Рут.

– Пожалуйста, не злись на меня, – наконец произнесла Рут. – Я просто не могла тебе сказать. Не хотела я, чтобы это шло от меня.

Вэл отключила телефон. Она пнула ногой пустую бутылку, посмотрела, как она катится в лужу, а потом топнула по луже. Отражение девушки расплылось. Единственным, что осталось четко видно, был ее рот – красная полоса на бледном лице. Она потерла его рукой, но краска только размазалась.

Когда пришел следующий поезд, Валери села в него, протиснулась на растрескавшееся оранжевое сиденье и прижалась лбом к прохладному окну. Телефон зазвонил, но она отключила его, не посмотрев на экран. Когда Вэл снова повернулась к окну, то увидела отражение своей матери. Ей понадобилась секунда, чтобы понять: она смотрит на себя в макияже. Сгорая от ярости, девушка быстро прошла в туалет.

Помещение было грязным, но просторным, с липким резиновым полом и жесткими пластиковыми стенами. Вонь мочи смешивалась с запахом искусственных цветов. Лепешечки использованной жвачки украшали стены.

Валери села на крышку унитаза и заставила себя расслабиться, глубоко вдыхая гнилостный воздух. Ногти ее больно впились в мягкую плоть рук, и благодаря этому она овладела собой и почувствовала себя немного лучше.

Вэл удивила сила ее ярости. Гнев затопил ее так, что ей стало страшно, что она начнет орать на кондуктора и пассажиров поезда. Она не могла представить, как выдержит всю поездку, и уже чувствовала себя совершенно измученной усилиями, которые ей приходилось тратить, чтобы держать себя в руках.

Вэл потерла лицо и посмотрела на свою дрожащую ладонь, испачканную винно-красной помадой. Затем она расстегнула рюкзак и высыпала его содержимое на грязный пол раскачивавшегося на ходу поезда.

Ее фотокамера со стуком вывалилась на пол вместе с парой кассет пленки, школьной книгой – «Гамлетом», которого ей следовало уже давно прочесть, парой завязок для волос, смятой пачкой жвачки и дорожным туалетным набором, подаренным матерью на прошлый день рождения. Неловкими пальцами Вэл

открыла его: пинцет, маникюрные ножницы и бритва заблестели в тусклом свете. Валери вытащила ножницы и прикоснулась к узким острым концам. Она выпрямилась, посмотрела в зеркало и, схватив прядь волос, принялась резать.

Когда она закончила, пряди лежали вокруг ее кроссовок, словно медные змейки. Вэл провела рукой по обритой голове, скользкой от розового жидкого мыла и в то же время шершавой, как кошачий язычок. Девушка глядела на свое отражение, ставшее чужим и некрасивым, на немигающие глаза и губы, сжавшиеся в узкую линию. Секунду она даже не могла понять, о чем думает незнакомка в зеркале.

Бритва и маникюрные ножницы со звоном упали в раковину, когда поезд резко дернулся. Вода заплескалась в унитазе.

– Эй! – крикнул кто-то из-за двери. – Что там происходит?

– Минутку! – откликнулась Вэл.

Она сполоснула бритву под краном и засунула ее в рюкзак. Забросив его на плечо, она оторвала кусок туалетной бумаги, смочила в воде и присела на корточки, чтобы собрать волосы.

Когда Вэл выпрямилась, ее взгляд снова упал на зеркало. На этот раз оттуда на нее смотрел молодой человек с такими нежными чертами лица, что ей показалось: он не сможет постоять за себя. Вэл моргнула, открыла дверь и вышла в коридор вагона.

Она вернулась на свое место, чувствуя, что пассажиры поспешно отворачиваются от нее. Уставившись в окно, Вэл видела, как мимо проносятся пригородные лужайки. А потом поезд заехал в туннель, и в окне осталось только ее новое, непривычное отражение.

Поезд остановился у подземной платформы, и Валери вышла, вдохнув едкий дым выхлопа. Она поднялась по узкому неработающему эскалатору, протискиваясь между людьми. Станция «Пени» была заполнена пассажирами, которые спешили, не глядя друг на друга, и лотками, где продавались брелки и кулоны, шарфы и волоконно-оптические цветы, переливавшиеся разными оттенками. Валери двигалась вдоль стены, миновав грязного нищего, спавшего под газетным листом, и группу девочек с рюкзаками, кричавших друг на друга по-немецки.

Ярость, которую она испытывала в поезде, исчезла, и Вэл шла по станции, словно лунатик.

Чтобы попасть к Мэдисон-сквер-гарден, надо было подняться по еще одному эскалатору и пройти мимо вереницы такси и киосков, торговавших засахаренным арахисом и сосисками. Мужчина вручил ей какую-то листовку. Она попыталась ее вернуть, но он уже прошел дальше, и у Вэл остался листок бумаги, обещавший «живых девиц». Она смяла его и засунула в карман.

Девушка протолкалась по узкому коридору, забитому людьми, и остановилась у билетной кассы. Молодой паренек за стеклом поднял голову, когда она просунула в окошко билет Тома. Вид у него был удивленный. Она решила, что ее бритая голова произвела сильное впечатление.

– Вы можете вернуть мне за него деньги? – спросила Валери.

– У вас уже есть билет? – уточнил он, щурясь, словно пытаясь сообразить, какую хитрость она задумала.

– Угу, – ответила она, – мой бывший парень, придурок такой, не смог пойти.

На лице кассира отразилось понимание, и он кивнул.

– Вас понял. Послушайте, я не могу вернуть вам деньги, потому что игра уже началась. Но если вы дадите мне оба, я найду вам место получше.

– Валяйте, – сказала Вэл и улыбнулась впервые за всю поездку.

Том уже отдал ей деньги за свой билет, и она обрадовалась возможности хоть немного отомстить ему таким образом.

Кассир передал Валери другой билет, и она прошла через турникет, проталкиваясь сквозь толпу. Люди с красными лицами переругивались. В воздухе пахло пивом.

Девушке хотелось посмотреть эту игру – ей очень нравилось, как хоккеисты, словно невесомые, легко двигались на льду, балансируя на острых лезвиях. После этого лакросс казался неуклюжим: просто толпа людей, топчущих траву. Но, направляясь от входа в сторону своего места, Вэл почувствовала, как ее желудок свело от ужаса. У «Рейнджерз» выдался отличный сезон, и игра была важна для всех зрителей, как раньше и для нее, но теперь Вэл просто убивала время,

пока не придется возвращаться домой.

Она нашла проход и стала пробираться внутрь. Большинство мест уже были заняты, так что ей пришлось протискиваться мимо группы краснолицых парней. Они вытягивали шеи, чтобы смотреть мимо нее, сквозь стеклянный барьер на поле, где уже начался матч. На стадионе пахло холодом, как после снегопада. Но даже в моменты, когда ее команда неслась к воротам, мысли Вэл возвращались к матери и Тому. Ей не следовало уходить вот так. Вэл жалела, что не может проиграть все снова. Она даже не стала бы обращать внимание на мать, а просто дала бы Тому в морду. А потом, глядя на него, она бы сказала: «От нее я такого ожидала, но о тебе имела лучшее мнение». Это было бы идеально.

Или, может, ей стоило расколотить окна машины Тома. Но вообще-то машина у него и так была просто грудой металлолома, так что, наверное, не стоило.

Вэл могла бы пойти к Тому домой и рассказать родителям про мешочек с травкой, который он прятал под пружинный матрас. С учетом этого и истории с ее матерью родственники, наверное, отправили бы его в какое-нибудь исправительное заведение для выроdkов – наркоманов, которые трахают чужих мам.

Что касается матери, то наилучшей мстью Вэл было бы позвонить отцу, подключить к громкой связи мачеху, Линду, и все им рассказать. Второй брак отца Вэл можно было бы назвать идеальным: они жили в уютном доме и воспитывали двоих очаровательных слюнтявых малышей. Вэл было противно общаться с ними. Но если бы она им все рассказала, эта история стала бы их собственностью. Они рассказывали бы ее всюду, где им вздумается, *упрекали*, бы мать Вэл при каждой ссоре, сообщили бы подробности своим приятелям по гольфу. А пока эта история принадлежала Вэл, она собиралась сама ею распоряжаться.

Зрители взревели. Вокруг Вэл люди вскакивали с мест. Один из рейнджеров бросил кого-то из противников на лед и начал срывать с себя перчатки. Арбитр схватил рейнджера, и конек того, скользя, разрезал щеку другого игрока. Когда их увели, девушка уставилась на кровь на льду. Рабочий в белой форме пришел и соскреб ее, а во время перерыва машина выровняла лед, но красное пятно осталось, словно кровь впиталась глубоко и ее уже невозможно было удалить. Даже когда ее команда забила последний победный гол и все вокруг

стремительно встали, Вэл так и не смогла оторвать взгляд от пятна.

После матча Валери вышла с толпой на улицу. Железнодорожная станция находилась в нескольких шагах, но она не могла даже думать о возвращении. Девушке хотелось оттянуть его, пока она не разберется во всем и не обдумает ситуацию. При одной мысли о том, чтобы сесть на обратный поезд, Вэл охватила тошнотворная паника, сердце отчаянно забилося, а желудок свело спазмом.

Вэл побрела куда-то наугад и спустя некоторое время заметила, что цифры на вывесках с номерами домов стали совсем маленькими, здания – очень старыми, улицы сузились и машин почти не видно. Повернув налево – как ей показалось, в сторону Уэст-Виллидж, – Вэл прошла мимо закрытого магазина одежды и рядов припаркованных машин. Она не знала, сколько было времени, но дело шло к полуночи.

Девушка мысленно снова и снова расшифровывала взгляды, которыми обменивались Том и ее мать: теперь выражение их глаз имело значение, несло подсказки, которые ей следовало бы заметить. Она вспомнила странное сочетание вины и честности на лице матери, когда та советовала подождать Тома. При этой мысли Вэл вздрогнула, словно ее тело пыталось сбросить с себя тяжкую ношу.

Она остановилась и купила кусок пиццы в сонном магазинчике, где у дальней стены сидела женщина с тележкой, заполненной бутылками, потягивала «Спрайт» через трубочку и тихо напевала. Горячий сыр обжег Вэл нёбо, а когда она взглянула на часы, то поняла, что пропустила последний поезд домой.

Глава 2

*Отчаянно бьется о сетку слепой мотылек,
В безнадежном полете пытаюсь
Все отдать за пьянящего света глоток.*

К. Дж. Кеннеди. «Уличные мотыльки»

Валери дремала на холодных плитках пола под картой подземки, положив голову на рюкзак. Она выбрала место для сна у кассы, решив, что ее никто не ограбит и не ударит ножом при людях.

Почти всю ночь Вэл провела в смутном состоянии между сном и бодрствованием, то на секунду отключаясь, то резко просыпаясь. Порой она выныривала из сна, не соображая, где находится. На станции стоял запах гниющего мусора и плесени. Лепной бордюр из перевитых тюльпанов над растрескавшейся краской напоминал о другой станции, «Спринт-стрит», – старинной и великолепной. Проваливаясь обратно в сон, Вэл попыталась представить себе эту станцию.

Самым странным было то, что девушка не боялась. Она чувствовала отстраненность от происходящего, словно лунатик, шагнувший с тропы нормальной жизни в лес, где может случиться все, что угодно. Ее гнев и обида остыли, превратившись в летаргию, которая свинцом залила руки и ноги.

Когда она в следующий раз с трудом разлепила глаза, над ней стояли люди. Она села, запустив пальцы одной руки в рюкзак, а другую подняв, словно защищаясь от удара. На нее смотрели два полисмена.

– С добрым утром, – сказал один из них. У него были короткие седые волосы и кирпично-красное лицо, будто он слишком долго стоял на ветру.

– Угу.

Вэл ладонью стерла остатки сна с уголков глаз. У нее болела голова.

– Довольно дерьмовое место для отдыха, – сказал полисмен.

Пассажиры шли мимо, но почти никто не смотрел в ее сторону. Вэл прищурила глаза:

– И?

– Сколько тебе лет? – спросил его напарник.

Он был моложе, стройный, с темными глазами, и от него пахло табаком.

– Девятнадцать, – соврала Вэл.

– Документы есть?

– Нет, – ответила Вэл, надеясь, что они не станут обыскивать ее рюкзак.

У нее было разрешение на вождение автомобиля вместо водительских прав, потому что она завалила экзамен по вождению, а эта карточка подтверждала, что ей всего семнадцать.

Он вздохнул.

– Здесь спать нельзя. Хочешь, отвезем тебя туда, где ты сможешь немного отдохнуть?

Вэл встала, забрасывая рюкзак себе на плечо.

– У меня все нормально. Я просто дожидаюсь утра.

– Куда ты собралась? – спросил полисмен постарше, загораживая ей дорогу.

– Домой, – ответила Вэл, потому что ей показалось, что это прозвучит прилично.

Она поднырнула ему под руку и бросилась вверх по лестнице на Кросби-стрит. С колотящимся сердцем девушка поспешно проталкивалась сквозь толпу сонных людей, торопившихся на работу со своими рюкзаками и портфелями. Она бежала мимо рассыльных на мотоциклах и вереницы такси, через потоки пара, вырывавшегося из вентиляционных решеток. Наконец Вэл остановилась и оглянулась, но оказалось, что ее никто не преследовал. Перейдя улицу на Бликер-стрит, она увидела двух панков, рисовавших на тротуаре мелом. У одного был радужный ирокез, чуть примятый сверху. Вэл осторожно обошла их рисунок и двинулась дальше.

Для Вэл Нью-Йорк всегда был местом, где мать крепко держала ее за руку. Она с детства запомнила сверкающие громады застекленных небоскребов, горячие чашки с лапшой быстрого приготовления, очереди на трамвай недалеко от театра. В этом театре давали утренние представления «Отверженных» для изучающих французский школьников, которых привозили из пригородов на автобусах. Но сейчас, когда Вэл вышла на Макдугал, Нью-Йорк показался ей совсем другим по сравнению с ее прежним представлением. Она проходила мимо ресторанчиков, которые уже начинали приниматься за работу за закрытыми дверями, мимо ограды из цепей, украшенных дюжиной с лишним замков, на каждом из которых была переводная картинка в виде детского личика, мимо магазина, где продавались только игрушки с дистанционным управлением. Маленькие, интересные места, говорившие о громадности города и странности его обитателей.

Она нырнула в тускло освещенную кофейню под названием «Дьявольское кафе». Внутри стены оказались оклеены красным бархатом. У прилавка стоял деревянный дьявол и держал серебряный поднос, прибитый к его руке. Вэл купила большую порцию кофе с корицей, сахаром и сливками. Горячую чашку было приятно держать в холодных пальцах, и она сразу заметила, как у нее одеревенели руки и ноги и свело спину. Девушка потянулась, выгибая спину и поворачивая шею, пока не услышала, как внутри у нее что-то щелкнуло.

Вэл направилась в дальнюю часть кофейни и заняла вытертое кресло у столика, где шептались парень с крошечными дредами и девушка со свалывшимися блекло-голубыми волосами и в белых сапогах до колена. Парень один за другим разрывал пакетики с сахаром, высыпая их содержимое себе в чашку.

Девушка немного передвинулась, и Вэл заметила, что на коленях она держит рыжего котенка. Он вытянул лапку и ударил по язычку молнии на пятнистой шубке из кроличьего меха, надетой на девушке.

Вэл невольно улыбнулась. Девушка поймала ее взгляд, ответно ухмыльнулась и посадила котенка на стол. Тот жалобно мяукнул, понюхал воздух и пошатнулся.

– Постой, – сказала Вэл.

Сняв крышечку со своего кофе, она прошла к прилавку, налила в

нее сливок и поставила перед котенком.

– Гениально! – сказала голубоволосая. Вэл заметила, что у нее воспалился прокол в носу: кожа вокруг блестящего камушка набухла и покраснела.

– Как его зовут? – спросила Вэл.

– Пока никак. Мы как раз это обсуждали. Если у тебя есть идеи, подскажи. Дэйв считает, что нам не надо заводить котенка.

Вэл отпила кофе. Ей ничего не приходило в голову. Казалось, что у нее отекли мозги и давят на череп. Она так устала, что перед глазами у нее все расплывалось, когда она моргала.

– А откуда он? Бездомный?

Девушка открыла рот, но парень положил руку ей на плечо:

– Лолли!

Он предупредительно сжал пальцы, и они обменялись пристальными взглядами.

– Я его украла, – заявила Лолли.

– Зачем ты рассказываешь людям? – спросил Дэйв.

– Я все людям рассказываю. Люди верят только тому, что могут осилить. Так я узнаю, кому можно доверять.

– Вы стащили его из магазина? – спросила Вэл, разглядывая крошечное тельце котенка и изогнутый розовый язычок.

Лолли покачала головой, явно гордясь собой:

– Я бросила камень в витрину. Ночью.

– Почему?

Вэл легко перешла на роль благодарного слушателя, поддакивая, как она это делала с Рут или Томом, и задавая вопросы, которые собеседник хотел бы услышать. Но на этот раз под знакомой привычкой скрывалась искренняя заинтересованность. Лолли ни на кого не была похожа. Она казалась именно такой, какой хотелось быть Рут со всем ее позерством.

– Женщина, которой принадлежит зоомагазин, курила. Прямо в магазине. Можешь себе представить? Такой нельзя доверять животных.

– Ты сама куришь, – покачал головой Дэйв.

– У меня нет зоомагазина, – отозвалась Лолли и повернулась к Вэл. – Голова у тебя круто смотрится. Можно мне потрогать?

Вэл пожала плечами и наклонила голову. Ощущение было странным – не неприятным, а просто необычным, как если бы кто-то гладил ей подошвы ног.

– Я – Леденчик, – сказала девица. Она повернулась к пареньку с дредами.

Он был худой и хорошенький, с азиатским разрезом глаз.

– А это Хилятик Дэйв.

– Просто Дэйв, – отозвался парень.

– А я – просто Вэл, – представилась Вэл, выпрямляясь.

Было облегчением беседовать с кем-то после долгих часов молчания. И еще легче было говорить с людьми, которые ничего не знали о ней, Томе, ее матери или ее прошлом.

– Не краткая форма от Валентины? – спросила Лолли, продолжая улыбаться.

Вэл не могла понять, дразнит ее эта девица или нет, но если уж ее звали Лолли, то можно ли считать смешным имя Вэл? Она просто покачала головой.

Дэйв хмыкнул и разорвал очередной пакетик сахара, высыпав кристаллики на стол и распределив на длинные полоски, которые начал есть смоченным в кофе пальцем.

– Вы ходите в школу где-то рядом? – спросила Вэл.

– Мы больше не ходим в школу, но мы здесь живем. Мы живем там, где нам хочется.

Вэл сделала еще глоток кофе:

– Что ты хочешь сказать?

– Ничего она не хочет сказать, – вмешался Дэйв. – А как насчет тебя?

– Я живу в Джерси. – Вэл посмотрела на молочно-серую жидкость у себя в чашке. На зубах хрустел сахар. – Наверное. Если я туда вернусь.

Она встала, чувствуя себя ужасно глупо и подозревая, что они над ней смеются.

– Сейчас приду.

Вэл пошла в туалет, умылась и прополоскала рот водой из-под крана. Когда она выплевывала воду, ясно увидела себя в зеркале: пятна веснушек вокруг рта и на щеках, включая одну прямо под левым глазом. Они походили на грязь, размазанную по неровному загару, который Вэл приобрела, занимаясь спортом на улице. Ее недавно побритая голова казалась странно бледной, а кожа вокруг голубых глаз покраснела и опухла. Когда девушка вернулась из туалета, Лолли и Дэйв исчезли.

Вэл допила кофе и решила подремать в кресле, но в кафе сталолюдно и шумно, и у нее еще сильнее заболела голова. Она вышла на улицу.

Гей-трансвестит в скособоченном пышном парике гнался за такси, держа в руке пластмассовую туфлю. Когда таксист набрал скорость, он швырнул туфлю с такой силой, что она ударила в заднее стекло.

– Гребаный козел! – заорал он, ковыляя за своей туфлей.

Вэл выбежала на мостовую, подобрала туфлю и вернула владельцу.

– Спасибо, котлеточка моя.

Вблизи Вэл заметила, что в его накладных ресницах блестят серебряные нити, а на скулах переливаются блестки.

– Из тебя выйдет чудесный принц. Славная прическа. Почему бы нам не притвориться, будто я – Золушка, чтобы ты мог надеть туфельку мне на ногу?

– Э-э... ладно, – ответила Вэл.

Она села на корточки и застегнула пластмассовый ремешок, пока трансвестит покачивался, пытаясь сохранить равновесие.

– Отлично, куколка.

Он поправил парик. Выпрямившись, Вэл увидела, как хохочет Хилятик Дэйв, сидевший на металлической ограде на другой стороне узкой улицы. Лолли вытянулась на краю синего покрывала,

украшенного росписью. На нем были разложены книги, подсвечники и одежда. При солнечном свете голубые волосы Лолли сияли ярче неба. Котенок растянулся рядом с ней, лапкой гоняя по земле сигарету.

– Эй, отважный принц Вэлиант!

Дэйв окликнул ее так, словно они были давними друзьями. Лолли помахала рукой. Вэл сунула руки в карманы и перешла к ним.

– Присаживайся, – предложила Лолли. – Я решила, что мы тебя напугали.

– Куда-то идешь? – спросил Дэйв.

– Да нет, в общем-то.

Вэл села на холодный асфальт. Кофе наконец побежал у нее по жилам, и она почувствовала себя почти бодрой.

– А как насчет вас?

– Продаем всякое, что Дэйв набрал. Поболтайся с нами. Наберем денег, а потом погудим.

– Ладно.

Вэл не знала, хочется ли ей гудеть, но была не прочь немного посидеть на тротуаре. Она взялась за рукав красной бархатной куртки:

– А откуда все эти вещи?

– В основном выуживаем из мусорных контейнеров, – ответил Дэйв без улыбки. – Просто удивительно, сколько люди готовы платить за то, что сами выбросили.

Вэл постаралась скрыть изумление. Ей хотелось показаться крутой и уверенной в себе.

– Могу поверить, – сказала Вэл. – Я как раз думала, какая славная куртка.

Похоже, ответ был правильный: Дэйв широко ухмыльнулся, показав обломанный передний зуб.

– А ты нормальная, – сказал он. – Так что ты говорила насчет того, что не вернешься? О чем это ты? Ты на улице?

Вэл похлопала рукой по асфальту.

– Сейчас – да.

Они оба рассмеялись. Пока Вэл сидела рядом с ними, мимо проходили люди, но видели только девчонку в грязных джинсах и с бритой головой. Любой ученик ее школы мог бы пройти мимо, Том мог бы остановиться купить галстук, мать могла бы споткнуться на выбоине в тротуаре – и никто из них не узнал бы ее.

Размышляя о своей жизни, Вэл поняла, что часто слишком доверяла другим, была слишком пассивной, видела в окружающих хорошее, а в себе – самое дурное. И все же она снова связалась с чужими людьми и позволила себе идти за ними. Но в том, что Вэл делала сейчас, появилось нечто новое, наполнявшее ее странной радостью. Это напоминало ощущения, которые испытываешь, когда стоишь на высотном здании, наклоняешься вперед и смотришь вниз и адреналин ударяет тебя. Это было остро, страшно и совершенно необычно.

Вэл провела день с Лолли и Дэйвом, сидя у стены и болтая ни о чем. Дэйв рассказал им про одного своего знакомого, который напился до того, что на спор съел таракана.

– Он сожрал одного из наших нью-йоркских тараканов, которые размером с золотую рыбку. Парень его кусает, но он торчит у него изо рта и все еще дергается. Он его жует, жует – и наконец глотает. И там мой брат, Луис, а он такой психованный гений, прочел всю энциклопедию, пока сидел дома с ветрянкой, и говорит: «А знаешь, тараканы откладывают яйца, даже когда уже умерли». Ну, этот тип ему не верил, но потом начал вопить, что мы его убиваем. Он хватался за живот и орал, что уже чувствует, как они едят его изнутри.

– Это гадко, – сказала Вэл, но при этом так хохотала, что у нее глаза заслезались. – Абсолютно гадко.

– Нет, а дальше еще лучше, – хихикнула Лолли.

– Ага, – подтвердил Хилятик Дэйв. – Потому что он заблевал себе ботинки. И таракан прямо там – пережеванный весь, но ясно видно куски большого черного жука. И вот что: одна нога дергалась.

Вэл завопила от отвращения и рассказала, как они с Рут попробовали курить котовник, решив, что забалдеют.

Когда они продали кошелек из поддельной крокодиловой кожи,

две футболки и расшитый стеклярусом жакет, Дэйв купил им всем хот-доги, густо приправленные тушеной кислой капустой, острым соусом и горчицей.

– Пошли. Надо отпраздновать то, что мы вас нашли! – заявила Лолли, вскакивая на ноги. – Тебя и котенка.

Продолжая жевать, Лолли потрусила по улице. Они прошли несколько кварталов, следуя за Лолли, пока не увидели старика, сворачивавшего самокрутки на ступеньках жилого дома. Рядом с ним стоял грязный пакет, набитый другими пакетами. Руки у него были тощими, как прутики, а лицо морщинистое, как изюмина, но он поцеловал Лолли в щеку и очень вежливо поздоровался с Вэл. Лолли дала ему пару сигарет и смятую пачку купюр, и он встал и пошел через улицу.

– Что с ним такое? – шепотом спросила Вэл у Дэйва. – Почему он такой худой?

– Просто из-за крэка, – ответил Дэйв. Через несколько минут старик вернулся с бутылкой шерри-бренди в коричневом бумажном пакете.

Дэйв выудил из своей сумки почти пустую бутылку колы и наполнил ее спиртным.

– Чтобы копы к нам не цеплялись, – объяснил он. – Ненавижу копов.

Вэл отхлебнула из бутылки и почувствовала, как алкоголь обжег ей горло. Передавая бутылку друг другу, они пошли по Третьей западной улице. Лолли остановилась перед лотком, на котором были выставлены сережки из бусин, нацепленные на пластмассовые подставки и звеневшие каждый раз, когда мимо проезжала машина. Она потрогала браслет из крошечных серебряных колокольчиков. Вэл прошла к следующему лотку, где лежали благовония, образцы которых дымились на подносе из раковины морского гребешка.

– Что у нас тут? – спросил мужчина из-за прилавка.

У него была кожа цвета полированного красного дерева, глаза темные и блестящие, как у ящерицы, и пахло от него сандалом. Вэл неопределенно улыбнулась и повернулась к Лолли.

– Скажи своим друзьям, чтобы они осторожнее выбирали, кому служить. О неудовольствии покупателя первыми узнают посыльные.

– Ясно, – ответила Вэл, отходя от прилавка.

Лолли подбежала к ней, позвякивая колокольчиками на запястье. Дэйв попытался заставить котенка лакать бренди из крышечки от бутылки.

– Тот тип, серьезно, странный, – сказала Вэл.

Когда она скосила глаза, то на секунду ей показалось, что у продавца благовоний из спины торчат длинные иглы, словно у дикобраза.

Вэл протянула руку за бутылкой.

Они бесцельно бродили по городу, пока не вышли к треугольному островку асфальта, на котором стояли скамейки – наверное, чтобы служащие ели здесь в теплую погоду свой ленч, вдыхая влажный воздух и выхлопные газы. Они уселись на одну из них, отпустив котенка исследовать расплющенный трупик голубя. Там они долго передавали бутылку друг другу, и под конец у Вэл онемел язык, закололо зубы, а голова начала кружиться.

– Ты веришь в привидения? – спросила Лолли.

Вэл на секунду задумалась над этим.

– Наверное, хотела бы.

– А как насчет всякого другого?

Лолли замякала и пошевелила пальцами, чтобы приманить котенка. Тот не обратил на это никакого внимания. Вэл рассмеялась:

– Чего другого? То есть я не верю в вампиров, оборотней, зомби и прочие вещи.

– А как насчет фейри?

– Фейри типа...

Дэйв хихикнул:

– Типа чудовищ.

– Нет, – ответила Вэл, качая головой. – Не думаю.

– Хочешь узнать тайну? – спросила Лолли.

Вэл придвинулась ближе и кивнула. Конечно, она хотела узнать тайну.

– Мы знаем, где есть туннель, в котором живет чудовище, – полушепотом сообщила Лолли. – Фейри. Мы знаем, где живут фейри.

– Что?

Вэл решила, что плохо расслышала Лолли.

– Лолли! – предостерегающе проговорил Дэйв, но язык у него заплетался. – Заткнись! Луис рассвирепел бы, если бы услышал.

– Ты не имеешь права диктовать мне, что говорить, – тряхнула волосами Лолли и обхватила себя руками, впившись ногтями в кожу. – И вообще – кто ей поверит? Могу спорить, что она и мне-то не поверила!

– Ребята, вы это серьезно? – спросила Вэл.

Она так опьянела, что почти готова была этому поверить. Вэл попыталась вспомнить волшебные сказки, которые собирала с раннего детства и любила перечитывать. Там редко фигурировали фейри или по крайней мере те существа, которых она привыкла считать фейри. В сказках говорилось о волшебницах-крестных, ограх, троллях и маленьких человечках, которые заключали сделки с маленькими детьми, предлагая им свою службу, а потом злобствовали из-за того, что их настоящее имя стало известно. Вэл вспомнила фейри из видеоигр, но там были эльфы, а она точно не знала, относятся ли эльфы к фейри.

– Расскажи ей, – велела Лолли Дэйву.

– А с чего это ты вдруг раскомандовалась? – спросил Дэйв, но Лолли только ударила его кулачком в плечо и засмеялась.

– Ладно. Ладно, – кивнул Дэйв. – Мы с братом как-то занимались городскими исследованиями. Знаешь, что это такое?

– Пролезали в те места, куда ходить не положено, – ответила Вэл. – В основном в старые помещения, так? Вроде заброшенных зданий?

У нее был двоюродный брат, который забирался во всякие странные нью-йоркские уголки, а потом вывешивал их фотографии на своем веб-сайте.

– Ага. В этом городе множество всякого, что большинство людей просто не могут видеть, – сказал Дэйв.

– Точно, – согласилась Вэл. – Белые аллигаторы. Люди-кроты. Анаконды.

Лолли встала и унесла котенка с того места, где он царапал когтями мертвую птицу. Она посадила его себе на колени и начала энергично гладить.

– Я так и думала, что ты не струсишь.

– А почему вы знаете такие вещи, которые больше никто не знает? – спросила Вэл, стараясь оставаться вежливой.

– Потому что Луис – ясновидящий, – ответила Лолли. – Он их может видеть.

– А ты их можешь видеть? – спросила Вэл у Дэйва.

– Только когда они мне позволяют, – ответил он и долгим взглядом посмотрел на Лолли. – Я окоченел.

– Пошли обратно к нам, – предложила Лолли, поворачиваясь к Вэл.

– Луису это не понравится.

Дэйв двинул ботинком, словно давил насекомое.

– Нам она нравится. Это главное.

– Куда? – спросила Вэл.

Ее била дрожь. Хотя ей стало тепло от спиртного, дыхание у нее собиралось облачком, а руки то были ледяными на воздухе, то горячими, когда она засовывала их под рубашку и прижимала к телу.

– Увидишь, – ответила Лолли.

Они прошли еще немного, а потом спустились на станцию метро. Леденчик прошла через турникет, проведя своей карточкой, а потом передала ее через решетку Дэйву. Она посмотрела на Вэл:

– Идешь?

Вэл кивнула.

– Вставай передо мной, – велел Дэйв, выжидая.

Вэл прошла к турникету. Он провел карточкой, а потом протолкнул девушку через турникет, тесно прижавшись к ней. Его тело оказалось туго свитыми мышцами, и она почувствовала запах

дыма и нестираной одежды. Вэл засмеялась и чуть пошатнулась.

– Я скажу тебе еще кое-что, чего ты не знаешь, – объявила Лолли, демонстрируя свои карточки. – Это метрокарты от зубочисток. Отламываешь от зубочистки маленькие кусочки и забиваешь их в машину. Люди платят, а карточек не получают. Это как ловушка для раков. Потом приходишь и смотришь, что попало.

– О! – только и сказала Вэл.

Голова у нее кружилась от бренди и растерянности. Она не могла понять, что правда, а что – нет.

Леденчик и Хилятик Дэйв прошли в дальний конец платформы, но вместо того, чтобы остановиться там и ждать поезда, Дэйв спрыгнул в выемку, по которой шли рельсы метро. Кое-кто из пассажиров, ожидавших поезда, посмотрел в его сторону и тут же поспешно отвел взгляд, но большинство вообще ничего не заметили. Лолли неуклюже последовала за Дэйвом: села на край и позволила ему почти на руках опустить ее вниз. Она удерживала котенка, который теперь начал вырываться.

– Куда вы идете? – спросила Вэл, но они уже исчезали в темноте.

Спрыгивая следом за ними на усеянный мусором бетон, Вэл подумала, какое это безумие – идти за двумя незнакомыми людьми в глубину подземки, но вместо того, чтобы бояться, она радовалась. Теперь она сама будет принимать все решения, даже если они окажутся губительными. Это было таким же приятным чувством, как когда рвешь листок бумаги на крошечные кусочки.

– Следи, чтобы не дотронуться до третьего рельса, иначе поджаришься, – донесся голос Дэйва откуда-то из глубины туннеля.

Третий рельс? Она опасливо посмотрела вниз. Центральный. Наверняка это центральный.

– А что, если подъедет поезд? – спросила Вэл.

– Видишь эти ниши? – крикнула Лолли. – Просто забейся в одну из них.

Вэл оглянулась на бетонную платформу метро – слишком высокую, чтобы залезть обратно. Впереди простиралась темнота, усеянная крошечными лампочками, которые не давали настоящего света. Шуршащие звуки раздавались слишком близко, и Вэл даже

показалось, что по ее ступне пробежали крошечные лапки. Она почувствовала панику, которую уже давно предвидела. Когда страх поглотил ее целиком, Вэл остановилась, оцепенев и потеряв способность двигаться.

– Пошли! – донесся из темноты голос Лолли. – Не отставай.

Вэл слышала вдали шум поезда, но не смогла понять, далеко ли он и по какому туннелю идет. Она побежала догонять Лолли и Дэйва. Вэл никогда не боялась темноты, но тут все было по-другому. Здешняя темнота казалась живым хищным существом, дышащим и изрыгающим смрад в окружающие ее туннели.

Запах грязи и влаги был удушающим. Вэл напрягала слух, стараясь уловить шаги своих новых знакомых. Она не спускала глаз с огней, словно это была дорожка из хлебных крошек, выводящая из опасности.

Поезд пронесся по второй линии рельсов. Внезапный свет и яростный шум ошеломили Вэл. Девушка ощутила толчок воздуха, словно все в туннелях притягивалось к нему. Если бы поезд шел по ее стороне, она не успела бы отскочить в нишу.

– Сюда.

Голос прозвучал неожиданно близко. Вэл даже не смогла определить, кому он принадлежал: Лолли или Дэйву.

Девушка поняла, что стоит рядом с платформой, похожей на ту станцию, откуда они ушли, только здесь плиточные стены были покрыты граффити. На платформе валялись матрасы, кучами лежали одеяла, диванные подушки и пуфы, по большей части разных оттенков горчично-желтого цвета. Огарки свечей давали тусклый мерцающий свет: некоторые были забиты в щербатые рты пивных банок, другие – в высокие стеклянные банки с лицом Девы Марии на этикетке. Парень с заплетенными в косу густыми волосами сидел рядом с японской жаровней, установленной в дальнем углу платформы. Один его глаз закрывало бельмо – белесое и странное пятно, темную кожу морщил стальной пирсинг. В ушах у него висели яркие серьги, некоторые из них были толстыми, как червяки. Из обеих щек торчали стержни, словно для того, чтобы подчеркнуть линию скул. Одна ноздря была проколота, а в нижнюю губу было вдето кольцо. Когда он встал, Вэл увидела, что на нем надеты дутая черная куртка и мешковатые рваные джинсы. Хилытик Дэйв начал

подниматься по самодельной лестнице, сбитой из деревянных реек.

Вэл повернулась, оглядываясь по сторонам. Одна стена была расписана аэрозольной краской, и надпись на ней гласила: «На веки вечные».

– Ее впечатлило! – сказала Лолли.

Ее голос эхом отразился от стен туннеля.

Дэйв хмыкнул и пошел к огню. Он достал из своей сумки раздавленные сигаретные окурки и высыпал их в одну из щербатых кружек, а потом составил пирамиду из банок с персиками и кофе.

Парень с пирсингом закурил один из бычков и сделал глубокую затяжку.

– А это, блин, кто?

– Вэл, – произнесла Валери прежде, чем Лолли успела ответить.

Вэл неловко переминалась с ноги на ногу, тревожно понимая, что не знает обратной дороги.

– Она моя новая подруга, – объявила Леденчик, устраиваясь в гнезде из одеял.

Парнишка с пирсингом нахмурился.

– А что с ее волосами? У нее что, рак?

– Я их остригла, – объявила Вэл.

Почему-то это заставило парнишку с пирсингом и Дэйва рассмеяться. Лолли казалась очень довольной ею.

– Если ты сама не догадалась, это Луис, – сказала Лолли.

– Мало нам тех, кто сам сюда добирается, так и вы еще стали экскурсоводами? – возмущенно спросил Луис.

Ему никто не ответил, так что, возможно, вопрос был задан просто так.

Вэл почувствовала, как на нее наползает ужасная усталость. Она легла на какой-то матрас и натянула себе на голову одеяло. Лолли еще продолжала говорить, но совместное воздействие бренди, уходящего страха и усталости оказалось непреодолимым. Домой она вполне может вернуться потом: завтра или через несколько дней. Когда угодно. Главное, чтобы это произошло не сейчас.

Когда Вэл уже начала дремать, котенок Лолли вскарабкался на нее, гоняясь за тенью. Она протянула к нему руку, запуская пальцы в короткую мягкую шерстку. Он был еще крошечный, но уже совершенно сумасшедший.

Глава 3

*Нашла я теплые пещеры средь лесов,
Наполнила их чашками, эстампами, шкафами,
Вещами всяческими, кипами шелков
И позвала на ужин эльфов с червяками.*

Энн Секстой. «Ее родня»

Напрягая все мышцы, Вэл вынырнула из сна в полное бодрствование. Сердце отчаянно стучало ей в ребра. Она чуть не закричала, но все-таки успела остановиться, вспомнив, где находится. Видимо, уже наступил день, хотя в туннелях было по-прежнему темно: единственный свет исходил от оплывающих свечей. На втором матрасе свернулась Леденчик, прижавшись спиной к Луису. Одна его рука была заброшена на нее. Дэйв лежал по другую сторону от нее, закутавшись в грязное одеяло и наклонив голову к Лолли, как ветвь дерева тянется к солнцу.

Вэл глубже спрятала голову под стеганое одеяло, хотя от него и шел слабый запах кошачьей мочи. Ей нездоровилось, но она отдохнула.

Вдруг она вспомнила, как пару недель назад просматривала с Томом каталоги колледжей. Он говорил о Канзасском университете, где читали хороший курс по журналистике, а обучение не было безумно дорогим. «И смотри, – сказал он, – у них есть женская команда лакросса», – как будто они и после школы планировали оставаться вместе. Она тогда улыбнулась и поцеловала его, продолжая улыбаться. Ей нравилось его целовать: он всегда умело отвечал на поцелуй. Сейчас она чувствовала себя раненой, глупой и преданной.

Вэл хотелось снова заснуть, но не получалось, так что она просто тихо лежала. Потом ей нестерпимо захотелось писать и пришлось, расставив ноги, присесть над вонючим ведром, обнаруженным в углу. Она стянула с себя джинсы и трусы, стараясь балансировать на цыпочках и держать одежду как можно дальше от тела. Вэл

успокаивала себя, что так бывает во время поездки по шоссе, где нет стоянок, и приходится уходить в лес. Ни туалетной бумаги, ни листьев тут не нашлось, так что она немного попрыгала на месте, надеясь отрясти все досуха.

Возвращаясь обратно, Вэл заметила, что Дэйв начал ворочаться, и надеялась, что не разбудила его. Она засунула ноги обратно под одеяло и теперь почувствовала, что острые запахи туннеля смешались в запах, который она не узнавала. Свет струился сквозь решетку, установленную на улице над ними, слабо освещая черные, испещренные грязью железные балки.

– Эй, ты проспала почти четырнадцать часов, – сказал Дэйв, поворачиваясь на бок и потягиваясь.

Он был без рубашки, и, несмотря на сумрак, Вэл разглядела на его груди глубокий шрам от пулевого ранения, сильно стягивавший кожу. Дэйв подошел к жаровне и разжег ее с помощью спичек и скомканных газет. Потом он поставил на нее кастрюльку, вытряхнул молотый кофе из жестянки и налил воды из пластмассовой бутылки из-под молока.

Наверное, она слишком долго его разглядывала, потому что он поднял голову и ухмыльнулся.

– Хочешь? Молока нет, но сахара сколько угодно. Ковбойский кофе.

Кивнув, Вэл завернулась в одеяло. Дэйв налил ей через ситечко кружку кофе, и она с радостью взяла ее и согрела о нее сначала руки, а потом щеки. Рассеянно проведя рукой по голове, Вэл почувствовала короткую щетину, словно тонкий наждак.

– Тебе стоит пойти со мной побираться, – сказал Хилятик Дэйв, глядя на матрасы с какой-то тоской. – Луис и Лолли готовы спать вечно, если им разрешить.

– А ты почему встал? – спросила девушка и сделала глоток из кружки.

Кофе оказался горьким, с привкусом дыма, но Вэл поняла, что ей нравится его пить. Дэйв пожал плечами.

– Я старьевщик. Надо проверить, что выбросили цивилиы.

Она кивнула.

– Это навык, как у свиней, которые вынюхивают трюфели. Он либо есть, либо его нет. Один раз я нашел часы «Ролекс» вместе с какой-то рекламной рассылкой и подгоревшими тостами. Как будто кто-то смахнул все с кухонного стола прямо в мусор, не глядя.

Несмотря на то, что Дэйв сказал насчет их склонности спать, Лолли застонала и выскользнула из-под руки Луиса. Глаза у нее были почти закрыты, а поверх вчерашней одежды она набросила грязный халат, скроенный как кимоно. Она была красивая – такая, какой Вэл не сможет стать никогда: пышная и крепкая одновременно.

Лолли толкнула Луиса. Он заворчал и перевернулся, приподнявшись на локтях. У стены что-то зашевелилось, и котенок подошел к ним и уткнулся головой в руку Луиса.

– Кстати, это кошка. Ты ей нравишься, видишь? – сказала Лолли.

– А ты не боишься, что ее сожрут крысы? – спросила Вэл. – Она вроде еще маленькая.

– Не слишком, – мрачно отозвался Луис.

– Перестань, ты же только вчера дал ей имя.

Лолли подняла котенка и посадила его к себе на колени.

– Ага, – сказал Дэйв. – Полли и Лолли.

– Полигимния, – уточнил Луис.

Вэл подалась вперед:

– А кто такая эта Полигимния?

Дэйв налил еще одну кружку кофе – для Луиса.

– Полигимния – это какая-то греческая муза. Не знаю, кто точно. Спроси у него.

– Не имеет значения, – сказал Луис, поджигая сигаретный окуроч.

Дэйв пожал плечами, словно извиняясь за то, что столько знает:

– Наша мама была библиотекарем.

Вэл толком не знала персонажей греческой мифологии: она только смутно помнила, что в девятом классе слышала что-то про «Одиссею».

– А кто теперь ваша мама?

– Никто. Она умерла, – ответил Луис. – Наш папа ее застрелил.

Вэл судорожно сглотнула и хотела пролепетать какие-то извинения, но Хилятик Дэйв заговорил первым.

– Я думал, что тоже стану библиотекарем. – Дэйв посмотрел на Луиса и продолжил: – В библиотеке хорошо думать. Так, как здесь. – Он снова повернулся к Вэл. – А ты знала, что я первым нашел это место?

Вэл покачала головой.

– Отрыл его. Я – властитель отбросов, повелитель помоек.

Лолли рассмеялась, и улыбка Дэйва стала шире. Казалось, собственная шутка стала нравиться ему больше, после того как Лолли оценила ее.

– Не хотел ты быть библиотекарем, – сказал Луис, качая головой.

– Луис всю мифологию знает. Например, Гермеса. Расскажи ей про Гермеса.

Лолли сделала глоток кофе.

– Он психопомп, – сказал Луис и бросил на Вэл мрачный взгляд, словно угрожая ей, если она вздумает спросить, что это значит. – Он путешествует между миром живых и мертвых. Типа курьера. Вот что Лолли хотела, чтобы я сказал. Но давай на минуту об этом забудем. Ты спросила насчет крыс, которые могут сожрать Полли. Что ты знаешь о крысах?

Вэл покачала головой.

– Ничего особенного. Кажется, одна перебежала через мою ногу по дороге сюда.

Лолли фыркнула, и даже Дэйв улыбнулся, но лицо Луиса оставалось напряженно-серьезным. Его голос зазвучал как заклинание, словно он повторял это раньше уже много раз.

– Крыс травят, отстреливают, ловят в капканы, избивают – точно так же, как бездомных людей, как нас. Крыс все ненавидят. Людям противно, как они двигаются, как скачут и постукивают лапками о пол. Крысы всегда отвратительны.

Вэл отвернулась и смотрела в темноту. Казалось, Луис ждет ее реакции, но она не знала, как правильно откликнуться. Она даже не была уверена, что понимает, о чем он на самом деле говорит.

Он продолжил:

– Но они сильные. Их зубы прочнее железа. Они могут прогрызть что угодно: деревянные балки, оштукатуренные стены, медные трубы. Все, кроме стали.

– Или алмаза, – сказала Лолли с ухмылкой.

Похоже, ее эта речь несколько не смутила.

Луис почти не подал вида, что слышал слова Лолли. Его взгляд по-прежнему был устремлен на Вэл.

– Раньше здесь, в городе, люди устраивали их бои в специальных ямах. Крыс заставляли драться с хорьками, с собаками, с людьми. Вот какие они сильные.

Дэйв улыбнулся, словно эти слова имели тайное значение для него.

– И при этом они сообразительные. Ты когда-нибудь видела крысу в метро? Иногда они входят в вагон на одной остановке и высаживаются на следующей. Они совершают поездку.

– Я такого никогда не видела! – фыркнула Лолли.

– А меня не интересует, что ты когда-то видела или не видела. – Луис посмотрел на Дэйва, который перестал кивать, а потом повернулся к Вэл: – Я могу петь хвалы крысам все утро, день и ночь, но это не изменит твоего отношения к ним, так ведь? Но что, если я сказал бы, что в мире есть такое, что относится к тебе так же, как ты – к крысам?

– А что это такое? – спросила Вэл, вспоминая, о чем говорила ей Лолли накануне вечером. – Ты имеешь в виду фе...

Она замолчала, потому что ногти Лолли впились ей в руку.

Луис долго смотрел на нее.

– И еще одно про крыс. Они неофобы. Понимаешь, что это значит?

Вэл покачала головой.

– Они не доверяют незнакомцам, – пояснил Луис без улыбки. – И мы тоже.

Тут он встал, выбросил докуренную сигарету на рельсы и поднялся по ступенькам, уводящим со станции.

«Какая задница!» Вэл дергала выбившуюся из брюк нитку, распуская ткань. «Мне надо возвращаться домой», – подумала она.

Но никуда не пошла.

– Не обращай на него внимания, – сказала Лолли. – Из-за того, что он может видеть вещи, которых нам не видно, он считает себя лучше нас.

Она подождала, чтобы Луис скрылся из вида, а потом взяла коробочку для ленча с изображением розовой кошки на крышке. Открыв защелку, она вынула оттуда свернутую футболку и, раскатав ее, разложила содержимое: шприц, старинную посеребренную ложку со стершимся кое-где покрытием, пару колготок телесного цвета, несколько запечатывающихся пластиковых пакетиков с янтарного цвета порошком, отливавшим в тусклом свете бледной голубизной. Лолли спустила рукав своего халата, и Вэл увидела на сгибе ее локтя черные отметины, словно кожа в этих местах обуглилась.

– Остынь, Лолли, – сказал Хилятик Дэйв. – Не при ней. Не это.

Лолли откинулась на гору подушек и сумок и посмотрела на Вэл.

– Мне нравятся иглы. Мне нравится ощущать сталь под кожей. Можно словить легкий кайф, вкалывая воду. Можно вкалывать даже водку. Идет прямо в кровь. Можно здорово напиться и дешевле будет.

Вэл потерла руку.

– Это не намного больше того, как ты меня оцарапала.

Ей следовало бы ужаснуться, но весь ритуал заморозил ее. Это что-то напомнило, только Вэл не понимала, что именно.

– Извини. Луис был в таком настроении, что мне не хотелось, чтобы он начинал еще и про фейри.

Лолли скорчила гримасу и начала подогрывать над зажигалкой немного воды и порошка. Смесь закипела в ложке. Ноздри Вэл

наполнились сладким запахом, напоминающим жженный сахар. Лолли набрала раствор в шприц, постучала по нему, собирая вверху пузырьки воздуха, и вытолкнула их со струей жидкости. Перетянув руку выше локтя колготками, Лолли медленно ввела кончик иглы в один из синяков.

– Теперь я волшебница, – заявила Лолли. В этот момент Вэл сообразила, что этот процесс напомнил ей, как мать накладывает макияж: раскладывает косметику, а потом использует средства по очереди. Сначала тональный крем, потом пудру, тени для век, карандаш для век, румяна... Все происходило спокойно и последовательно, как торжественная церемония. Слияние этих двух картин сильно ее смутило.

– Тебе не следовало делать это при ней, – повторил Дэйв, указывая на Вэл движением подбородка.

– А ее не колышет. Правда, Вэл?

Вэл не могла понять, что думает. Она еще никогда не видела, чтобы кто-то делал себе укол так профессионально, словно врач.

– Ей не положено видеть, – сказал Дэйв.

Вэл наблюдала, как он встал, начал расхаживать по платформе и наконец остановился под надписью из керамической мозаики, которая гласила: «За все надо платить». Ей показалось, что у него за спиной темнота изменяет свою форму, расползается, словно капля туши, попавшая в воду. Казалось, Дэйв тоже это увидел. Глаза у него широко раскрылись.

– Не делай этого, Лолли.

Сумрак словно сливался в нечеткие формы, от которых у Вэл по рукам побежали мурашки. Размытые рога, пасти, набитые зубами, длинные, как ветви, когти образовались и снова растворились.

– В чем дело? Страшно? – презрительно спросила Лолли у Дэйва, а потом снова повернулась к Вэл. – Он собственной тени боится. Вот почему мы называем его Хилятик.

Вэл ничего не ответила: она продолжала смотреть на движущуюся темноту.

– Пошли, – сказал Дэйв Вэл, нетвердо идя к лестнице. – Надо идти проверять мусор.

Лолли преувеличенно надула губы.

– Вот уж нет! Это я ее нашла. Вэл моя новая подруга, и я хочу, чтобы она осталась здесь и поиграла со мной.

«Поиграла» с ней? Вэл не знала, о чем говорит Лолли, но ей не понравилось, как это прозвучало. В этот момент Вэл больше всего хотелось выбраться из этих давящих тесных туннелей и оказаться подальше от двигающейся тени. Сердце у нее колотилось так быстро, что она боялась, как бы оно не выскочило из груди, словно кукушка из часов.

– Мне надо выйти подышать.

Она встала.

– Останься, – лениво сказала Лолли. – Ты не поверишь, как тебе будет весело.

Ее волосы показались Вэл гораздо более яркими, чем всего мгновение назад, – их пронизывали аквамариновые тени. Воздух вокруг Лолли мерцал маревом, как над улицей в жаркий солнечный день.

– Пойдем, – позвал ее Дэйв.

– Почему ты всегда такой скучный?

Лолли закатила глаза и прикурила от жаровни. Половина сигареты моментально сгорела, но девушка все равно затянулась. Голос у нее стал медленным и нечетким, но взгляд сонных глаз оставался суровым.

Дэйв начал подниматься по желтой служебной лестнице, и Вэл быстро пошла за ним, чувствуя непонятный страх. Наверху Дэйв поднял решетку, и они оказались на тротуаре. Выйдя на яркий свет дневного солнца, Вэл поняла, что оставила на платформе свой рюкзак с обратным билетом внутри. Она полуобернулась к решетке, но в нерешительности застыла. Ей хотелось забрать рюкзак, но Лолли вела себя так странно... Все стало ужасно странным. Но, может быть, даже запаха наркотика было достаточно, чтобы заставить тени двигаться? Она мысленно пробежалась по списку веществ, которых следовало избегать, – его им дали на уроке по охране здоровья: героин, «ангельская пыль», кокаин, особый К. Она немного знала про них. Никто из ее знакомых не заходил дальше курения травки или выпивки.

– Идешь? – окликнул ее Дэйв. Впервые увидев его при ярком свете, Вэл заметила стершиеся подошвы его ботинок, пятна на джинсах, тугие мышцы на худых руках.

– Я оставила мой... – начала она, но потом передумала. – Не важно.

– Лолли просто такая, – сказал он с грустной улыбкой, глядя на тротуар, а не в глаза Вэл. – Ее ничто не изменит.

Вэл посмотрела на большое здание на другой стороне улицы и на бетонную площадку, где они стояли, – с высохшим и растрескавшимся прудом и брошенной тележкой для покупок.

– Если этим путем так легко забраться, почему мы шли через туннели?

Дэйв, похоже, смутился и секунду молчал.

– Ну, в финансовом районе в пять часов в пятницу довольно много народу, а в субботу он почти пустой. Ни к чему вылезать посреди тротуара, когда вокруг миллионы людей.

– И это все? – спросила Вэл.

– И я тебе не доверял, – добавил Дэйв. Вэл попыталась улыбнуться, потому что надеялась, что теперь он немного верит ей, но она могла думать только об одном: что случилось бы, если в какой-то момент, идя по туннелям, он вдруг решил бы, что не может ей доверять.

Вэл копалась в мусорном контейнере. Запахи пищи по-прежнему вызывали у нее позывы на рвоту, но после предыдущих двух мусорных свалок она уже немного к ним привыкла. Отодвинув горы измельченной бумаги, Вэл обнаружила только несколько досок, утыканных гвоздями, пустые коробки из-под компакт-дисков и сломанную рамку для фотографии.

– Эй, смотри-ка! – окликнул ее Хилятик Дэйв от соседнего контейнера.

Он вынырнул в морском бушлате с надорванным рукавом и с пенопластовой коробкой из ресторана, которая была почти до верху полна лапши в соусе «Альфредо».

– Хочешь? – спросил он, запихивая в рот изрядную порцию лапши.

Вэл с отвращением покачала головой, но засмеялась.

Прохожие с портфелями и сумками направлялись с работы домой. Казалось, никто не видел Вэл или Дэйва. Можно было подумать, что они стали невидимками, частью отбросов, которые перебирали. Именно об этом Вэл слышала по телевизору и читала в книгах. Предполагалось, что такой образ жизни унижает человека, но Вэл чувствовала себя освобожденной. Никто не смотрел на нее и не судил, хорошо ли подобраны предметы ее одежды или с кем она дружит. Ее вообще не видели.

– А разве сейчас не слишком поздно искать что-то стоящее? – спросила Вэл, спрыгивая.

– Нет, утро – самое хорошее время. Примерно в это время в рабочие дни конторы выбрасывают мусор из офисов. Посмотрим, что тут есть, а потом выйдем около полуночи, когда рестораны выбрасывают вчерашний хлеб и овощи. А потом, на рассвете, снова надо обойти жилые районы до приезда грузовиков.

Она изумленно посмотрела на него.

– Но ведь нельзя это делать каждый день, так?

– Где-нибудь всегда выбрасывают мусор.

Вэл посмотрела на пачку журналов, связанных бечевкой. Пока ей не попалось ничего, что показалось бы стоящим.

– А что конкретно мы ищем?

Дэйв доел лапшу и швырнул коробку обратно в контейнер.

– Бери всю порнографию. Ее всегда можно продать. И все крутое, навверное. Если что-то кажется тебе крутым, скорее всего, еще кто-то тоже так подумает.

– Как насчет этого?

Она указала на ржавое железное изголовье кровати, прислоненное к стене дома в переулке.

– Ну, – сказал он, словно стараясь ее не обидеть, – это можно было бы оттащить в один из модных магазинчиков: они красят такие штуки и перепродают за большие деньги, – но они не заплатят нам

столько, чтобы стоило трудиться. – Он посмотрел на темнеющее небо. – Черт. Мне надо кое-что забрать, пока не стемнело. Мне, может, придется отнести посылочку.

Вэл взяла изголовье. Ржавчина измазала ей руки, но ей удалось взвалить чугунное литье на плечо. Дэйв был прав. Она поставила тяжелое изголовье обратно.

– Что за посылочку?

– Эй, смотри-ка! – Дэйв присел на корточки и вытащил коробку, набитую любовными романами. – Пожалуй, это что-то нужное!

– Кому?

– Их, наверное, можно продать, – ответил он.

– Да?

Мать Вэл читала любовные романы, так что девушка привыкла к виду этих обложек: женщина с распущенными длинными волосами в объятиях мужчины, красивое здание вдали. Заглавия печатали замысловатым шрифтом с завитушками, а на некоторых книжках блестело золотое тиснение. Вэл готова была спорить, что ни в одной из этих книг не писали, как трахать парня собственной дочери. Хотелось бы ей увидеть такое на какой-нибудь обложке: молодого паренька и старую даму со слишком ярким макияжем и морщинами у рта.

– Зачем кому-то читать это дерьмо?

Дэйв пожал плечами, зажал коробку под мышкой и открыл одну из книг. Он не читал вслух, но губы у него шевелились, когда он просматривал страницу.

Они какое-то время шли молча, а потом Вэл указала на книгу у него в руке:

– О чем она?

– Пока не знаю, – ответил Дэйв недовольным голосом.

Он уткнул лицо в книгу, и они еще какое-то время шли в молчании.

– Посмотри!

Вэл указала на деревянный стул без сиденья.

Дэйв придирчиво осмотрел его.

– Нё-а. Его мы не продадим. Если только ты не хочешь взять его себе.

– А что мне с ним делать? – спросила Вэл.

Дэйв пожал плечами и повернул в черную чугунную калитку. Роман он бросил обратно в коробку. Вэл приостановилась, чтобы прочесть табличку: «Сьюард-парк». Высокие деревья затеняли почти всю заброшенную детскую площадку. Асфальт был покрыт ковром желтых и бурых листьев. Они миновали пересохший фонтан с каменными тюленями, которые, наверное, летом пускали струи воды. Скульптура волка выглядывала из зарослей побуревшей травы.

Хилятик Дэйв прошел мимо этого, не останавливаясь: он направился к отдельной огороженной площадке рядом с филиалом Нью-Йоркской публичной библиотеки и протиснулся в дыру в ограде. Вэл пролезла за ним и очутилась в миниатюрном японском садике, заполненном горками гладких черных булыжников, сложенных в кучи разной высоты.

– Подожди здесь, – велел он.

Он рассыпал одну из каменных горок и достал небольшой сложенный листок. Спустя пару секунд он пролез обратно через ограду и развернул записку.

– Что здесь говорится? – спросила Вэл. Ухмыльнувшись, Дэйв протянул ей листок. Он оказался чистым.

– Смотри, – сказал он.

Скомкав листок, Дэйв подбросил его в воздух. Он взлетел над дорожкой и начал падать, а потом внезапно изменил направление, словно подхваченный ветерком. На глазах изумленной Вэл бумажный комочек покатился, пока не остановился прямо под детской горкой.

– Как ты это сделал? – спросила Вэл. Дэйв запустил руку под горку и извлек оттуда перемотанный липкой лентой пакет.

– Только не рассказывай Луису, ладно?

– Ты это по любому поводу говоришь?

Вэл смотрела на предмет у Дэйва в руках.

Это была бутылка из-под пива, запечатанная расплавленным воском. На горлышке висел обрывок бумаги, закрепленный на разлохмаченной бечевке. Внутри бутылки пересыпался карамельно-коричневый песок, отливавший фиолетовым.

– А в чем фишка?

– Послушай, если ты не собираешься верить Лолли, я не стану тебя уговаривать. Она и так уже сказала тебе слишком много. Но допустим, что ты на минуту поверила Лолли и что Луис может видеть целый мир, который не виден нам всем, и еще, скажем, что он выполняет кое-какие их поручения.

– Их?

Вэл не могла понять, не сговорились ли они просто запудрить ей мозги.

Дэйв сел на корточки и, быстро проверив положение солнца на небе, распечатал бутылку так, что воск на горлышке растрескался. Он пересыпал часть содержимого в пластиковый мешочек вроде того, из которого Лолли высыпала наркотик, и засунул мешочек в передний карман джинсов.

– Слушай, а что это? – спросила Вэл, но теперь ее голос стал неуверенным.

– Могу честно сказать, что ни хрена не знаю, – ответил Дэйв. – Слушай, мне надо пойти в центр и занести вот это. Ты можешь пойти со мной, только держись подальше, когда мы туда доберемся.

– А Лолли вколола себе в руку именно это? – спросила Вэл.

Дэйв явно колебался.

– Слушай, – добавила Вэл, – я ведь могу спросить у Лолли.

– Нельзя верить всему, что говорит Лолли, – заявил Дэйв.

– А что ты этим хочешь сказать? – возмущенно спросила Вэл.

– Ничего.

Дэйв тряхнул головой и зашагал по дорожке. Вэл пришлось идти за ним следом. Она не была уверена, что сможет найти обратную дорогу на заброшенную платформу, если он не выведет ее туда, а чтобы пойти куда-то еще, ей нужен рюкзак.

Они поехали по маршруту «Ф» до Тридцать четвертой улицы, там пересели на линию «Б» и ехали до Девяносто шестой улицы. Пока вагон с грохотом несея по туннелям, Хилятик Дэйв держался за горизонтальную перекладину и подтягивался.

Вэл смотрела в окно поезда, наблюдая, как мимо проносятся огоньки, отмечающие расстояние, но спустя какое-то время ее внимание переключилось на других пассажиров. Жилистый негр с коротко стриженными волосами бессознательно покачивался под музыку из своего наладонника, держа одной рукой пачку рукописей. Девушка, сидевшая рядом с ним, тщательно вырисовывала у себя на руке перчатку из чернильных спиралей. Привалившийся спиной к дверям высокий мужчина в сером костюме в полоску сжимал свой портфель, с ужасом глядя на Дэйва. Казалось, что у каждого человека была цель поездки, и только Вэл оставалась щепкой, крутившейся в реке, и даже не знала толком, в каком направлении движется. Она только знала, что делать, чтобы ее закружило еще сильнее.

От станции они прошли несколько кварталов до края Риверсайд-парк – бесформенного зеленого пятна, спускавшегося к шоссе и реке за ним. На другой стороне улицы стояли городские дома с кружевными чугунными решетками на окнах и дверях. Дверные проемы и лестницы обрамляли бетонные блоки со сложной резьбой, складывавшейся в фантастических драконов, львов и грифонов, которые с усмешками смотрели на нее в отраженном свете уличных фонарей. Они прошли мимо фонтана, где каменный орел с треснувшим клювом мрачно взирал поверх грязно-зеленого пруда, забитого листвой.

– Просто подожди здесь, – велел ей Дэйв.

– Почему? – спросила Вэл. – В чем проблема? Ты уже рассказал кучу дерьма, которого мне знать не следовало.

– Я же сказал: тебе не положено идти со мной.

– Ладно. – Вэл сдалась и села на край фонтана. – Я буду здесь.

– Отлично, – сказал Дэйв и побежал через улицу к двери без железной решетки.

Он поднялся по белым ступенькам, положил коробку с любовными романами и нажал кнопку звонка рядом с нарисованным аэрозольной краской грибом. Вэл стала рассматривать скульптуры химер, установленные на крыше здания. На ее глазах одна вдруг

встряхнулась, словно птица на жердочке: каменные перья зашуршали и снова легли неподвижно. Вэл уставилась на нее – и через секунду химера застыла.

Вэл вскочила и пошла через улицу, окликая Дэйва. Но как раз когда она дошла до лестницы, черная дверь открылась и в дверном проеме возникла женщина в длинной белой рубашке. Ее спутанные коричнево-зеленые волосы выглядели немытыми, а кожа под глазами была темной, как синяки. Из-под подола рубашки, там, где должны были находиться ступни, выглядывали копыта.

Вэл замерла на месте. Дэйв повернул голову, обжег Вэл яростным взглядом, а потом вынул из сумки пивную бутылку.

– Зайдете внутрь? – спросила женщина на копытах.

Голос у нее был хриплый, словно она много кричала. Казалось, она не обратила внимания, что печать на бутылке сломана.

– Ага, – ответил Дэйв.

– А кто твоя подруга?

– Вэл, – ответила Вэл, стараясь не глядеть на женщину. – Я новенькая. Дэйв показывает мне, что к чему.

– Она может подождать здесь, – сказал Дэйв.

– Ты считаешь меня такой невоспитанной? Холодный ветер продует ее до костей.

Женщина открыла дверь шире, и Вэл с довольной ухмылкой зашла следом за Дэйвом внутрь. Там оказались выложенный мрамором вестибюль и лестница с перилами из старого полированного дерева. Женщина на копытах повела их по скупобставленным комнатам, мимо фонтана, где плавали серебристые вуалехвосты, такие бледные, что сквозь чешую у них просвечивали розовые внутренности, через музыкальный салон, где на мраморном столе находилась небольшая арфа с двойными струнами, и наконец привела в гостиную. Она уселась на кремовую кушетку с вытертой парчовой обивкой и жестом пригласила их присоединиться. Рядом стоял низкий столик, а на нем – стакан, заварочный чайник и потускневшая ложка. Женщина с копытами ложкой отмерила немного янтарного порошка в стакан, долила горячей водой и сделала большой глоток. Она поморщилась от неприятного вкуса, а когда подняла взгляд, то глаза ее засияли странным, ярким блеском. Вэл не

удержалась и перевела взгляд на козьи копытца женщины. Было нечто непристойное в короткой густой шерсти, покрывавшей ее стройные щиколотки, в гладкости черного рога, в двух расходящихся пальцах.

– Иногда лекарство может оказаться причиной болезни, – проговорила женщина с копытами. – Дэвид, обязательно передай Равусу, что было еще одно убийство.

Дэйв уселся на пол, выкрашенный под черное дерево.

– Убийство?

– Вчера ночью погибла Дании Ягодка. Бедняжка, она как раз выходила из своего дерева. Ужасно, как эта железная ограда окружала ее корни. Железо, должно быть, обжигало ее всякий раз, как она через нее переступала. Ты доставлял ей, так?

Дэйв тревожно пошевелился.

– На прошлой неделе. В среду.

– Вполне возможно, что ты последним видел ее живой, – сказала женщина с козьими ногами. – Будь осторожен. – Она взяла стакан и выпила еще немного раствора. – Пошли слухи, что твой хозяин торгует ядом.

– Он мне не хозяин. – Дэйв встал. – Нам надо идти.

Женщина с козьими ногами тоже встала.

– Конечно. Пройди со мной, я с тобой расплачусь.

– Ничего не ешь и не пей, иначе влипнешь еще сильнее, чем сейчас, – прошептал Дэйв Вэл, уходя за женщиной в другую комнату.

Вэл нахмурилась и прошла к горке. За стеклянной дверцей оказался большой цельный кусок, похожий на обсидиан. Рядом лежали еще какие-то предметы, не менее странные. Кусок коры, сломанная палка, острый репейник, похожий на шишку с бритвенно-острыми чешуйками.

Через несколько секунд Дэйв и женщина с козьими ногами вернулись. Она улыбалась. Вэл попыталась рассмотреть ее, не глядя ей в глаза. Если бы раньше кто-то спросил у Вэл, что бы она сделала, увидев сверхъестественное существо, она ни за что не ответила бы, что не станет делать вообще ничего. Ей не удавалось определить, что

именно она видит, и понять, чудовище ли это. Пока они выходили из дома, Вэл слышала, как кровь стучит у нее в голове и отчаянно колотится сердце.

– Блин, я же сказал тебе, чтобы ты оставалась там! – прорычал Дэйв, махнув рукой на фонтан на другой стороне улицы.

Вэл слишком растерялась, чтобы разозлиться.

– Я увидела, как что-то – скульптура – двигается. – Она указала вверх, на крышу здания и почти ночное небо, но говорить внятно не могла. – А потом я подошла, и... Что она такое?

– Блин! – Дэйв ударил в каменную стену кулаком, так что костяшки его пальцев содрались до крови. – Блин! Блин!

Он пошел по улице, вжав голову в плечи, словно ему навстречу дул сильный ветер. Вэл догнала его и схватила за руку.

– Скажи мне! – потребовала она, до боли сжимая его руку.

Дэйв попытался вырваться, но не смог. Вэл оказалась сильнее.

Он посмотрел на нее странным взглядом, словно оценивал расстановку сил.

– Ты ничего не видела. Там нечего было видеть.

Вэл возмущенно уставилась на него.

– А что ответила бы Лолли? Фейри, да? Только фейри на свете не бывает!

Дэйв захохотал. Она отпустила его и сильно толкнула. Коробка с романами упала, книги в бумажных переплетах высыпались на мостовую.

Он посмотрел на них, а потом – снова на Вэл.

– Чертова сука! – сказал он и плюнул на землю.

Вся ярость и напряжение последнего дня вскипели в Вэл. Руки сжались в кулаки. Ей хотелось что-то ударить.

Дэйв наклонился, поднял коробку и, уложив выпавшие книги обратно, процедил:

– Радуйся, что ты девчонка.

Глава 4

Нельзя на гоблинов смотреть,

Плоды их покупать:

Не знаем мы, что за земля

Нужна, чтоб их питать.

Кристина Россетти. «Ярмарка гоблинов»

На обратном пути, пока они ехали в метро, Вэл сидела на пластиковом сиденье далеко от Дэйва. Она откинула голову на схему метро под плексигласом и пыталась представить, как у человека могли вырасти копыта. Она уже видела тени, двигавшиеся сами по себе, и бутылки с коричневым песком, имевшие какое-то отношение к убитым дриадам. Вэл определенно поняла, что она больше не желает быть слепой и глухой дурой, которая не замечала, что ее мама и парень трахаются, пока не увидела это своими глазами. Она хотела знать правду.

Когда Вэл подошла к парковке на Леонард-стрит, она увидела Луиса: он сидел на парапете и пил что-то из синей стеклянной бутылки. Девчонка в разных тапочках и с раздутым животом сидела рядом с ним, держа сигарету в трясущихся пальцах. Подойдя ближе, Вэл увидела на щиколотках новой девчонки болячки, из которых сочился гной. Улицы уже почти опустели, и только охранница время от времени выходила на тротуар, а потом снова исчезала в здании.

– Почему ты еще здесь? – спросил Луис, глядя на нее снизу вверх.

Вэл смутил взгляд его мутного глаза.

– Просто скажи мне, где Лолли, и меня здесь не будет, – ответила Вэл.

Луис указал подбородком на решетку в земле. В этот момент к ним подошел Дэйв.

Девчонка уронила свою сигарету и потянулась за ней. Ее пальцы

коснулись горящего конца, но она, похоже, этого даже не заметила, неловко вставив ее обратно в рот.

– Что ты сделал? – спросил Луис у Дэйва, сжимая зубы. – Что случилось?

Дэйв уставился на припаркованные вдоль улицы машины.

– Я не виноват.

Луис закрыл глаза.

– Блин, ты такой идиот!

Дэйв говорил что-то еще, но Вэл уже шла к служебному входу – решетке в тротуаре, из-под которой они с Дэйвом вылезли сегодня днем. Она встала на четвереньки, подняла свободный край решетки и спустилась на ступеньки.

– Лолли? – крикнула она в темноту.

– Я здесь, – послышался сонный ответ. Вэл побрела по матрасам и одеялам туда, где спала прошлой ночью. Ее рюкзака на месте не оказалось. Она спихнула часть грязной одежды на платформу. Рюкзака не было.

– Где моя сумка?

– Вот что получается, если доверяешь бродягам, – засмеялась Лолли и подняла рюкзак. – Здесь он. Остынь.

Вэл расстегнула молнию рюкзака. Все ее вещи были внутри: бритва все так же была забита волосами, тринадцать долларов по-прежнему лежали в кошельке рядом с билетом на поезд. Даже жевательная резинка оказалась на месте.

– Извини, – сказала Вэл и села.

– Не доверяешь нам? – ухмыльнулась Лолли.

– Послушай, я кое-что видела, но не знаю, что это было. И хватит мне мозги трахать.

Лолли села, обхватив согнутые в коленях ноги. Глаза у нее широко открылись, а ухмылка растянулась еще шире.

– Ты видела кого-то из них!

Образ женщины с козьими ногами тревожно скользнул в сознании Вэл.

– Я знаю, что ты собираешься сказать, но я не думаю, что это была фейри.

– А что тогда это было, по-твоему?

– Не знаю. Может, мои глаза меня подвели. Чушь какая-то получается.

Вэл села на перевернутый деревянный ящик из-под мандаринов. Он затрещал, но не сломался.

– Верь тому, что можешь выдержать.

– Да, но я хочу сказать – фейри? Типа: «Похлопайте, если верите в чудеса»?

Лолли фыркнула.

– Ты одну видела. Вот ты мне и скажи.

– Я и говорю. Я сказала тебе, что не знаю, что я видела. Женщину с козьими ногами? И как ты что-то вколола себе в руку? И как танцевала бумага? И все это должно складываться во что-то одно?

Лолли нахмурилась.

– Откуда ты знаешь, что это на самом деле? – спросила Вэл.

– Из-за троллего туннеля, – ответила Лолли. – Никак иначе не объяснишь.

– Троллего?

– Луис заключил с ним договор. Это случилось, когда стреляли в Дэйва и их маму. Мать умерла еще до приезда «скорой», а Дэйв какое-то время был в больнице. Луис пообещал троллю, что будет служить ему год, если он спасет Дэйву жизнь.

– Так Дэйв разносит посылки для него? – спросила Вэл.

– Он взял тебя с собой? – Лолли хмыкнула. – Господи, хуже его шпиона на свете не найти!

– А почему мне ничего нельзя было говорить? Какое Луису дело до того, что я знаю? Ты ведь правильно сказала Дэйву: мне никто не поверит.

– Луис говорит, что об этом никто не должен знать, даже Дэйв. По его словам, они очень разозлятся. Но когда он стал разносчиком у

Равуса, кое-кто из других фейри тоже стал давать ему поручения. Дэйв выполняет часть работы на тролля.

– Моя подруга Рут раньше выдумывала всякие вещи. Она говорила, что у нее есть друг Захарий, который живет в Англии. Она показывала мне письма, полные мрачных стихов. Но на самом деле Рут сама писала себе письма, распечатывала их и врала. Я про лгунов знаю все, – добавила Вэл. – И я не то чтобы не верила тому, что ты говоришь, но что, если Луис тебе врет?

– А что, если и так? – спросила Лолли. Вэл ощутила сильную вспышку ярости.

– А ничего. Где этот троллий туннель? Мы найдем его сами.

– Я знаю дорогу, – сказала Лолли. – Я выследила Луиса до входа.

– Но внутрь ты не заходила?

Вэл встала.

– Нет. – Лолли тоже встала и начала отряхивать юбку. – Я не хотела заходить туда одна, а Дэйв отказался со мной идти.

– А какой он, по-твоему, тролль? – спросила Вэл, пока Лолли копалась в тряпках и пакетах на платформе.

Вэл вспомнила сказку о трех козочках и игру «Уор Крафт», где зеленые тролли с ирокезами носили секиры и, если по ним кликали достаточно долго, говорили: «Не хочешь купить сигару?» и «Поздоровайся с моим дружкой». Все это казалось совершенно нереальным, но мир определенно стал бы круче, если бы в нем существовало нечто настолько нереальное.

– Нашла! – объявила Лолли, демонстрируя карманный фонарик, дававший тусклый и неровный свет. – Его надолго не хватит.

Вэл спрыгнула на рельсы.

– А мы быстро.

Вздыхнув, Лолли спустилась следом за ней.

Когда они шли по туннелю, фонарик заливал черные стены янтарным светом, освещая сажу на стенах и электрические провода, протянутые по туннелю. Казалось, будто они движутся по кровеносным сосудам города.

Они миновали действующую платформу, где люди ждали поезда. Лолли помахала тем, кто смотрел на них, а Вэл наклонилась и подняла выброшенные батарейки от нескольких CD-плееров. Продолжая идти, она проверила все батарейки по очереди, пока не нашла две пригодные, и вставила их в фонарик. Теперь он освещал горы мусора, выхватывал зеленый блеск крысиных глаз и стены, кишевшие тараканами. Вэл услышала пронзительный свист.

– Поезд! – заорала Вэл, толкая Лолли в стенную нишу – узкий проем, покрытый толстым слоем грязи.

Пыль завихрилась в воздухе за секунду до того, как по другой нитке рельсов пронесся поезд. Лолли хрипло захохотала и придвинула лицо вплотную к лицу Вэл.

– Как-то ясным днем посредине ночи, – продекламировала она, – двое мертвых пареньков поссорились очень.

– Прекрати! – сказала Вэл, отстраняясь от нее.

– Спиной к спине они лицом встали, выхватили сабли и друг в друга стреляли. Глухой полисмен тот шум услышал и двух мертвых пареньков в момент перестрелял. – Лолли засмеялась. – А что? Эти стишки мне мать читала. Ты их никогда раньше не слышала?

– Жутковатое дерьмо.

У Вэл подгибались коленки, но они продолжили путь по бесконечным извилистым туннелям. Наконец Лолли указала на отверстие, проломленное в бетонных блоках.

– Сюда, – сказала она.

Вэл сделала шаг, но Лолли издала какой-то звук.

– Вэл... – начала она, но сразу же замолчала.

– Если ты боишься, можешь подождать здесь. Я войду и сразу же вернусь обратно.

– Я не боюсь, – возразила Лолли.

– Ладно.

Вэл прошла в грубый бетонный проем.

Там оказался коридор, тусклый из-за влажного тумана, с кальциевыми отложениями, свисавшими вниз хрупкими

известковыми сосульками. Она сделала еще несколько шагов – и холодная вода пропитала ее кроссовки и низ джинсов. Свет фонарика упал на рваные, обвисающие лохмотьями полосы полиэтилена прямо по ходу туннеля. Они шевелились на легком сквозняке, словно тюлевые занавески или привидения. Это движение немного пугало. Шлепая по лужам, Вэл поднырнула под полиэтилен и оказалась в большом зале, заполненном корнями. Они висели повсюду: длинные опушенные щупальца колыхались в воде, толстые стержни корней пробивали бетонный свод, становились тоньше и разветвлялись подобно венам. Но самым странным было то, что на них, как на ветвях, висели плоды. Бледные шары росли на волосистых сплетениях, не согреваемые солнцем и не питаемые почвой. Вэл подошла ближе. Кожура каждого оказалась молочно-белой и полупрозрачной, с розоватым отсветом, словно их сердцевина была красной.

Лолли дотронулась до одного из них.

– Они теплые, – сказала она.

И в этот момент Вэл увидела ржавую лестницу, перила которой были обернуты промокшей тряпкой. Девушка нерешительно остановилась возле ступеней. Оглянувшись на перевернутое дерево, она попыталась убедить себя, что оно просто странное, а не сверхъестественное. Но это уже не имело значения. Поворачивать назад было слишком поздно.

Вэл начала подниматься по ступенькам. Каждая гулко гудела, а сверху лился рассеянный свет. Когда над ними грохотали поезда, мелкая порошкообразная пыль падала, словно дождь, налипая полосками на сочащиеся влагой стены. Девушки поднимались по винтовой лестнице все выше и выше, пока не оказались возле большого створчатого окна, занавешенного старыми одеялами, закрепленными на гвоздях. Вэл перегнулась через перила и отодвинула ткань. Она удивилась, увидев баскетбольную площадку, жилые дома, шоссе и реку за ним, сверкавшие, словно ожерелье из огоньков. Она оказалась внутри Манхэттенского моста!

Вэл пошла дальше и наконец попала в большую открытую комнату, где вдоль потолка тянулись трубы и толстые кабели, а вдоль стен стояли тяжелые деревянные приставные лестницы. Казалось, это помещение было предназначено для ремонтников. Книги громоздились на самодельных полках и пыльными стопками лежали

на полу. Старые тома, зачитанные и потрепанные. Лист фанеры лежал поверх нескольких шлакобетонных блоков, образуя рабочий стол. Вдоль одного края стояли банки из-под варенья, а сбоку был прислонен меч, который выглядел как стеклянный.

Вэл сделала шаг к нему и протянула руку – и в этот момент на нее что-то упало.

Оно оказалось холодным и бесформенным, словно тяжелое мокрое одеяло, и тянулось, чтобы ее накрыть. Оно заслонило ей обзор и стало душить. Вэл вскинула руки, царапая влажную поверхность, чувствуя, как она поддается под ее острыми, коротко стриженными ногтями. Она смутно слышала крик Лолли, словно он доносился издалека. В глазах у Вэл поплыли темные пятна, и она вслепую потянулась за мечом. Ее ладонь скользнула по лезвию, которое оставило на пальцах неглубокий порез, и нащупала рукоять.

Вэл постаралась встать тверже и нанесла удар по собственному плечу. Нечто соскользнуло с нее, и на головокружительный миг к Вэл вернулась способность дышать. Орудую стеклянным мечом, словно клюшкой для лакросса, она стала рубить белую бескостную тварь, которая волнами переливалась ей навстречу. Растянутое лицо и плоские черты твари делали ее похожей на рыхлую бумажную куклу. Она задергалась на земле, а потом замерла.

У Вэл дрожали руки. Она попыталась унять дрожь, но руки продолжали трястись даже после того, как она сжала кулаки, запустив ногти в основание ладони.

– Что это было? – спросила Лолли. Вэл встряхнула головой:

– Откуда мне знать?

– Нам надо торопиться, – сказала Лолли, подходя к столу и загружая несколько банок себе в сумку.

– Что ты делаешь? – спросила Вэл. – Двигаем отсюда!

– Ладно, ладно, – бормотала Лолли, перебирая бутылки. – Уже иду.

Вэл подошла ближе к столу и посмотрела на банки из-под варенья. В одной лежали связанные в пучки травы, другая была наполнена дохлыми осами, а в третьей оказалось нечто похожее на узлы из красных мармеладных шнурков. На некоторых крышках присутствовали этикетки: черемуха, иссоп, полынь, мак. В центре

фанерного листа лежала мраморная разделочная доска с колючими зелеными шариками и жестяным серповидным ножом. К стене были приколоты разные предметы: конфетный фантик, серая лепешка жвачки, потушенный сигаретный окурок. Перед ними висела лупа, увеличивавшая не только сами предметы, но и рукописные этикетки у каждого. «Дыхание», – гласила одна. «Любовь», – объявляла другая.

Лолли резко втянула в себя воздух. Вэл, не раздумывая, обернулась, автоматически поднимая меч. Кто-то высокий и поджарый, похожий на баскетболиста, стоял у входа, а затем согнулся, чтобы пройти в дверной проем. Когда он выпрямился, прямые волосы, черные, как чернила, обрамляли его серовато-зеленое лицо. Два выступающих вперед нижних резца торчали из челюсти, а их кончики впивались в мягкую верхнюю губу. Его глаза расширились, и в них появилось выражение, которое могло означать страх или ярость, но Вэл почувствовала, что ее завораживали черные радужки, припорошенные по краям золотом, как глаза у лягушки.

– Ну-ну, – басовито прорычал тролль. – Что тут у нас? Пара грязных уличных девчонок.

Он сделал два шага к Вэл, и она неловко попятилась, путаясь в собственных ногах. Ее охватила паника.

Обутой в сапог ногой тролль подтолкнул бескостную тварь.

– Как я вижу, вы пробились мимо моего охранника. Невероятно!

На нем было застегнутое на пуговицы черное пальто, закрывавшее его от шеи до середины икр, а под ним – черные брюки, и это только подчеркивало шокирующе зеленый цвет кожи у потертых манжет и ворота, где ткань граничила с плотью. Кожа имела жуткий зеленый оттенок, как под медным браслетом, если его долго не снимать.

– И вы прихватили еще кое-что из моего имущества.

От страха у Вэл перехватило дыхание, и она не могла пошевелиться. Девушка смотрела, как по клинку стекает млечная кровь, и чувствовала, что у нее снова начали дрожать руки.

– Только один человек знает про это место. Так что вам сказал Луис? – Тролль шагнул по направлению к ним, и его голос был тихим и яростным. – Он заставил вас пойти сюда? Он сказал, что здесь

живет чудовище?

Вэл посмотрела на Лолли, но та была потрясена и молчала.

Троль провел кончиком языка по своему резцу.

– Но чего Луис хотел добиться? Вот в чем вопрос. Хорошенько вас напугать? Хорошенько напугать меня? Или дать мне хорошенько пообедать? Вполне вероятно, что, по мнению Луиса, я захочу вас съесть. – Он помолчал, словно в ожидании, что они станут это отрицать, и продолжил: – Вы думаете, я захочу вас съесть?

Вэл подняла клинок.

– Да неужели? Подумать только! – Но тут его голос перешел в мощный рев: – Но, конечно, вы всего лишь пара неудачливых воришек.

Инстинкты Вэл одержали верх над разумом. Она бросилась к выходу – к троллю. Когда он потянулся за ней, она пригнулась, поднырнула под его руку и промчалась через полосы полиэтилена. Вэл уже добежала до середины лестницы, когда до нее донесся крик Лолли.

Вэл застыла на месте. Над головой у нее по мосту грохотали поезда, в руке она продолжала сжимать стеклянный меч и не могла решить, что же делать. Ведь именно из-за нее Лолли вообще оказалась здесь. Это Вэл пришла в голову глупая мысль доказать себе, что фейри существуют на самом деле. Ей следовало повернуть назад, когда она увидела то дерево. Ей вообще нельзя было сюда приходить. Вдохнув глубже, она побежала обратно, вверх по лестнице.

Лолли лежала на полу. По лицу у нее текли слезы, тело странно обмякло. Троль держал ее за запястье и, кажется, что-то требовал.

– Отпусти ее! – решительно произнесла Вэл.

Голос ее звучал совершенно незнакомо – как будто это говорил кто-то посторонний.

– Не думаю.

Троль сорвал с плеча Лолли сумку и перевернул ее. Несколько монет запрыгали по деревянному полу, покатались вместе с бутылками, полными черного песка, иглами, ржавым ножом, пластинками жвачки, сигаретными окурками и пудреницей, которая

треснула при ударе о дерево, рассыпав пудру по полу. Он потянулся за одной из бутылок, и длинные пальцы почти коснулись горлышка.

– Зачем вам понадобилось...

– Больше ничего твоего у нас нет. – С этими словами Вэл шагнула вперед и подняла клинок. – Пожалуйста.

– Да неужели? – Он хмыкнул. – Тогда что же у тебя в руках?

Вэл посмотрела на меч, сверкавший под люминесцентными лампами, словно сосулька, и удивилась. Она забыла, что клинок принадлежит ему. Опустив острие к полу, она хотела его бросить, но побоялась остаться совсем безоружной.

– Возьми его. Возьми, и мы уйдем.

– Ты не в том положении, чтобы мне приказывать, – ответил тролль. – Положи меч. Бережно. Эта вещь намного ценнее, чем ты.

Вэл колебалась. Она наклонилась, словно собираясь положить меч. Не отпуская его, она продолжала наблюдать за троллем.

Тролль резко вывернул Лолли палец, и она закричала.

– Пусть он болит каждый раз, когда она потянется за тем, что ей не принадлежит, – промолвил тролль и схватил второй палец. – И пусть тебе будет больно думать, что ты – причина ее боли.

– Стой! – крикнула Вэл, роняя меч на деревянный пол. – Я останусь, если ты еепустишь.

– Что? – Его глаза прищурились, потом одна черная бровь вопросительно выгнулась. – Ну, не храбрая ли ты?

– Она моя подруга, – сказала Вэл. Тролль замолчал, и его лицо сделалось странно невыразительным.

– Твоя подруга? – равнодушно повторил он. – Хорошо. Ты заплатишь за ее глупость, как и за свою собственную. Таково бремя дружбы.

Видимо, в глазах Вэл промелькнуло облегчение, потому что на его лице появилась легкая жестокая улыбка.

– Сколько времени за нее не жалко? Месяц службы? Год?

У Лолли глаза блестели от слез.

Вэл кивнула. Конечно. Что угодно. Как он скажет. Им надо

только уйти, а потом ее обещание не будет ничего значить.

Троль вздохнул.

– Ты прослужишь мне месяц – по одной неделе за каждый украденный предмет. – После паузы он добавил: – Чего бы мне ни понадобилось.

Она содрогнулась, и он улыбнулся.

– Каждый день в сумерках ты будешь приходить в Сьюард-парк. Там под волчьей лапой ты будешь находить записку. Если не выполнишь того, что там будет сказано, тебе придется плохо. Ты поняла?

Вэл кивнула. Он выпустил руку Лолли. Она заелозила по полу, засовывая свои вещи обратно в сумку.

Троль вытянул длинный палец.

– Подойди к тому столу. На нем стоит настойка с надписью «Солома». Принеси ее мне.

Вэл начала возиться с банками, разбирая причудливый почерк: льянка, горец, рута, золототысячник, чернобыльник. Она подняла банку с этикеткой «Солома»: раствор в ней был густым и мутным.

Он кивнул:

– Да, эта. Неси ее сюда.

Она послушалась и подошла к нему, только теперь заметив, что его пальто из шерстяной ткани сильно поношено и трчено молью.

Изогнутые рожки прорастали сквозь верхнюю часть его ушей, и их кончики казались окостеневшими.

Он взял банку, открыл ее и зачерпнул немного содержимого. Вэл отшатнулась: от раствора пахло гнилой листвой.

– Стой! – приказал он ей, словно собаке на дрессировке.

Злясь на собственный страх, но не в силах его превозмочь, Вэл застыла на месте. Он провел подушечками пальцев по ее губам, намазывая их составом из банки. Девушка напряглась, ожидая, что его кожа окажется жирной или отвратительной, но она была просто теплой.

А потом он пристально посмотрел ей в лицо, и она вздрогнула.

– Повтори условия своего обещания.

Вэл послушалась.

Говорили, что видеоигры вредны, потому что приучают равнодушно относиться к смерти, и размазанные по экрану внутренности воспринимаются как знак своего успеха. В эту минуту Вэл решила, что настоящий минус игр – это то, что игроку положено перепробовать все. Если видишь пещеру, ты в нее заходишь. Если встречается таинственный незнакомец, ты с ним заговариваешь. Если попадается карта, ты следуешь по маршруту. Но в играх у тебя сто миллионов миллиардов жизней, а у Вэл была всего одна.

Глава 5

Он сидел, свой клюв сомкнувши, ни пером не шелохнувши. И шепнул я вдруг, вздохнувши: «Как друзья с недавних пор. Завтра он меня покинет, как надежды с этих пор». Каркнул Ворон: «Nevermore!»

Эдгар Аллан По. «Ворон» [\[3\]](#)

Когда Вэл и Лолли, спотыкаясь, вышли из моста на улицу, городские огни ярко горели и толпы людей направлялись в бары и рестораны.

Мужчина, спавший на разломанной картонке, перевернулся и плотнее закутался в пальто. Его движение заставило Вэл резко вздрогнуть: мышцы ее так стремительно сократились, что плечам стало больно. Лолли баюкала сумку, словно плюшевую игрушку, обнимая руками ее и себя.

Странное дело: когда случается что-то безумное, трудно бывает проследить за ходом доводов, побуждений и мыслей, которые привели к этому сумасшествию. Хотя Вэл стремилась найти доказательства существования фейри, реальность оказалась ошеломляющей. Сколько же фейри существует и какие еще чудеса могут существовать? Ведь в мире, где фейри – это факт, могут встретиться и демоны, вампиры или морские чудовища! Как такие вещи могут при этом не оказываться на первых полосах всех газет в мире?

Вэл вспомнила, как отец читал ей, еще совсем маленькой, «Трех козликов»: «Топ-топ, топ-топ, шел самый маленький козлик». Этот тролль был совершенно не похож на картинку из книжки. А кто-нибудь из них похож? «Это кто там топает по моему мосту?»

– Посмотри на мой палец! – сказала Лолли, придерживая его согнутой в лодочку ладонью другой руки. – Он сломал мой чертов палец!

Палец распух и был выгнут в суставе под странным углом. Вэл

вспомнила, как упала на руки на площадке для лакросса, когда неудачно поскользнулась. Тогда ее возили к врачу, от которого пахло йодом и сигарным дымом.

– Это, наверное, вывих. У меня такое раньше было. Надо его вправить и наложить шину.

– Эй, – резко бросила Лолли, – я не просила, чтобы ты была моим рыцарем-защитником! Я сама могу о себе позаботиться. Ты не обязана была что-то обещать чудовищу и теперь не должна делать вид, будто врач.

– Ты права. – Вэл толкнула ногой сплюсненную алюминиевую банку и наблюдала, как она прыгает по асфальту – словно камушек по воде. – Тебе не нужна никакая помощь. У тебя все схвачено.

Лолли пристально посмотрела в витрину магазина электроники, где телевизоры показывали их лица.

– Я этого не говорила.

Вэл прикусила губу, ощущая послевкусие снадобья тролля. Она вспомнила его золотистые глаза и глубокую, жаркую ярость в его голосе.

– Прости. Мне надо было просто тебе поверить.

– Ага, надо было, – подтвердила Лолли, но с улыбкой.

– Слушай, мы можем сделать шину из какой-нибудь ветки или еще чего-то. Привяжем ее шнурком.

Вэл села на корточки и стала расшнуровывать свою кроссовку.

– У меня есть идея получше, – отозвалась Лолли, сворачивая в какой-то переулок. – А что, если я забуду про боль? – Она привалилась к грязным кирпичам и вытащила из сумки свою ложку, иглу, зажигалку и прозрачный пакетик порошка. – А шнурок мне все равно нужен.

Вэл представила себе движущиеся тени, вспомнила янтарный порошок, но понятия не имела о том, что произойдет дальше.

– А что это?

– «Никогда», – ответила Лолли. – Так Луис называет это зелье, потому что тут три правила: никогда больше раза в день, никогда больше щепотки зараз и никогда чаще двух дней подряд.

– А кто их придумал?

– Дэйв и Луис, наверное. Когда они поселились на улицах, Луис начал работать посыльным у фейри – у них бывают поручения, которые должен кто-нибудь выполнять, – а Дэйв помогал ему с доставкой. Один раз он взял чуть-чуть порошка, смешал с водой, как они это делают, и выпил. Это снадобье дает фейри защиту или еще что-то, чтобы железо так сильно на них не действовало, а мы ловим кайф. Какое-то время мы его пили, но гораздо лучше вкалывать в вену или нюхать, как это делает Дэйв.

– Защиту?

– Ну, ореол – то, как они выглядят или меняют вид других вещей. Волшебство, наверное.

– И какое оно?

– «Никогда»? Как будто тебя захлестывает прилив и уносит далеко в море, – сказала Лолли. – Тебя ничто больше не достает. Ни до чего нет дела.

Лолли втянула жидкость в шприц. Вэл гадала, удастся ли ей когда-нибудь почувствовать, будто ничто ее не трогает. Это было похоже на забытие. Или безмятежность.

– Нет! – сказала Вэл, и Лолли замерла. Вэл улыбнулась:

– Сделай сначала мне.

– Правда? – Лолли ухмыльнулась. – Ты захотела?

Вэл кивнула, выпрямила руку и протянула ее к Лолли.

Лолли перевязала Вэл руку, вытеснила из шприца пузырьки и вогнала иглу так аккуратно и точно, что Вэл почти ничего не почувствовала. Боль была очень слабой – даже меньше, чем при порезе бритвой.

– Знаешь, – сказала Лолли, – наркота заставляет все вроде как смещаться, кружиться и переворачиваться вверх тормашками, но с нашим зельем ты сама можешь перевернуть вверх тормашками все остальное. Как еще можно такое сделать?

Вэл никогда не обращала особого внимания на сгиб локтя, но теперь он казался таким же незащищенным, как запястье или горло. Она потеряла синяк, появившийся после укола. Кровь почти не

выступила.

– Не знаю. Наверное, никак.

Лолли кивнула, словно была довольна ответом. Пока она подогревала новую порцию, Вэл обнаружила, что ее отвлекает звук пламени и ощущение, что ее собственные вены начали извиваться, словно у нее под кожей появился клубок змей.

– Я... – начала было Вэл, но тут эйфория расплавилась ее.

Мир превратился в мед, густой и сладкий. Она забыла, что собиралась сказать, и на секунду вообразила, что навсегда лишилась дара речи. А что, если она больше никогда не вспомнит, что хочет сказать?

– Твои вены пьют волшебство, – донесся откуда-то издали голос Лолли. – Теперь ты сможешь сделать так, чтобы происходило все, чего захочешь.

Огонь охватил Вэл, смывая холод и унося страдания. Она не ощущала больше стертого пальца на ноге, боли в животе, туго напряженных мышц на плечах. Ее страх растаял, уступив место силе. Тайные обиды, гнев и смятение Вэл исчезали под действием радостной и стремительной силы, пульсирующей внутри нее.

– Видишь? Больше не больно, – сказала Лолли.

Она взялась за вывихнутый палец и повернула. Он щелкнул и встал на место.

Все окружающее казалось слишком четким и ярким. Вэл внезапно ощутила, что растворяется в узорах грязи на тротуаре, леденцово-цветастых неоновых вывесках, в запахах далекого печного дыма, выхлопных газов и кипящего кулинарного жира. Огонь жег изнутри ее руки, но ласково, словно заливал светом. Она чувствовала себя бесконечно легкой и неудержимой. Все было странным, прекрасным и переполненным возможностями. Лолли по-шакальи ухмылялась.

– Я хочу кое-что тебе показать.

– Так всегда бывает? – спросила Вэл, хотя разум подсказывал ей, что Лолли не в состоянии понять ощущения Вэл.

– Да, – ответила Лолли. – О да!

Лолли повела Вэл по улице, к шедшему им навстречу азиатцу с коротко подстриженными сидящими волосами. Сначала при их приближении он попятился, но потом что-то заставило его успокоиться.

– Мне нужны деньги, – сказала Лолли. Он улыбнулся, засунул руку в карман штормовки и вытащил бумажник. Оттуда он достал несколько двадцаток.

– Этого хватит? – спросил он.

Его голос звучал странно: мягко и изумленно.

Лолли подалась к нему и поцеловала в щеку:

– Спасибо.

Вэл почувствовала, как ветер рвется с Гудзона, но обжигающий холод уже не прикасался к ней. Самый яростный порыв казался похожим на ласку.

– Как тебе это удалось? – спросила она, испытывая только удивление, а не тревогу.

– Ему захотелось, – ответила Лолли. – Им всем хочется, чтобы у нас было все, чего мы пожелаем.

Девушки шли по улице, обращаясь к прохожим с просьбами, и получали все, что хотели. Женщина в юбке с блестками отдала им последнюю сигарету, парень в бейсболке без единого слова снял свою куртку, женщина в плаще бронзового цвета вынула из ушей блестящие золотые серьги.

Лолли запустила руку в урну и вытащила оттуда банановую кожуру, мокрую бумагу, осклизлый хлеб и стаканчики с собравшейся туда водой.

– Смотри, что будет, – сказала она.

В ее руках отбросы превратились в кексы, такие белые и славные, что Вэл потянулась за одним из них.

– Нет, – остановила ее Лолли. – Это для них.

На ходу она вручила кекс старику, и тот сожрал его, словно животное, и протянул руку за следующим, и еще за одним, словно это была самая вкусная еда на свете. Вэл засмеялась – от удовольствия и ощущения власти над ним. Она подняла камень и превратила его в

печенье. Старик съел и его, облизав Вэл руку, чтобы подобрать крошки. Его язык щекотал ей ладонь, и она рассмеялась еще сильнее.

Они прошли еще несколько кварталов. Вэл все время замечала поразительные вещи, которых не видела раньше: глянец на крылышках таракана, бегущего по решетке, ухмылку на каменном лице барельефа над подъездом, сломанные стебли цветов у винного магазинчика.

– Мы пришли, – объявила Лолли, указывая на закрытый магазин.

В окне манекены позировали в узких юбках с рисунками из комиксов или лежали на стильных красных диванчиках, держа в руке бокалы с узором в горошек.

Вэл подошла к витрине и ударила по стеклу ногой. Оно пошло паутиной трещин, но не проломилось. Сигнал тревоги пару раз прокудахтал и замолчал.

– Попробуй вот этим, – посоветовала Лолли, поднимая пластмассовую соломинку.

У нее в руке соломинка превратилась в тяжелый холодный ломик.

Вэл восторженно улыбнулась и ударила по стеклу с агрессивностью, вызванной ненавистью к Тому, матери и к себе самой, гневом на тролля в башне и яростной злобой на весь мир, который ни разу не дал ей поблажки. Она колотила по стеклу, пока оно не свернулось, словно искореженный металл.

– Мило.

Лолли ухмыльнулась и пролезла через витрину. Как только Вэл тоже оказалась внутри, стекло встало на место без трещин, как новенькое.

В магазине зажегся свет и заиграла музыка.

Каждое новое волшебство, казалось, только подпитывало силу Вэл, а не истощало ее.

Под действием чар она чувствовала себя все более веселой и отчаянной. Вэл уже даже не могла определить, кто из них что именно творил.

Лолли сбросила ботинки прямо посередине магазина и примерила

платье из зеленого атласа. Вэл заметила, что босые ноги подруги покрыты свежими мозолями.

– Ну как, славно?

– Еще как. – Вэл взяла себе чистое нижнее белье и джинсы, бросив свою старую одежду на вытянутую руку манекена. – Посмотри на это дерьмо, Лолли. Эти джинсы стоят сто восемьдесят долларов, а вид у них совершенно никакой. Это просто джинсы.

– Они зато бесплатные, – заявила Лолли. Вэл подобрала себе одежду, а потом села в забавное кресло и стала наблюдать, как Лолли примеряет наряды. Когда она кружилась по залу, набросив на голову расшитую бисером шаль, Вэл обратила внимание на полку рядом с креслом.

– Ты видишь вот это? – спросила Вэл, взяв в руку пронзительно-зеленую винную рюмку. – Ну не уродство ли? Кто же станет платить деньги за такую гадость?

Лолли улыбнулась, протягивая руки за шляпой с бахромой из розовых перьев.

– Люди покупают то, что им велят покупать. Они не видят, что это уродство. Или, может, видят, но думают, что с ними что-то не так, раз они так думают.

– Тогда их нужно защитить от них самих, – заявила Вэл и швырнула рюмку на пол.

Она разбилась, и стеклянные осколки брызнули во все стороны.

– Любой скажет, что эти штуки гадкие. Гадость, гадость, гадость!

Лолли засмеялась и хохотала все время, пока Вэл разбивала все рюмки до последней.

Возвращаясь с Лолли к станции «Уорт-стрит», Вэл чувствовала растерянность и не понимала, что произошло. По мере того как зелье выходило из нее, она ощущала себя все более вялой и безразличной, словно волшебный огонь выжиг в ней что-то очень важное.

Вэл припоминала и магазин, и людей, которые ели пищу из ее рук, и как они с Лолли шли по улицам, но не могла сообразить, где

взяла одежду. Она смутно помнила вихрь лиц, подарков и улыбок, но он был таким же нереальным, как и чудовище, которое они встретили до этого.

Когда Вэл осмотрела себя, то увидела новые высокие черные сапоги, более теплые, чем ее кроссовки, футболку с изображением геральдического льва, черные брюки с массой карманов на молниях и черную куртку, которая была велика ей. Она с тревогой думала о том, что ее старая одежда, брошенная где-то, исчезла. Сапоги при ходьбе натирали Вэл ноги, но куртке она была рада. Казалось, девушки забрели далеко в Сохо, и теперь, когда в теле Вэл не осталось волшебного зелья, она мерзла гораздо сильнее, чем раньше.

Когда они протиснулись в служебный вход и спустились по лестнице, Вэл разглядела в полумраке нескольких человек. Неверное мерцание свечей выхватывало скулу, очертание подбородка, завернутую в пакет бутылку, которую один из них подносил ко рту. Здесь оказалась девица с раздувшимся животом, завернувшаяся в одеяло вместе с кем-то еще.

– Вот и вы! – сказал Хилятик Дэйв. Голос Дэйва звучал невнятно, а когда свет от свечи упал на его лицо, Вэл увидела, что губы у него отвисли, как у совершенно пьяного.

– Иди посиди со мной, Лолли, – позвал он. – Иди, садись сюда.

– Нет, – отозвалась она, пробираясь к Луису. – Ты не можешь мне приказывать.

– Ничего я не пытаюсь тебе приказывать, – произнес он, и теперь голос у него стал заискивающим. – Неужели ты не знаешь, что я тебя люблю, бэби? Я на все для тебя готов. Смотри. Смотри, что я сделал.

Он поднял руку. Имя Лолли было написано у него на руке кровоточащими буквами.

Вэл содрогнулась. Лолли только засмеялась.

Луис зажег сигарету, и горящая спичка осветила его сердитое, хмурое лицо.

– Почему ты мне не веришь? – спросил Дэйв.

– А я верю, – ответила Лолли пронзительным голосом. – Мне просто наплевать. Ты скучный. Может, я и любила бы тебя, не будь ты таким занудой!

Луис вскочил на ноги и указал сигаретой сначала на Лолли, а потом на Дэйва.

– Просто заткнитесь на фиг!

Вы оба. Он повернулся и яростно взглянул на Вэл, словно во всем была ее вина.

– Кто они? – спросила Вэл, махнув рукой в сторону пары, закутанной в одеяло. – Мне казалось, что здесь никому не положено бывать.

– Никому и не положено здесь бывать, – ответил Луис, усаживаясь рядом с братом. – Ни тебе, ни мне, ни им.

Вэл закатила глаза, но, как ей показалось, в полутьме он этого не заметил. Придвинувшись к Лолли, она прошептала:

– А когда меня нет, он такой же идиот?

– Все не так просто, – прошептала в ответ Лолли. – Они раньше здесь жили, но Дирка выставили отсюда, а Таня перебралась в какое-то заброшенное здание в Куинсе.

Луис сел ближе к брату и что-то негромко ему сказал. Дэйв вскочил, сжимая кулаки.

– Тебе всегда все достается! – закричал он Луису.

По щекам у него струились слезы, из носа текло.

– Чего ты от меня хочешь? – спросил Луис. – Я эту девицу не трогал! Я не виноват, что тебя высекли.

– Я вам не вещь! – заорала Лолли со страшным выражением лица. – Не смейте говорить обо мне, будто я вещь!

– А пошла ты! – крикнул Дэйв. – Я же скучный. Я трус. Наступит день, когда ты пожалеешь, что так говорила.

Девушка в одеялах села, быстро моргая:

– Чего?

– Идем, – сказал Луис, беря Дэйва за локоть. – Пойдем отсюда, Дэйв. Ты просто напился. Тебе нужно проветриться.

Дэйв стряхнул руку брата:

– Пошел ты!

Вэл встала. Темнота туннелей расплывалась перед ее глазами под действием последних капель наркотика. Ноги двигались словно резиновые, а подошвы горели. Но она не хотела участвовать в этих отвратительных скандалах.

– Не трудитесь. Мы отсюда уходим.

Лолли поднялась за ней по лестнице.

– Почему он тебе так нравится? – спросила Вэл.

– Нисколько он мне не нравится. – Лолли даже не пыталась спрашивать, кого Вэл имеет в виду. – У него глаз испорчен. Он слишком худой и ведет себя как старик.

Вэл пожала плечами и засунула большой палец в петлю на поясе своих новых брюк.

Она замолчала и смотрела, как ее сапоги наступают на трещины в тротуаре. Лолли вздохнула.

– Он должен был меня умолять.

– Должен был, – согласилась Вэл.

Они прошли по Байард-стрит, мимо бакалейных лавочек, где продавались пакеты с рисом, бледно-золотистые яблоки, бамбуковые ростки в банках с водой и огромные колючие плоды, подвешенные к потолку и окруженные жужжащим роем черных мушек. Затем начались магазинчики, где предлагали темные очки, бумажные фонарики, связки бамбуковых стеблей, перевитые золотыми лентами, и ярко-зеленых пластмассовых драконов – подделок под резной нефрит.

– Давай остановимся, – предложила Лолли. – Я голодная.

От одного упоминания о еде у Вэл в животе забурчало. Страх скрутил ей желудок, и она поняла, что ничего не ела с прошлого вечера.

– Давай.

– Я покажу тебе, как добыть еду.

Лолли выбрала ресторанчик, где висело несколько уток с загнутыми вокруг проволоки шеями. Красная глазурь сочилась из их пустых глазниц. Внутри люди стояли в очереди, чтобы выбрать еду из кастрюль, над которыми поднимался пар. Лолли заказала горячий

чай и яичные рулеты. Продавец за прилавком не говорил по-английски, но бросил им на поднос нужную еду, прибавив к ней почти дюжину пакетиков с соусом.

Они сели за столик. Лолли осмотрелась, надорвала пакетик с соусом для утки и вылила его на свой рулет, а потом сверху добавила горчицу. Она едва заметно кивнула в сторону соседнего столика, где стояло несколько тарелок.

– Видишь, там оставили еду?

– Угу.

Вэл впилась зубами в рулет. По губам у нее размазался жир. Вкусно было невероятно.

– погоди. – Лолли встала, подошла к тарелке с недоеденной свининой под кисло-сладким соусом, взяла ее и вернулась к их столику. – Обход столиков. Поняла?

Вэл фыркнула, немного смутившись.

– Не могу поверить, что ты такое сделала!

Лолли улыбнулась, но улыбка быстро погасла, сменившись серьезным выражением.

– Иногда получается, что делаешь много странных вещей, и даже самой не верится.

– Наверное, – медленно проговорила Вэл.

В конце концов, ей тоже не верилось, что она провела ночь на заброшенной станции метро с компанией бездомных ребят. Ей не верилось, что, вместо того чтобы орать и рыдать, узнав про мать и Тома, она обрила голову и пошла на хоккейный матч. Ей не верилось, что она сидит здесь и хладнокровно доедает чужой обед, хотя совсем недавно видела чудовище.

– Я переехала жить к своему парню, когда мне было тринадцать, – сказала Лолли.

– Правда? – откликнулась Вэл.

Еда успокаивала ее, помогала поверить, что жизнь продолжается, несмотря на существование фейри. По-прежнему работали китайские ресторанчики, и пищу в них готовили по-прежнему острую, жирную и вкусную.

Лолли поморщилась.

– Моего парня звали Алекс. Ему было двадцать два. Мать решила, что он извращенец, и запретила мне с ним встречаться. В конце концов мне надоело прятаться, и я просто ушла.

– Дерьмо! – сказала Вэл, не зная, что еще можно ответить. Когда ей было тринадцать, мальчишки казались такими же таинственными и недостижимыми, как звезды на небе. – И что дальше?

Лолли проглотила два кусочка свинины и запила их чаем.

– Мы с Алексом все время ссорились. Он торговал наркотиками у нас на квартире и не хотел, чтобы я их пробовала, даже когда вкалывал их себе прямо у меня на глазах. Он был еще хуже, чем родители. А потом нашел себе другую девицу, а мне велел выкатываться.

– И ты вернулась домой? – спросила Вэл.

Лолли покачала головой.

– Возвращаться не получается, – сказала она. – Ты изменяешься и вернуться не можешь.

– Я могу, – автоматически возразила Вэл, но мысль о тролле и своем обещании не давала ей покоя.

Теперь, в светлом и жарком ресторанчике, это казалось нереальным, но все равно гвоздем сидело в сознании.

Лолли секунду помолчала, словно обдумывая ее слова.

– Знаешь, что я устроила Алексу? – спросила она с озорной улыбкой. – У меня остались ключи. Я вернулась, когда никого дома не было, и все там разгромила. Я все выбросила в окно: его одежду, ее одежду, телевизор, его наркотики – каждую гребаную вещичку, которую только удалось найти, я вышвырнула на улицу.

Вэл восхищенно захохотала. Она без труда вообразила, какое лицо было бы у Тома, если бы она устроила ему такое. Она представила себе на дорожке у дома его новенький компьютер, развалившийся на части, наладонник, разбитый на мелкие кусочки, одежду, разбросанную по газону.

– Ого-о-о! – проговорила Лолли с напускной наивностью. – Тебе так понравилась эта история, что у тебя наверняка тоже есть что

рассказать про какого-то собственного парня.

Вэл открыла рот, еще точно не зная, что скажет. Впервые после ухода из дома она чувствовала себя нормально и не хотела все испортить. У нее язык не поворачивался произнести нужные слова.

– Мой парень спал с моей мамой, – наконец выдавила Вэл.

Лолли хохотала так, что даже поперхнулась, а потом вдруг замолчала, устремив на Вэл широко раскрытые, недоверчивые глаза.

– Правда? – спросила она.

– Правда, – подтвердила Вэл, странно довольная тем, что ей удалось потрясти даже Лолли. – Они решили, что я села на электричку, и стали обжиматься прямо на диване. У него все лицо было в помаде.

– Ох, гадость! Гадость!

Губы Лолли скривились в искреннем насмешливом отвращении. Вэл тоже засмеялась, потому что неожиданно это действительно стало смешно. Вэл хохотала так долго, что у нее заболел живот, стало трудно дышать и слезы потекли по щекам. Было ужасно утомительно так смеяться, но девушке казалось, будто она приходит в себя после ночного кошмара.

– И ты собираешься вернуться домой после этого? – спросила Лолли.

Вэл совершенно обессилела от смеха.

– Мне придется, так ведь? То есть – даже если я останусь здесь на какое-то время, я не могу всю оставшуюся жизнь провести в туннеле.

Осознав смысл сказанного, Вэл посмотрела на Лолли, ожидая, что та обидится, но оказалось, что она положила голову на руки и задумалась.

– Тогда тебе надо позвонить маме, – проговорила наконец Лолли и указала на вход. – Там есть телефон-автомат.

Вэл была потрясена. Меньше всего она ждала от Лолли такого совета.

– У меня есть мобильник.

– Ну так звони маме.

Вэл с ощущением страха достала телефон и включила его. Экран зажегся, высвечивая все растущее число звонков, оставшихся без ответа. Он остановился на шестидесяти семи. Текстовое сообщение было только одно. Его послала Рут, и в нем говорилось: «Где ты? Твоя ма психует».

Вэл включила функцию «Ответить». «Все еще в городе», – набрала она и остановилась, не зная, что написать дальше. Что она собирается делать дальше? Может ли она на самом деле вернуться домой?

Собравшись с духом, она переключилась на устные сообщения. Первое было от мамы: ее голос звучал тихо и придушенно: «Валери, где ты? Я просто хочу знать, что с тобой все в порядке. Сейчас очень поздно, и я звонила Рут. Она сказала мне, что говорила тебе. Я... я не знаю, как объяснить... или выразить, как я раскаиваюсь». Наступила долгая пауза. «Я знаю, что ты на меня очень зла. И имеешь полное право сердиться. Только, пожалуйста, дай кому-нибудь знать, что у тебя все нормально».

Было странно слышать голос матери после всего, что произошло. У Вэл сжалось внутри от обиды, ярости и острого смущения. Близость с одним и тем же парнем раздевала ее больше чем догола. Она стерла послание и включила следующее. Оно было от отца Вэл. «Валери? Мама очень встревожена. Она сказала, что вы поссорились и ты убежала. Я знаю, какой бывает твоя мать, но ты ничего не исправишь тем, что не ночуешь дома. Я считал, что ты умнее». На заднем плане было слышно, как ее единокровные сестры верещат, перекрывая звук мультиков.

Затем раздался незнакомый усталый мужской голос: «Валери Рассел? Это полисмен Монтгомери. Ваша мать сообщила, что вы пропали после недоразумения между вами. Никто не заставит вас делать, чего вы не хотите, но очень прошу позвонить и сообщить, что с вами». Он оставил свой телефон.

Следующим сообщением было молчание, нарушаемое всхлипываниями. Затем прозвучал срывающийся голос матери: «Где ты?»

Вэл отключила сообщение. Было ужасно слушать, как переживает мать. Ей следует вернуться домой. Может, все будет

нормально: если Вэл не станет приглашать домой парней, мать какое-то время не будет ее трогать. До окончания школы Вэл осталось меньше года. А потом ей больше никогда не придется жить дома.

Она перевела записную книжку на «Дом» и нажала кнопку. Пока телефон звонил, у Вэл заledenели пальцы. Лолли разложила остатки лапши рисунком, который мог быть солнцем, цветком или плохо изображенным львом.

– Алло, – сказала мать Вэл тихим голосом. – Доченька?

Вэл разорвала связь. Мобильник почти тут же зазвонил, и она его отключила.

– Ты ведь знала, что я не смогу это сделать! – обвиняющим тоном сказала она Лолли. – Знала ведь?

Лолли пожала плечами.

– Лучше понять это сейчас. Стоит ли слишком далеко уходить, чтобы потом все равно вернуться?

Вэл кивнула, чувствуя новый, острый страх. Она впервые поняла, что, вероятно, никогда не сможет вернуться домой.

Глава 6

Реальность – это то, что остается, даже когда вы перестаете в это верить.

Филип К. Дик

Вэл разбудил визг проносающегося мимо поезда. Несмотря на холод, шерстяная куртка приклеилась к телу, покрывшемуся липким потом. В голове пульсировала боль, рот горел, и, несмотря на еду, съеденную накануне, от голода у Вэл подводило живот. Дрожа, она плотнее завернулась в одеяло и свернулась, подтянув ноги к животу.

Вэл пыталась вспомнить вчерашний день – то, что произошло до ужина в ресторанчике и звонка домой. В памяти всплыли чудовище и меч, сделанный из стекла, а потом укол в руку и прилив силы, наполнявший ее желаниями. Она села и осмотрела свою новую одежду, подтвердившую, что ее воспоминания составлены не из обрывков полузабытых видений. Действительно, у Дэйва кровоточила рука, и незнакомые люди выполняли приказы Вэл, и магия существовала на самом деле. Девушка потянулась за своим рюкзаком, радуясь, что не бросила его вместе со старыми вещами.

Лолли в своей новой одежде спала, свернувшись калачиком. Дэйва и Луиса не было.

– Лолли?

Вэл подползла к ней и потрясла за плечо.

Лолли перевернулась, отбросила с лица голубые волосы и издала тихий раздраженный возглас. Дыхание у нее было кислое.

– Уйди, – пробормотала она, натягивая грязное одеяло на лицо.

Вэл с трудом поднялась на ноги. В глазах у нее стоял туман. Она взяла свой рюкзак и заставила себя пройти через темноту на ночные улицы Манхэттена. В вечернем небе плыли яркие облака, в воздухе густо пахло озоном, словно к городу стремительно приближалась гроза. Девушка ощущала чувство удовлетворения, несмотря на страх. «Я это сделала, – думала Вэл. – Я сама это с собой сделала».

Она чувствовала себя иссохшей, растрескавшейся и хрупкой, как один из редких листочков, которые ветер гонял в парке. Оказалось, что если содрать спорт, учебу и нормальную жизнь, то почти ничего не остается. Ее тело ныло, будто избитое, словно прошедшим вечером ее одолело нечто чужое и жуткое и выжгло ей все внутренности.

Большие глотки холодного воздуха успокоили желудок, но рот Вэл стал гореть сильнее.

Ей невольно вспомнились слова той твари: «Ты служишь мне месяц. Каждый день в сумерках будешь приходить в Сьюард-парк. Там под лапой волка найдешь записку. Если не выполнишь то, что в ней говорится, тебе придется плохо». Она уже опоздала.

Вэл подумала о густом растворе, который тролль размазал по ее губам, ощутила приступ дрожи и неожиданно резко поднесла руку ко рту. На ощупь губы оказались сухими и распухшими, но она не обнаружила ни ранки, ни царапины.

Вэл зашла в лавочку и на мелочь, оказавшуюся на дне рюкзака, купила стаканчик воды со льдом, надеясь, что это охладит рот. Выйдя из магазина, она села на тротуар и положила в рот кубик льда. Рука дрожала так сильно, что девушка не решилась поднести стакан к губам.

Какая-то женщина, вышедшая из винного магазина по соседству, посмотрела на Вэл и бросила ей в стаканчик с водой несколько монет. Вэл подняла голову, удивилась и хотела возмутиться, но женщина уже шла дальше.

К тому моменту, когда Вэл вынула сложенный листок бумаги из-под волчьей лапы, рот у нее болел, как рана. Она села на корточки рядом с пересохшим фонтаном и прислонилась к металлическому ограждению, пока онемевшие пальцы неловко разворачивали листок.

Она ожидала увидеть пустую страницу, которую придется смять и бросить, как это сделал Дэйв, но на бумаге оказались слова, написанные такими же кудрявыми буквами, как и адрес на бутылке с янтарным песком:

«Спустись под опору Манхэттенского моста и трижды постучи по дереву, которое поселилось там, где деревьев быть не должно».

Вэл сунула записку в карман и при этом натолкнулась рукой на какой-то предмет: это оказался серебряный зажим для банкнот с огромным необработанным куском бирюзы в центре. Под зажимом оказались двадцатка, две пятерки и не меньше дюжины долларовых бумажек.

Это она взяла деньги? Или Лолли? Вэл не смогла вспомнить. Вэл никогда еще ничего не воровала. Один раз она вышла из книжного отдела торгового центра, держа в руке постер с «Рейнджерз», и, только когда дошла с друзьями до эскалатора, поняла, что не заплатила за него. Это так впечатлило друзей Вэл, что она сделала вид, будто это было специально, но потом ей стало так противно, что она даже не повесила этот постер.

Вэл попыталась вспомнить прошлый вечер и те ужасные вещи, которые, похоже, действительно вытворяла, но ей казалось, что она вспоминает историю, рассказанную кем-то другим. Голова была как в тумане, а тело требовало новой порции волшебного зелья.

Она пошла дальше, преодолевая боль и ужас, и двинулась по Маркет-стрит, проходя мимо азиатских лавочек и чайной, перед которой стояла группа смеющихся подростков. По отношению к ним Вэл почувствовала такое отчуждение, словно ей исполнилось сто лет. Девушка потянулась к рюкзаку: больше всего на свете ей захотелось позвонить Рут и услышать знакомый голос, который напомнил бы ее прежнее «я». Но рот слишком сильно болел.

Свернув на Черри, она прошла еще немного и оказалась так близко от Ист-ривер, что здания перестали загораживать вид на реку. На воде блестело отраженное сияние моста и дальнего берега. Баржа, стоявшая поблизости, оказалась пятном темного пространства, разбиваемого немногочисленными огнями на носу.

Мост высился прямо перед ней. Каждая опора напоминала башню замка: грубая каменная кладка, порыжевшая от ржавых ручейков, которые стекали с металлических опор. Каменную стену прорезали узкие окна высоко над землей.

Разбитое стекло хрустело под сапогами Вэл, пока она проходила под изящной аркой перехода. Тротуар провонял застоявшейся мочой и отбросами. С одной стороны оказалась проволоочная сетка, преграждавшая проход на стройку, где находилась гора песка. С другой стороны, совсем близко, оказался заложенный кирпичом

дверной проем. Под ним Вэл увидела пенек, корни которого зарывались глубоко в цемент.

«Дерево!» Вэл вяло лягнула пенек.

Древесина была влажной и темной от грязи, а корни погружались в бетонный тротуар, словно проходили глубоко под туннели и трубы, проникая к скрытой там плодородной почве. Вэл подумала: «Может, на этом дереве растут бледные плоды?»

Было очень странно видеть здесь пенек, прижавшийся к стене так, словно они родня. Но, возможно, это было не более странно, чем мысль о том, что она провалилась в волшебную сказку. В видеоигре включился бы пиксельный вихрь красок и на экране зажглась бы надпись, предупреждающая, что мир реальности остается позади. «Портал в страну фейри. Хотите войти? Да или нет?»

Вэл опустилась на колени и три раза постучала по пеньку. Влажное дерево под костяшками пальцев почти не издавало звука. Из пенька выбежал паучок.

Громкий звук заставил Вэл поднять голову. Трещина появилась на камне над пеньком, словно по нему ударили. Она выпрямилась, протянула руку и провела пальцем по линии, но как только палец прикоснулся к стене, куски камня растрескались и отвалились, открыв грубый проход.

Вэл вошла на площадку: ступеньки шли и вверх, и вниз. Когда она оглянулась, за спиной увидела сплошную стену. Внезапный приступ ужаса чуть не захватил ее целиком, и только боль заставила двигаться дальше.

«Топ-топ».

– Эй! – крикнула она, направляясь вверх по лестнице.

Двигать губами было нестерпимо больно.

«Топ-топ».

На площадке появился тролль.

«Кто это топает по моему мосту».

– Большинство людей пришли бы раньше. – Его резкий, хриплый голос заполнил лестничную клетку. – Как же у тебя должен болеть рот, чтобы ты наконец явилась.

– Не так уж сильно, – ответила Вэл, стараясь не морщиться.

– Поднимайся, врунишка.

Равус повернулся и пошел в свои апартаменты. Вэл стала поспешно подниматься по пыльным ступенькам.

В большом помещении, похожем на чердак, мерцали толстые свечи, расставленные по полу. От их света тени шевелились на стенах и становились громадными и пугающими. Поезда грохотали над ними, холодный ветер врывается в окна.

– Держи. – На ладони шестипалой руки тролль протянул Вэл белый камешек. – Соси его.

Она схватила камешек и сунула в рот: боль нарастала так сильно, что было не до вопросов и сомнений. Камешек охлаждал язык и сначала показался соленым, а потом стал безвкусным. Боль, а вместе с ней и тошнота стали медленно уходить, но Вэл почувствовала упадок сил.

– Что мне надо сделать? – спросила она, языком перекладывая гальку за щеку, чтобы можно было говорить.

– Пока расставь по полкам книги. Возможно, в них был какой-то порядок, но поскольку я забыл его принцип, то не рассчитываю, что его найдешь ты. Ставь туда, куда они влезут.

Повернувшись, тролль отошел к рабочему столу и начал процеживать жидкость из кастрюльки, набитой веточками и листьями.

Вэл взяла из пыльной стопки один том. Книга оказалась тяжелой, кожаный переплет растрескался и вытерся на сгибах. Девушка открыла ее. Она увидела рукописный текст и рисунки растений, изображенные акварелью и чернилами. «Амарант, – прочла Вэл про себя. – Сплетите в корону, чтобы ускорить излечение того, кто ее носит. Если он сплетен в венок, то подарит невидимость». Она закрыла книгу и запихнула ее на полку из кирпичей и фанеры.

Расставляя разбросанные книги тролля, Вэл катала камешек во рту, словно леденец. Она успела рассмотреть захламленное жилище: изъеденные молью армейские одеяла, грязный ковер и порванные мешки для мусора, которые служили занавесками. Свет даже от уличных фонарей не проникал внутрь. Изящная чайная чашка в цветочек, наполовину заполненная несвежей жидкостью, стояла у

порванного кожаного кресла. Представив себе, как тролль держит в своих когтях тонкую чашечку, Вэл смешливо фыркнула.

– Знание слабостей своей жертвы – вот интуитивная гениальность великих лжецов, – проговорил тролль, не поднимая взгляда, и голос его звучал сухо. – Хотя наш народ очень различается – по расам и по местам обитания, мы все схожи в одном: не можем прямо говорить то, что неверно. Однако я поймал себя на том, что меня завораживает ложь – даже до того, что хочется в нее верить.

Вэл не ответила.

– Ты считаешь себя умелой лгуньей? – спросил он.

– Не особенно, – ответила Вэл, – Скорее, я преуспевающая простофиля.

Он ничего на это не сказал.

Взяв очередную книгу, Вэл заметила, что стеклянный меч висит на стене. Клинок был недавно протерт, и, глядя сквозь него, она могла видеть камни, причем каждая выбоина была увеличена и искажена, словно находилась под водой.

– Не сделан ли он из сахарной глазури? – Голос тролля раздался рядом, и Вэл поняла, что смотрит на меч очень долго. – Из льда? Из хрусталя? Из стекла? Вот о чем ты думаешь, так ведь? Как нечто столь хрупкое с виду не ломается?

– Я просто думала о том, какой он красивый, – ответила Вэл.

– На этой вещи проклятие.

– Проклятие? – переспросила Вэл.

– Он подвел моего близкого друга, что стоило ему жизни. – Тролль провел по всей длине меча крючковатым ногтем. – Более надежный клинок остановил бы его противника.

– А кто... кто был противником? – спросила она.

– Я, – ответил тролль.

– О!

Вэл не знала, что сказать. Хотя тролль выглядел спокойным, в его словах звучало предостережение. Девушка вспомнила слова матери: «Когда мужчина говорит тебе, что причинит боль, верь

этому. Они всегда предостерегают и говорят правду». Вэл поспешно прогнала эти мысли: ей не нужны были советы матери.

Троль вернулся к столу и взял с него три пивные бутылки, закрытые пробками и залитые воском. Сквозь темное стекло Вэл не могла определить цвет содержимого, но мысль о том, что там может оказаться такой же янтарный песок, что бежал по ее жилам накануне вечером, обожгла кожу морозом предвкушения.

– Первая доставка – в парк на Вашингтон-сквер, троице фейри.

Крючковатый ноготь указал на приклеенную к стене скотчем карту пяти округов и почти всего района Нью-Йорк и Нью-Джерси. Она подошла ближе и заметила, что в разные участки карты воткнуты тонкие черные булавки.

– Вторую можно оставить перед пустующим домом, вот здесь. Этот... получатель может не захотеть показаться. Третью доставишь в заброшенный парк, вот здесь. – Троль указал на какую-то улицу в Вильямсбурге и продолжил: – Там, у камней и воды, есть небольшие травянистые холмы. Существо, которое ты должна найти, будет дожидаться тебя у берега реки.

– А что означают булавки? – спросила Вэл.

Он бросил на нее быстрый взгляд исподлобья и, казалось, секунду колебался, прежде чем ответить.

– Смерть. Наш народ обычно не умирает в городах: большинство из нас находятся в изгнании или прячутся от других фейри. Жить в окружении такого количества железа опасно. Но эти смерти были другими. Я пытаюсь их разгадать.

– А что я разношу?

– Лекарство, – ответил он. – Для тебя оно бесполезно, но оно уменьшает у фейри боль при соприкосновении с железом.

– Мне надо будет что-то у них брать?

– Об этом можешь не беспокоиться, – ответил троль.

– Послушай, – сказала Вэл, – я не отказываюсь, но мне никогда раньше не приходилось жить в Нью-Йорке. То есть я приезжала сюда за разными вещами и гуляла по Виллидж, но не смогу найти все эти места, всего раз взглянув на карту.

Он рассмеялся.

– Конечно не сможешь. Если бы у тебя были волосы, я связал бы три узла, один на каждую доставку. Но раз их нет, давай мне руку, – Вэл протянула руку ладонью вверх, готовясь моментально отдернуть ее, если он вынет что-нибудь острое.

Засунув пальцы в один из карманов пальто, тролль вытащил моток зеленых ниток.

– Левую руку, – сказал он.

Она протянула ему другую руку и стала смотреть, как он наматывает нитку сначала вокруг указательного, среднего, а потом и безымянного пальцев, завязывая узел на каждом.

– И зачем это нужно? – спросила она.

– Это поможет тебе с доставкой.

Вэл кивнула, рассматривая пальцы. Разве это могла быть магия? Она ожидала чего-то блестящего и сверкающего, а не такой повседневности. Нитки – это просто нитки. Ей хотелось еще поспрашивать об этом, но она побоялась, что это окажется невежливым, и потому спросила еще об одном, что ее занимало:

– А почему железо тревожит фейри?

– У нас его нет в крови, как у вас. А других объяснений я не знаю. Совсем недавно короля Зимнего Двора отравили всего несколькими стружками. Его имя было Нефамаэль, и он хотел сделать железо союзником: носил железный обруч на лбу, позволяя глубокому ожогу зарубцеваться, пока плоть не стала такой крепкой, что больше рубцов не появлялось. Но это не укрепило ему горло. Король умер, подавившись железом.

– А что это за Дворы? – спросила Вэл.

– Когда в одном месте собирается достаточно много фейри, они часто организуют группы. Вы могли бы считать их бандами, но волшебный народ обычно называет их Дворами. Они занимают какую-то территорию и часто воюют с соседними Дворами. Есть Светлые Дворы, которые мы называем Летними, и Темные, или Зимние. На первый взгляд можно подумать, что Летние Дворы – добрые, а Зимние – злые, но это было бы во многом – хотя и не во всем – ошибочным.

Вэл содрогнулась.

– Я буду заниматься доставкой одна? Или кто-то будет ходить со мной?

Его золотистые глаза сверкали в свете пламени.

– Из остальных? Луис – единственный человеческий курьер, который у меня был. Ты думала о ком-нибудь еще?

Вэл помотала головой, не зная, что ей следует говорить.

– Это не имеет значения. Я буду просить, чтобы ты выполняла эти задания одна и не говорила о них ни с кем из... остальных.

– Ладно, – сказала Вэл.

– Ты находишься под моей защитой, – сказал тролль, протягивая ей одну из бутылок. – Однако я должен кое-что сказать тебе о фейри. Не задерживайся с ними и не бери ничего, что они предлагают, в особенности еду.

Она подумала о заколдованном камне, которым накормила старика, и кивнула – мрачно и пристыженно.

– Положи в сапог вот этот окопник. Он поможет тебе пройти путь быстро и безопасно. А вот бурачок, чтобы хранить тебя от очарования. Можешь спрятать его в карман.

Вэл взяла растения, сняла левый сапог и запихнула туда окопник. Она почувствовала, как он прилип к носку, странно успокаивая и тревожа одновременно.

Когда Вэл снова вышла на улицу, то почувствовала натяжение нитки, обмотанной вокруг указательного пальца. Волшебство! Она улыбнулась и пошла в направлении, куда ее потянула нитка.

Ночь еще не наступила, когда Вэл добралась до парка на Вашингтон-сквер. По дороге она остановилась и потратила украденные деньги на сэндвич с ветчиной, но оказалось, что ее все еще тошнит, так что пришлось выбросить его, не съев и половины. Девушка даже купила у уличного торговца новую рубашку, чтобы сменить свою, заляпанную рвотой, и умылась в фонтане с ледяной водой, у которой был вкус ржавчины и мелких монет.

Три бутылки неизвестно с чем позвякивали в рюкзаке и казались

гораздо тяжелее, чем на самом деле, из-за сильной усталости Вэл. Ей ужасно хотелось откупорить одну и отведать содержимого, чтобы вернуть себе силы и бесстрашие вчерашнего вечера, но тревога удерживала от этого.

Идя через парк мимо студентов университета в ярких шарфах, мимо людей, спешащих на ужин или прогуливающих крошечных собачек в попонках, Вэл поняла, что не представляет, кого именно следует искать. Нитка потянула ее к компании школьников в дорогих костюмах для катания на роликах, которые вскарабкались на одну из внутренних оград. Один парнишка с непослушными волосами, в клетчатой рубашке и просторных джинсах стоял на верхней перекладине и улюлюкал трем девчонкам, прислонившимся к толстому дереву. Они были босые, с волосами цвета меда.

Нитка подтащила ее к девчонкам и развязалась.

– Э-э... привет, – сказала Вэл. – Кажется, у меня есть что-то для вас.

– Я чую на тебе чары, густые и сладкие, – ответила одна из них с серыми, как свинец, глазами. – Будь осторожна, а то такую девушку могут утащить под холм. Мы оставили бы вместо тебя кусок дерева, и все рыдали бы над ним, потому что у них не хватило бы ума заметить разницу.

– Не говори ей гадостей, – сказала вторая, накручивая на палец прядь волос. – Она не виновата в том, что слепая и немая.

– Вот, – сказала Вэл, пихая бутылку в руки девчонки, которая молчала. – Принимайте свое лекарство как умные девочки.

– О, да у нее есть язычок! – воскликнула девочка с серыми глазами.

Третья только улыбнулась и посмотрела на парнишку на ограде.

Вторая проследила за направлением ее взгляда.

– А он хорошенький, – сказала она.

Вэл с трудом могла различить этих девчонок. У всех были длинные, гибкие руки и ноги и волосы, которые развевались при малейшем ветерке. В тонких одеждах и с босыми ногами феиры должны были бы мерзнуть, но казалось, что они совершенно не чувствовали холода.

– Хочешь потанцевать с нами? – спросила у Вэл одна из девочек-фейри.

– Ему хочется с нами потанцевать, – широко улыбнулась сероглазая фейри мальчишке. – Потанцуй с нами, посланница, – произнесла третья фейри. Голос у нее напоминал кваканье, и, когда она говорила, Вэл показалось, что видит черный язык.

– Нет, – ответила Вэл, вспоминая предостережения тролля и бурачок в кармане. – Мне надо идти.

– Ничего, – сказала сероглазая фейри, трогая асфальт пальцем босой ноги. – Ты придешь к нам еще раз, когда не будешь так сверкать чарами. По крайней мере, я надеюсь, что придешь. Ты почти такая же хорошенькая, как он.

– Я совсем не хорошенькая, – возразила Вэл.

– Как знаешь, – отозвалась девчонка.

Проходя мимо заколоченных многоквартирных домов и винных магазинчиков с выбитыми стеклами, Вэл не представляла, с чем ей ожидать встречи. Здание, к которому ее потянула нитка на пальце, тоже было заколочено, но Вэл с изумлением увидела, что на крыше цветет сад. Длинные плети растений свисали с краев, а наверху росли подросшие деревья, и все это было заключено в алюминиевую клетку, венчавшую здание. Вэл подошла туда, где когда-то находилась дверь. Теперь она была затянута плющом. На втором этаже вместо окон остались только зияющие дыры в кирпичной кладке, поэтому ей почти удалось заглянуть в комнаты.

Когда она поднялась на растрескавшиеся ступени крыльца, на среднем пальце развязалась нитка и упала в траву рядом с домом. Девушка вытащила из рюкзака бутылку и поставила ее, как указал тролль.

Что-то зашуршало в траве, и Вэл вскрикнула, отскочив назад и внезапно заметив, как странно все затихло. Машины по-прежнему проносились мимо, но звуки города заглохли. Коричневая крыса высунула голову из травы. Ее черные бусинки-глазки напоминали отполированные камешки, розовый носик дергался. Вэл облегченно засмеялась.

– Эй, привет, – сказала она, садясь на корточки. – Мне сказали,

что ты можешь разгрызть медь. Это нечто.

Крыса повернулась, и Вэл побежала обратно в траву. Какая-то фигура вышла из тени, подхватила грызуна и посадила себе на широкое плечо.

– Кто... – начала Вэл – и вдруг замолчала.

Он вышел на свет – существо, почти такое же высокое, как тролль, но массивнее. Его рога загибались назад, как у барана, а густая коричневая борода по краям отливала зеленым цветом. Он был одет в куртку из лоскутов и сапоги ручной работы.

– Зайди и погрейся, – предложил он, поднимая запечатанную бутылку. – У меня есть к тебе вопросы.

Вэл кивнула, но ее взгляд скользнул в сторону улицы: она сомневалась, стоит ли попытаться убежать. Рука феяри тяжело опустилась девушке на плечо, и он провел ее к задней части здания, к двери, подвешенной на верхнюю петлю. Внутри Вэл увидела части манекенов, сваленные у стен: пирамида голов в одном углу, стена рук самых разных оттенков – в другом. Гора париков в центре комнаты на полу походила на большого спящего зверя.

Крошечное существо с крыльями мотылька порхало в воздухе с иголкой в руке и опустилось на мужской торс, чтобы шить на нем лей лет, Вэл испуганно осмотрелась, отмечая все, что можно было бы использовать как оружие, и попятилась, чтобы завести руку за спину и схватить. Ей не нравилась перспектива обороняться пластмассовой ногой от феяри, но, если придется, она это сделает, даже без надежды на успех. Но в тот момент, когда пальцы Вэл сомкнулись на одной из искусственных рук, она поняла, что держит в руке только одну кисть.

– Что это такое? – громко спросила она, надеясь, что феяри ничего не заметил.

– Я делаю чучела, – ответило рогатое существо, усаживаясь на ящик из-под молока, прогнувшийся под ним. – Мы с Иглинкс – лучшие по эту сторону океана.

Феяри с мотыльковыми крылышками зажуужала. Вэл попыталась, не оборачиваясь, положить кисть манекена на полку у себя за спиной, но не сумела. Ей пришлось засунуть кисть в задний карман брюк, под куртку.

– Сама королева Летнего Двора, Силариаль, пользуется нашими

продуктами.

– Ого! – сказала Вэл, поскольку он явно рассчитывал произвести впечатление.

А потом, в наступившем молчании, она вынуждена была спросить:

– Чучела?

Он улыбнулся, и Вэл заметила, что зубы у него пожелтевшие и довольно острые.

– Это то, что мы оставляем, когда кого-то крадем. Конечно, традиционные поленья, палки и прочее – они тоже нормально работают, но манекены намного лучше. Более убедительные даже для тех редких людей, у которых есть немного волшебства, или Зрения. Конечно, как я думаю, тебя это мало утешает.

– Конечно, – согласилась Вэл.

Она вспомнила, как девочки в парке сказали: «Мы оставим кусок дерева». Уж не это ли они имели в виду?

– Порой мы подменяем человеческого ребенка кем-то из фейри, но эта глупость меня не касается. – Тут он посмотрел на Вэл, и ей показалось, что он видит ее насквозь. – Мы жестоки с теми, кто идет нам наперекор. Мы портим посевы, высушиваем молоко в материнской груди и отнимаем силу у рук или ног при малейшей обиде. Но порой мне кажется, что мы еще хуже поступаем с теми, кто заслужил наше расположение.

Он сел и взял в руки бутылку со снадобьем. В отблесках пламени Вэл увидела, что глаза у него совершенно черные, как у его крысы.

– А теперь ответь мне, – произнес он, – это яд?

– Я не знаю, что это, – сказала Вэл. – Не я его составляла.

– Среди волшебного народа было немало смертей.

– Я что-то об этом слышала.

Он хмыкнул.

– Они все пили раствор Равуса, чтобы прогнать железную болезнь. И незадолго до своей смерти все получили лекарство от такого же посыльного, как ты.

Вэл вспомнила продавца благовоний, который на днях заговорил с ней. Что он тогда сказал? «Скажи своим друзьям, чтобы они осторожнее выбирали, кому служить».

– Ты считаешь, что Равус... – Она на секунду задержала это имя на языке. – Ты думаешь, что Равус – отравитель?

– Я не знаю, что думать, – сказал рогатый фейри. – Ну так отправляйся дальше, посыльный. Я найду тебя снова, если понадобится.

Запах попкорна привлек Вэл, когда она проходила мимо старого кинотеатра. Она нащупала у себя в кармане пачку денег – больше чем достаточно, чтобы зайти внутрь. Однако желание посмотреть фильм казалось невероятным, словно для того, чтобы зайти в зал, ей пришлось бы пересечь непреодолимую границу между этой жизнью и прежней.

Когда Вэл была младше, они с матерью по воскресеньям ходили в кино. Сначала они смотрели фильм, который хотела Вэл, а потом – тот, который выбирала мать. Обычно получалось, что это были фильм-ужастик и слезливая мелодрама. Они сидели в темном зале и шептались друг другу: «Спорим, это сделал он! А следующей умрет она. Как можно быть такими тупыми?»

Вэл подошла к афишам просто из упрямства. Шли в основном художественные фильмы, о которых она даже не слышала, но ее взгляд остановился на афише с названием «Игра». Там был изображен привлекательный парень в костюме валета червей, с татуированным сердцем на голом плече. Он держал в руке карту с Пажом Кубков.

Вэл вспомнила, как Том раскладывал колоду Таро на кухонном столе.

– Вот что тебе препятствует, – сказал он, переворачивая карту с изображением женщины с завязанными глазами, которая держала в каждой руке по мечу. – Двойка мечей.

– Никто не может предсказать будущее, – заявила Вэл, – особенно с помощью того, что можно купить в магазине.

Мать тогда подошла к ним и улыбнулась Тому.

– А мне ты не разложишь карты? – спросила она.

Том расплылся в ответной улыбке, и они начали разговаривать о привидениях, кристаллах и прочей мистической дребедени. Вэл следовало бы понять уже тогда. Но она налила себе стакан газировки, уселась на табурет и стала смотреть, как Том предсказывает ее матери будущее, в котором сам намерен играть роль.

Девушка поднялась по ступенькам, купила билет на полуночный сеанс и прошла в буфет. Там было пустынно. Металлические столики стояли вокруг пары коричневых кожаных диванов. Вэл плюхнулась на один из диванов и стала смотреть вверх, на люстру, сверкавшую в центре потолка, изображавшего небо. Несколько минут она просто отдыхала, любуясь блеском и наслаждаясь чудесным теплом, а потом заставила себя пройти в туалет. До начала фильма оставалось полчаса, и ей хотелось привести себя в порядок.

Сняв в комок бумажные полотенца, Вэл тщательно обтерлась, выстирала трусы мылом и натянула их на себя влажными, прополоскала горло водой. Потом она села в одной из кабинок, прислонила голову к крашеной металлической стене и закрыла глаза, подставив лицо потоку горячего воздуха из вентиляции. «Всего секундочку, – сказала Вэл себе. – Я встану через секундочку».

Над ней склонилась женщина с темными глазами и худым лицом:

– Что с тобой?

Вэл вскочила на ноги – и уборщица с криком отшатнулась, выставив перед собой швабру.

Смущенная Вэл схватила рюкзак и бросилась к выходу. Она протиснулась через металлический турникет, пока к ней направлялись билетеры в пиджаках.

Совершенно растерявшись, Вэл увидела, что на улице еще темно. Она проспала кино? Или заснула всего на минутку?

– Сколько сейчас времени? – спросила она у пары, пытающейся поймать такси.

Женщина нервно посмотрела на часы, словно Вэл собиралась сдернуть их у нее с запястья.

– Почти три.

– Спасибо, – промямлила Вэл.

Хотя она проспала меньше четырех часов, сидя на унитазе, на улице девушка обнаружила, что чувствует себя гораздо лучше. Головокружение почти прошло, а от запаха азиатских блюд из круглосуточного ресторанчика, расположенного в нескольких кварталах от кинотеатра, в животе забурчало от голода. Она направилась в сторону ресторанчика.

Черный джип с затемненными стеклами остановился рядом с Вэл, окно открылось. Впереди сидели двое мужчин.

– Эй, – окликнул ее тот, кто сидел на месте пассажира, – ты не знаешь, где болгарская дискотека? Мне казалось, она на Кэнал-стрит, но мы что-то запутались.

Его аккуратно уложенные муссом волосы были мелированы.

Вэл покачала головой.

– Сейчас она уже все равно закрыта.

Водитель перегнулся через пассажира. Он был темноволосый и темнокожий, с большими влажными глазами.

– Мы просто ищем, где поразвлечься. Любишь развлекаться?

– Нет, – ответила Вэл. – Я просто собираюсь пойти поесть.

Она указала на псевдояпонский фасад ресторанчика, радуясь тому, что он близко, и остро ощущая, что вокруг пустынные улицы.

– Я бы не отказался от жареного риса, – сказал блондин.

Джип тронулся, двигаясь за ней вдоль тротуара.

– Полно, мы обычные парни. Мы не извращенцы какие-нибудь.

– Послушайте, – сказала Вэл, – не хочу я развлекаться, ясно? Оставьте меня в покое.

– Ясно, ясно. – Блондин посмотрел на своего приятеля, а тот пожал плечами. – Но нам можно хотя бы тебя подвезти? Здесь опасно ходить одной.

– Спасибо, но у меня все нормально.

Вэл прикидывала, сможет ли она убежать и не кинуться ли сейчас наутек, чтобы получить фору. Но она продолжала идти, словно ей не страшно, а они – просто два славных заботливых парня,

уговаривающие ее сесть к ним в машину.

В сапоге у Вэл лежал окопник, в кармане – бурачок, а под рубашкой навывпуск была спрятана пластмассовая кисть от манекена, но она толком не представляла, как все это ей поможет.

Машина остановилась, Вэл услышала щелчок отпирающихся дверей и приняла решение. Повернувшись к открытому окну, она улыбнулась и сказала:

– А почему вы решили, что меня можно не бояться?

– Я уверен, что ты опасная, – многозначительно ответил водитель, расплываясь в улыбке.

– А что, если я скажу вам, что только что отрезала у одной курочки руку? – спросила Вэл.

– Что? – непонимающе уставился на нее блондин.

– Нет, правда. Видите?

Вэл забросила кисть манекена к ним в окно. Она упала водителю на колени, и тот завопил.

В суматохе Вэл бросилась через улицу к ресторанчику.

– Уродка гребаная! – заорал блондин. Они отъехали от тротуара, завизжав шинами.

С отчаянно бьющимся сердцем Вэл вошла в уютное тепло «Доджо». Со вздохом облегчения усевшись за стол, она заказала огромную миску горячего супа мисо, холодную кунжутную лапшу, обильно политую арахисовой глазурью, и жареную курятину с имбирем, которую ела прямо руками. Закончив еду, девушка готова была уснуть за столиком.

Но она должна была сделать третью доставку.

Казалось, что по этой улице вообще не ходят. На тротуарах валялись кучи мусора, осколки стекла, высохшие презервативы, рваные колготки. Из-за запаха росы на тротуаре, ржавой ограде и редкой траве и пустынных улиц Вильямсбург казался невероятно далеким от Манхэттена.

Вэл нырнула под цепь ограды. На парковке было пусто, и она увидела канаву между растрескавшимся асфальтом и невысокими

холмиками. Вэл слезла в нее, используя как тропинку, чтобы пройти туда, где черные камни отмечали границу между берегом и рекой.

Там что-то лежало. Поначалу Вэл показалось, что это грудa высыхающих водорослей и брошенный пластиковый пакет, но, подойдя ближе, она увидела женщину с зелеными волосами, лежащую на камнях лицом вниз, наполовину на берегу, наполовину в воде. Подбежав, Вэл увидела, что над ней с жужжанием выются мухи, а хвостом играет течение и чешуйки в свете уличных фонарей блестят серебром.

Это был труп русалки.

Глава 7

*К ним обращусь, чтобы мне помогли,
– К братцу свинцу и сестрице стали.*

*Зигфрид Сэссон. «„Старый охотник“ и
другие стихотворения»*

Впервые Вэл увидела умершее существо в торговом центре возле дома отца. Тогда ей было двенадцать лет. Она бросила монетку в фонтан на площадке с продуктовыми отделами и пожелала пару кроссовок. Через несколько минут девочка передумала и побежала обратно, чтобы найти свою монетку и загадать другое желание. Вернувшись, она увидела, как в спокойной воде плавает вялое тельце воробья. Вэл опустила руки в воду и подняла птичку – вода вылилась из клювика, как из чашки. От воробья отвратительно пахло – как от мяса, которое надолго оставили оттаивать в холодильнике. Она несколько секунд смотрела на воробья, пока не поняла, что он мертвый.

Пока Вэл бежала по улицам к Манхэттенскому мосту, она вспоминала утонувшую птичку. Теперь девушка во второй раз столкнулась со смертью.

Волшебная дверь под мостом открылась точно так же, как в прошлый раз, но теперь, войдя на темную площадку, Вэл увидела, что кто-то спускался вниз по лестнице, и только когда свечка, прикрытая рукой, осветила серебряные кольца, продетые в губу, и нос, и глаза, она поняла, что это Луис. В неверном свете он казался не менее удивленным, чем Вэл, и ужасно измученным.

– Луис? – спросила Вэл.

– Я надеялся, что ты давно уехала. – Голос Луиса звучал тихо и безжалостно. – Думал, что ты убежала обратно, к мамочке и папочке в пригород. Вы все, сучки с мостов и туннелей, только это и знаете: убегать, когда становится трудно. Убегаете в большой и злой город, а потом смываетесь домой.

– А пошел ты! – сказала Вэл. – Ты про меня ничего не знаешь.

– Ну и что? Ты тоже ни черта не знаешь про меня. Считаешь, что я вел себя мерзко, а на самом деле я делал тебе одно только хорошее.

– Что ты против меня имеешь? Ты возненавидел меня с той минуты, как я пришла!

– Любая подружка Лолли обязательно разворошит все дерьмо. Ты так и сделала. Мне пришлось всю ночь терпеть допрос разъяренного тролля – и все из-за вас, двух сучек. И ты еще спрашиваешь, чем я недоволен?

У Вэл от гнева загорелось лицо, несмотря на то, что на лестнице было холодно.

– Вот что я думаю: единственное, что в тебе необычно, – это твое Зрение. Ты говоришь про фейри всякие мерзости, но в восторге потому, что только ты их видишь. Вот почему ты так гадко ревнуешь ко всем, кто поговорит с кем-то из них.

Луис уставился на Вэл, словно она дала ему пощечину.

Вэл ехидно ухмыльнулась и добавила, осознав свои слова только после того, как они сорвались с губ:

– И я знаю еще кое-что. Пусть крысы и могут прогрызать дорогу через медь или еще что, но единственная причина, по которой они выживают, это то, что их миллионы и миллионы. Вот что особенного в крысах: они все время трахаются и рожают миллиарды крысят.

– Стой! – сказал Луис, вскинув руку так, словно хотел защититься от ее слов.

Гнев внезапно вышел из него, словно из проткнутого воздушного шарика, и он тихо заговорил:

– Хорошо. Да. Для Равуса и остальных фейри люди выглядят именно так: жалкие твари, которые размножаются как сумасшедшие и умирают так быстро, что не успеваешь даже разглядеть разницу между ними. Послушай: я уже бог знает сколько часов провел, отвечая на вопросы, после того как выпил какое-то питье, которое заставило меня говорить правду. И все из-за того, что вы с Лолли сюда вломились. Я устал и зол. – Он потер лицо ладонью. – Ты не первая беглянка, которую Лолли приводит домой, между прочим. Ты не понимаешь, с чем шутишь.

Вэл совершенно смутил изменившийся тон Луиса.

– О чем ты?

– Была еще одна девчонка, пару месяцев назад. Лолли решила привести ее под землю. Как раз в тот момент Лолли пришло в голову, что снадобьями можно колоться. Лолли и та девчонка, Нэнси, хотели уколоться наркотиком, но денег у них не было. И тогда Лолли стала искать, что еще можно вколоть, и они взяли немного этой штуки из бутылки, которую должен был доставить Дэйв. И вдруг они начали говорить, будто видят всякие вещи, которых тут нет, и, что еще хуже, Дэйв тоже стал видеть всякое дерьмо. Нэнси сбил поезд, а она ухмылялась до той секунды, пока он на нее не наехал.

Вэл отвела взгляд от мерцающей свечи и уставилась в темноту.

– Это похоже на несчастный случай.

– Конечно, это был несчастный случай! Но Лолли страшно понравилось это зелье, несмотря на все это. И она приучила Дэйва его принимать.

– А она знала, что это? – спросила Вэл. – Она знала про фейри? Про Равуса?

– Знала. Я рассказал про Равуса Дэйву, потому что Дэйв мой брат, хоть он и идиот. А он рассказал Лолли, потому что она его дразнит, а Дэйв готов на все, лишь бы произвести на нее впечатление. А Лолли рассказала Нэнси, потому что Лолли не умеет держать рот на замке.

Вэл вспомнила нервный смех Лолли.

– Ну и чего страшного, если она это станет рассказывать?

Луис вздохнул.

– Посмотри на это. – Он указал на белесый зрачок своего глаза. – Отвратительно, так? Однажды, когда мне было восемь, мать взяла меня с собой на рыбный рынок в Фултон. Она покупала перелинявших крабов, торговалась с продавцом. И она очень увлеклась, потому что обожала торговаться, а я вдруг увидел, как какой-то тип несет охапку кровавых тюленьих шкур. Он меня видит и широко ухмыляется. А зубы у него, как у акулы: маленькие, острые и редкие.

Вэл стиснула перила так, что у нее под ногтями раскрошилась краска.

– «Ты можешь меня видеть?» – спрашивает он. А я – глупый мальчишка и киваю. Мать стоит рядом со мной, но ничего не замечает. «Ты видишь меня обоими глазами?» – хочет он знать. Теперь мне становится страшно, и это единственное, что мешает сказать ему правду. Я указываю на свой правый глаз. Он бросает шкуры, и они отвратительно шмякаются, падая все разом.

Воск стек по свече прямо на большой палец Луиса, но он не вздрогнул и не перехватил свечу. Воск потек сильнее и равномерно закапал на ступеньки.

– Этот тип хватает меня за плечо и сует большой палец мне в глаз. И пока он это делает, его лицо даже не меняется. Мне ужасно больно, я кричу – и тут мать наконец поворачивается и видит меня. И знаешь, что они с тем продавцом рыбы решили? Что я как-то сам выцарапал себе глаз. Что я на что-то наткнулся. Что я сам себя ослепил.

У Вэл на руках волоски встали дыбом, а по спине побежали мурашки: так бывало всегда, когда ей становилось особенно не по себе. Она подумала про тюленьи шкуры и про труп русалки, который видела у реки, но решила, что от этих ужасов все равно никуда не денешься.

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– Потому что со мной все не просто, – ответил Луис. – Один неверный шаг – и они решат, что второй глаз мне тоже не нужен. Дэйв с Лолли этого никак не хотят понять.

Его голос понизился до шепота, и он наклонился ближе.

– Они играют с этим снадобьем, крадут у Равуса, хотя считается, что я расплачиваюсь по долгам. А потом приводят тебя. – Он замолчал, но Вэл увидела у него в глазах панику. – И ты тут все разворошила. И Лолли с этим дерьмом становится не лучше, а хуже.

Троль вышел на лестничную площадку и посмотрел вниз на Вэл. Его голос зазвучал низко и гулко, как барабан.

– Не могу понять, зачем ты вернулась. Тебе что-то нужно?

– Последняя доставка, – пробормотала она. – Это была... русалка? Она умерла.

Он застыл, молча уставившись на нее. Вэл судорожно сглотнула.

– Кажется, она умерла уже довольно давно.

Равус начал спускаться по лестнице. Полы его пальто развевались.

– Покажи мне.

Пока он приближался, его лицо изменилось: зеленый цвет кожи поблек, а черты лица сдвинулись. Теперь он стал похож на человека, на долгового паренька чуть старше Луиса. Но у паренька оказались странные золотистые глаза и лохматые черные волосы.

– Ты не изменил свои... – заговорила Вэл.

– Так всегда с ореолом, – сказал Равус, перебивая ее. – Всегда остается намек на то, чем ты был. Ступни, развернутые в противоположную сторону, хвост, выемка в спине. Какое-то указание на твою истинную природу.

– Я уже уйду, – заявил Луис. – Я шел к выходу.

– У нас с Луисом состоялся интересный разговор про тебя и про то, как проходила наша встреча, – сказал тролль.

Было очень странно слышать этот низкий звучный голос от молодого парнишки.

– Ага, – подтвердил Луис с иронией в голосе. – Он вел разговор. А я пресмыкался.

Равус в ответ улыбнулся, но даже в человеческом обличье его зубы, особенно резцы, казались слишком длинными.

– По-моему, эта смерть касается и тебя, Луис. Отложи сон еще ненадолго, и давай посмотрим, что нам удастся выяснить.

Когда Равус, Вэл и Луис добрались до берега, было тихо, только волны плескались о камни на кромке воды. Тело по-прежнему лежало там: волосы колебались подобно водорослям, ожерелья из ракушек и жемчуга обвивали шею, словно удавки, бледное лицо походило на отражение луны в воде. Крошечные рыбки металась вокруг ее тела и то и дело заплывали в приоткрывшиеся губы.

Равус опустился на колени, обхватил затылок русалки длинными пальцами и приподнял голову. Ее рот открылся еще шире, обнажив тонкие полупрозрачные зубы, которые, казалось, были сделаны из

хрящей. Равус приблизил лицо к русалке, будто собирался ее поцеловать. Вместо этого он два раза осторожно принюхался, а потом бережно опустил ее обратно в воду.

Он устремил на Луиса мрачный взгляд, потом снял пальто и расстелил его на земле. После этого тролль повернулся к Вэл:

– Если ты возьмешься за хвост, мы сможем переложить ее на ткань. Мне нужно унести ее к себе в кабинет.

– Ее отравили? – спросил Луис. – Ты знаешь, что ее убило?

– У меня есть теория, – ответил Равус. Влажной рукой он убрал с лица волосы, а потом зашел в воды Истривер.

– Я помогу, – предложил Луис, делая шаг к нему.

Равус покачал головой.

– Тебе нельзя. Все это железо, которое ты так упрямо носишь, может обжечь ей кожу. Я не хочу, чтобы улики были загрязнены больше необходимого.

– Железо дает мне безопасность, – сказал Луис, дотрагиваясь до кольца в губе. – По крайней мере относительную.

Равус улыбнулся.

– Самое малое – оно спасло тебя от тяжелой обязанности.

Вэл зашла в воду и подняла скользкий хвост. Его края расползались, как ветхая ткань. Рыбья чешуя, отваливаясь и налипая Вэл на руки, блестела в лунных лучах, как расплавленное серебро. На боку русалки обнажилась бледная плоть: в этом месте рыбы уже начали ее объедать.

– Что за жалкий спектакль тут играют?! – произнес чей-то голос, донесшийся из ложбины между двумя дюнами.

Равус посмотрел в темноту.

– Грейан...

Вэл узнала существо, которое вышло оттуда: изготовитель манекенов с позеленевшей бородой. Но за ним показались и другие создания, которых она не знала, – фейри с длинными руками и почерневшими пальцами, с птичьими глазами и кошачьими мордами, с потрепанными крыльями, прозрачными, как дым, или яркими, как

неоновые вывески в баре.

– Еще одна смерть, – сказал один из пришедших, и ему откликнулся тихий ропот.

– Не это ли ты рассылаешь? – спросил Грейан.

Раздался взрыв смущенного смеха.

– Я пришел, чтобы выяснить все, что возможно, – ответил Равус.

Он кивнул Вэл. Вдвоем они переложили тело на пальто. Вэл затошнило, когда она поняла, что рыбный запах исходит от плоти, до которой она дотрагивается.

Грейан сделал шаг вперед. В свете уличных фонарей его рога казались белыми.

– И чтобы увидеть, что выяснилось.

– На что ты намекаешь? – требовательно спросил Равус.

В своем человеческом облике он был худым и высоким, но рядом с массивным Грейаном выглядел совсем не внушительно.

– Ты отрицаешь, что ты убийца?

– Стой! – сказал один из толпы, с телом таким длинным и тонким, что Вэл даже не смогла его назвать. – Мы его знаем. Он делал полезные снадобья для всех.

– Знаем ли мы его? – Грейан подошел ближе и из складок растрескавшегося плаща из коричневой кожи извлек два коротких изогнутых серпа с лезвиями из темной бронзы. – Он был отправлен в изгнание за убийство.

– Осторожнее, – сказала какое-то крошечное существо. – Ты ведь не хочешь, чтобы нас всех сейчас судили по тому, какова причина нашего изгнания.

– Ты знаешь, что я не могу отказаться именоваться убийцей, – сказал Равус. – Так же как я знаю, что только трус угрожает мечом тому, кто принес клятву больше не поднимать клинка.

– Красивые слова. Ты по-прежнему считаешь себя придворным, – заявил Грейан. – Но здесь тебе хитрый язык не поможет.

Одно из существ ухмыльнулось Вэл. Глаза у него были как у

попугая, а пасть полна похожих на пилу зубов. Вэл наклонилась и подняла кусок трубы, который валялся среди камней. Он оказался таким холодным, что обжег ей пальцы.

Равус протянул Грейану раскрытые ладони.

– Я не хочу с тобой воевать.

– Тогда ты погиб.

Он замахнулся одним из серпов на Равуса.

Троль увернулся от серпа и вырвал меч из руки другого фейри, зажав в кулаке острый клинок. Алая кровь потекла из его ладони. Губы тролля изогнулись в усмешке, словно от удовольствия, а ореол исчез.

– Вам нужно то, что я делаю, – бросил Равус.

Ярость исказила его лицо, сделав черты ужасающими; клыки впились в верхнюю губу. Он слизнул кровь, и его глаза вспыхнули злобой и весельем. Он крепче сжал клинок, еще глубже вонзив лезвие в ладонь.

– Я раздаю снадобье без ограничений, но даже если бы я был отравителем, вы все равно жили бы только благодаря моей милости.

– Я не буду жить по твоей милости!

Грейан снова направил на Равуса лезвия серпов.

Равус взмахнул рукоятью меча, отражая нападение. Они стали кружиться, обмениваясь ударами. Оружие Равуса было плохо уравновешено, потому что он держал меч за клинок, и стало скользким от крови. Грейан быстро наносил удары своими короткими бронзовыми серпами, но каждый раз Равус успевал их парировать.

– Хватит! – крикнул Грейан. Фейри с длинным, закрученным в петли хвостом бросился вперед и схватил Равуса за руку. Другой шагнул к ним, держа серебряный нож в форме листа.

В этот момент Грейан направил удар на запястье Равуса – и Вэл рванулась вперед, даже не осознав, что делает. Ею управлял инстинкт. Все тренировки с командой лакросса и видеоигры вдруг как-то соединились – и она ударила железной трубой Грейану в бок. Труба попала в цель с мягким, сочным шипением, на секунду лишив его равновесия. А потом Грейан развернулся к девушке, с силой

опуская вниз оба бронзовых клинка. Вэл едва успела поднять трубу и упереться ногами – и клинки нанесли удар по металлу, рассыпав искры. Она повернулась – и Грейан изумленно и пристально разглядывал ее, прежде чем вонзить бронзовые лезвия ей в ногу.

Вэл ощутила жуткий холод, а все звуки извне утихли, словно у нее заложило уши. Нога даже не слишком сильно болела, хотя ее разорванные брюки уже пропитались кровью.

В прежней жизни Вэл, когда она занималась спортом и не верила в фейри, они с Томом после школы играли в видеоигры и маялись дурью в отремонтированном полуподвале его дома. Ее любимая игра называлась «Мстящие души». Главный персонаж, Акара, носила кривую саблю, которая позволяла ей сносить головы одновременно трем противникам и получать массу очков. Очки изображались в верхней части экрана как голубые шары, которые превращались в красные с громким треском, когда Акару ранили. Вот и все, что происходило. При ранениях Акара не замедляла движений, не спотыкалась, не орала и не падала в обморок. Вэл поступила именно так.

Кто-то очень сильно сжимал Вэл руку. Она чувствовала, как ногти больно впиваются ей в кожу. Боль пронизывала ее всю целиком. Вэл открыла глаза.

Какой-то молодой человек склонился над ней, и сначала она не поняла, кто это. Девушка отпрянула, стараясь отодвинуться подальше. А потом разглядела чернильно-черные волосы, опухшие губы и глаза с золотыми пятнышками. Луис стоял поодаль.

– Вэл, – сказал Луис. – Это Равус. Равус.

– Не трогай меня, – попросила Вэл. Ей хотелось, чтобы боль ушла. Горькая улыбка скользнула по его губам, пальцы на ее руке разжались.

– Ты могла умереть, – тихо проговорил Равус.

Вэл истолковала это как хороший знак: на самом деле она не умирает.

Вэл проснулась, ощущая тепло и сонливость. На секунду ей

показалось, что она в постели у себя дома. Она решила, что проспала и опоздала на уроки, а потом подумала, что, наверное, болеет. Когда Вэл открыла глаза, то увидела мерцающий свет свечей и темную крышу высоко над собой. Она была закутана в кокон из надушенных лавандой одеял и лежала на горе из подушек и ковриков. Ровный гул уличного движения наверху звучал почти как дождь.

Вэл приподнялась на локте. Равус стоял у рабочего стола и нарезал кусок какого-то темного вещества. Несколько секунд она наблюдала, как длинные ловкие пальцы держат ручку ножа, а потом выпростала ногу из-под одеяла. Нога оказалась обернутой листьями и забинтованной высоко у бедра. Тролль обернулся и посмотрел на нее.

– Ты проснулась.

Девушка покраснела, смущенная тем, что он снимал с нее запачканные брюки.

– А где Луис?

– Он вернулся в туннели. Я готовлю тебе питье. Сможешь его выпить?

Вэл кивнула.

– Это какое-то снадобье?

Он фыркнул:

– Это просто какао.

– О! – отозвалась Вэл, чувствуя себя ужасно глупо, и снова посмотрела на него. – У тебя рука не забинтована.

Равус поднял руку: на ладони не было даже шрама.

– На троллях все быстро заживает. Меня трудно убить, Вэл.

Она посмотрела на его руку, на стол с ингредиентами и тряхнула головой.

– Как оно действует – волшебство? Как ты берешь обычные вещи и превращаешь их в волшебные?

Он бросил на нее пристальный взгляд, а потом снова принялся нарезать коричневую плитку.

– По-твоему, я это делаю?

– А разве нет?

– Я ничего не делаю волшебным, – сказал он. – Я мог бы, наверное, но в небольших количествах и без особой действенной силы. Это мне не по силам. Это не по силам почти никому, за исключением высокого лорда или леди фейри. – Тут он обвел рукой свой рабочий стол. – Эти вещи – затвердевшие кусочки старой жвачки, разнообразные обертки и банки, окрашенные помадой сигаретные окурки – уже волшебные. Такими их сделали люди. – Он поднял серебряную обертку из-под жвачки. – Вот зеркало, которое никогда не разбивается. – Он взял салфетку, на которой отпечатался напomaженный рот. – Поцелуй, который никогда не кончается. Сигарета. Это дыхание мужчины.

– Но зеркала и поцелуи тоже не волшебные.

Тут он рассмеялся.

– Так ты не веришь, что поцелуем можно превратить зверя в принца или разбудить мертвого?

– И я ошибаюсь?

– Нет, – ответил он иронично. – Ты совершенно права. Но, к счастью, этот напиток не должен сделать ничего такого.

Вэл улыбнулась этим словам и подумала, что замечает все его взгляды, вздохи, малейшие изменения выражения лица. И она с тревогой старалась понять, что это может означать.

– Почему ты всегда выглядишь именно так? – спросила она. – Ты ведь мог бы выглядеть как угодно. Походить на любого.

Равус нахмурился, положил пестик и обошел стол. Она ощутила трепет, который отчасти был вызван страхом.

Вэл беспокоило, что она лежит на его постели неодетая, но ей не хотелось вставать.

– А, ты имеешь в виду ореол? – Тролль помедлил. – Сделать себя не таким страшным? Менее отвратительным?

– Ты вовсе не... – начала Вэл, но он поднял руку – и девушка замолчала.

– Моя мать была прекрасна. Несомненно, у меня более широкое понимание красоты, чем у тебя.

Вэл ничего не сказала, но кивнула. Ей не хотелось слишком

задумываться над тем, есть ли у нее широкое понимание красоты. Ей всегда казалось, что оно довольно узкое и включало мать и других людей, которые прилагали слишком много усилий во имя красоты. Она всегда немного презрительно относилась к красоте, потому что красота, по мнению Вэл, требовала в обмен жертвовать слишком важным.

– У нее в волосах были сосульки, – продолжил он. – Такие холодные, что покрывались изморозью, соединявшей ее косы в хрустальные камни, которые постукивали, когда она двигалась. Их надо было видеть при свечах. Этот лед светился, словно состоял из пламени. Хорошо, что мать не могла выдерживать солнечный свет – иначе она освещала бы небо.

– А почему она не могла выдерживать солнечный свет?

– Никто из моей расы не может. На солнце мы превращаемся в камень и остаемся такими до ночи.

– Это больно?

Он покачал головой, но ничего не ответил.

– Несмотря на красоту, мать никогда не показывала моему отцу истинный облик. О, с ореолом она тоже была прекрасна, но то была приглушенная красота. И мои братья и сестры – мы тоже носили ореол.

– Он был смертным?

– Смертным. Ушел за один вздох фейри. Так говорила моя мать.

– Но тогда ты...

– Тролль. Кровь фейри передается целиком.

– А он знал, кто она?

– Отец притворялся, будто не знает, кто мы все, но должен был догадываться или хотя бы заподозрить, что мы не люди. Он владел лесопилкой, где распиливали и сушили древесину с нескольких сот акров леса, который ему принадлежал. Ясень, осину, березу, дуб, иву. Можжевельник, сосну, тис. У отца в городе была другая семья, но мать притворялась, что не знает об этом. Было много всякого притворства. Она следила, чтобы доски у отца получались хорошие и ровные. Они были отлично оструганы, не коробились и не гнили. Фейри... Мы ни в чем не знаем меры. Когда любим, мы – сама

любовь. Такой была и мать. Но взамен она просила, чтобы он ударял в колокол на холме, чтобы дать ей знать о своем приходе. Однажды отец забыл позвонить в колокол.

Троль встал, прошел за кипящим молоком и перелил его в чашку из китайского фарфора. До Вэл донесся аромат корицы и шоколада.

– Он увидел нас всех такими, какими мы были на самом деле. – Равус сел рядом с Вэл, так что длинные полы пальто расстелились по полу. – И убежал, чтобы никогда не возвращаться.

Она взяла у него чашку и сделала осторожный глоток. Какао оказалось слишком горячим и обожгло язык.

– И что случилось потом?

– Большинство людей удовлетворились бы таким концом рассказа. Потом случилось то, что вся любовь матери превратилась в ненависть. Даже дети после этого стали для нее ничем – просто напоминанием об отце.

Вэл подумала о своей матери и о том, как она никогда не сомневалась в том, что любит мать. Конечно, она любила мать. Но теперь Вэл ее ненавидела. Девушке казалось неправильным, что одно чувство так легко переходит в другое.

– Ее месть была ужасной.

Равус посмотрел на свои руки, и Вэл вспомнила, как он поранил их, держа меч за клинок. Она подумала, что его ярость была такой сильной, что троль даже не заметил боли. И еще ей стало интересно, любит ли он так же, как его мать.

– Моя мать тоже была очень красива, – сказала Вэл.

Ей хотелось добавить что-нибудь еще, но один глоток горячего шоколада наполнил ее таким сладким покоем, что она снова скользнула в сон.

Вэл разбудили голоса. Женщина с козьими копытцами стояла в комнате и тихо разговаривала с Равусом.

– Бездомную собаку я бы еще поняла, – говорила она. – Но это? Ты слишком мягкосердечен.

– Нет, Мабри, – ответил Равус – Нисколько. – Он посмотрел в

сторону Вэл. – По-моему, она хочет умереть.

– Тогда, может быть, ты способен ей помочь, – сказала Мабри. – У тебя получается помогать смерти.

– Ты пришла сюда, чтобы измазать меня в моих собственных нечистотах? – спросил он.

– Это было бы достаточно веским поводом. Но пришла еще одна смерть, – произнесла Мабри, словно не услышав его. – Кто-то из морского народа в Ист-ривер. Ее тело нашел человек, но его уже сильно объели рыбы, так что я не ожидаю громкого скандала.

– Я это знаю, – сказал Равус.

– Ты слишком много знаешь. Ты знал их всех. Каждого, кто умер, – заявила Мабри. – Ты убийца?

– Нет, – ответил он. – Все погибшие – изгнанники Летнего Двора. На это следует обратить внимание.

– И всех отравили, – откликнулась Мабри. – Вот на что обратили внимание.

Равус кивнул.

– Из рта русалки пахло крысиным ядом.

Вэл заглушила изумленный возглас, уткнувшись лицом в одеяла.

– Народ считает тебя виновным, – сказала Мабри. – Слишком большое совпадение, что все мертвые были твоими клиентами и умерли в считанные часы после получения снадобья от одного из человеческих посыльных.

– После того как Зимний Двор не получил десятины, десятки темных фейри ушли из земель Никневин. Не понимаю, почему сочли более вероятным, что я превращусь в отравителя.

– Теперь это земли лорда Ройбена. – Голос Мабри наполнился эмоциями, которые Вэл не удавалось определить. – До тех пор, пока Силариаль позволит ему ими владеть.

Равус фыркнул, а Вэл подумала, что смогла разглядеть в нем нечто скрытое, чего не видела раньше. На нем был старомодный длиннополый сюртук, выглядевший слишком новым. Она поняла, что это костюм, и внезапно к Вэл пришла уверенность в том, что Равус намного моложе, чем ей показалось вначале. Она не знала, как

стареют фейри, но решила, что он слишком старается показаться Мабри опытным и искушенным.

– Меня не интересует, кто сейчас занимает места короля и королевы Зимнего Двора, – сказал он. – Пусть бы они все поубивали друг друга, чтобы нам не приходилось с ними соперничать.

Мабри мрачно посмотрела на него.

– Не сомневаюсь, что тебе этого хотелось бы.

– Я собираюсь отправить послание королеве Силариаль. Я знаю, что она не обращает внимания на народ, живущий в такой близости от городов, но даже она не останется равнодушной к убийствам изгнанников Летнего Двора. Это все же происходит на ее землях.

– Нет, – поспешно возразила Мабри уже другим тоном, – думаю, что это неразумно. Внимание Высших только усложнит дело.

Равус вздохнул и посмотрел в сторону Вэл.

– Должен признаться, мне это трудно представить.

– Подожди еще немного, прежде чем посылать вести, – сказала Мабри.

Он вздохнул.

– Ты была добра, что предостерегла меня, что бы ты обо мне ни думала.

– Предостерегла? Я просто пришла позлорадствовать! – заявила она и удалилась из комнаты, простучав копытами по ступенькам.

Равус повернулся к Вэл.

– Можешь больше не притворяться, будто спишь.

Вэл села, хмуря брови.

– Ты считаешь ее недоброй, – сказал Равус, стоя к ней спиной.

Вэл ужасно хотела увидеть выражение его лица: ей было трудно расшифровать его интонацию.

– Но это я виноват в том, что она заточена здесь, в этом городе зловонного железа, и у нее есть другие, еще более важные причины меня ненавидеть, – продолжил он.

– Какие причины?

Равус помахал рукой над свечой, и из дыма сформировалось лицо молодого мужчины – слишком красивое, чтобы быть человеческим.

– Тэмсон, – сказал Равус.

Бледно-золотые волосы касались шеи существа и были небрежно отброшены назад со лба, и он рассеянно улыбался.

Вэл ахнула: она еще никогда не видела, чтобы чары использовались таким образом.

Остальной облик Тэмсона сформировался из пустоты: он носил доспехи, сделанные из древесной коры – грубой и усеянной лишайником. У пояса висел стеклянный меч, который казался текучим, словно эту невероятную форму придали воде.

– Он был моим первым и лучшим другом при Летнем Дворе. Его не отталкивало то, что я не переносу солнца. Тэмсон навещал меня в темноте и рассказывал забавные истории о том, что происходило в течение дня. – Равус нахмурился. – Не уверен, что я составлял приятную компанию.

– Значит, стеклянный меч принадлежал ему?

– Для меня эта вещь слишком хрупкая, – ответил Равус.

Рядом с Тэмсоном появилась другая туманная фигура, на этот раз знакомая, хотя в первую секунду Вэл ее не узнала. Коричневые волосы женщины-фейри были пронизаны зеленью, словно лиственный ковер в лесу, а из-под подола красного платья выглядывали козьи копытца. Она пела балладу, и ее звучный гортанный голос наполнял слова обещанием. Тролль указал на нее:

– Мабри, возлюбленная Тэмсона.

– Она тоже дружила с тобой?

– Кажется, она пыталась, но на меня было трудно смотреть, – ответил Равус.

Призрак Тэмсона положил руку на плечо Мабри, она повернулась к нему, и песню прервали их объятия. Поверх ее плеча дымное изображение Тэмсона смотрело на Равуса глазами, горящими как угли. Губы Равуса изогнулись в улыбке.

– Он говорил о ней без конца.

Тэмсон заговорил:

– Волосы у нее цвета пшеницы в разгар лета, кожа цвета кости, губы нежные, как дым.

Вэл не знала, считал ли Равус эти описания точными. Она больно прикусила себе щеку.

– Тэмсону хотелось произвести на нее впечатление, – продолжил Равус – Он попросил меня стать его напарником в поединке, чтобы он смог продемонстрировать свое искусство. Я высокий и, наверное, могу казаться яростным. Королева Летнего Двора любит поединки больше всех других забав. Она организовывала турниры, на которых волшебный народ показывал свои умения. Я только пришел ко Двору и не любил соперничать. Мне доставляла радость моя работа – алхимия. Ночь была жаркая, я это помню. Я вспоминал Исландию, прохладные леса моей юности. Мабри и Тэмсон не переставали шептать какие-то слова. Я услышал, как он сказал: «Я видел тебя с ним». Хотел бы я знать, что именно видел Тэмсон, хотя я догадываюсь.

Равус повернулся к занавешенному окну.

– Хотя фейри ничего не делают вполсилы, мы бываем капризными. Каждая эмоция – это напиток, который следует испить до дна, но порой мне кажется, что кислое мы любим не меньше, чем сладкое. При Летнем Дворе не считали, что если Мабри встречалась с Тэмсоном и он ее любил, то ей нельзя флиртовать с кем-то еще. Доспехи Тэмсона были изготовлены из коры и заколдованы, поэтому становились прочнее железа.

Троль замолчал, закрыл глаза, а потом продолжил:

– Он был искуснее меня, но рассеян – а я ударил первым. Меч... он рассек кору, словно бумагу.

Вэл увидела, как в дыму заколдованной свечи упало лезвие меча и вокруг него буквально рассыпались доспехи. Тэмсон смотрел удивленно, крик Мабри разорвал воздух – пронзительный и резкий, словно она на секунду раньше других поняла, что случилось. Этот призрачный звук разнесся по пыльной комнате.

– Я троль. Когда я сражаюсь, меня охватывает ярость. Возможно, кто-то другой смог бы сдержать удар. Я не сумел. Я все еще держал рукоять своего меча, словно она приросла к руке и ее

невозможно было выпустить. Клинок окрасился его кровью. Почему он снял чары со своих доспехов?

Равус посмотрел на Вэл, и на секунду ей показалось, что он ждет ответа. Затем его взгляд скользнул в сторону и устремился в никуда, а чары рассеялись. Голос Равуса стал тихим и хриплым.

– И все-таки он, должно быть, решился на это. Ни у кого не было причин желать ему зла. Я знал, что он страдает, но подумал, что это пройдет, как проходит все. И, себялюбиво, я радовался, что Мабри его разочаровала. Мне не хватало его общества. Я решил, что он снова станет моим. Тэмсон должен был разглядеть во мне эту вульгарность – иначе зачем он избрал меня средством своей смерти? Вэл не знала, что ответить. Она складывала в мыслях фразы: «Твоей вины здесь не было. Все думают ужасные, эгоистические вещи. Это наверняка была случайность». Но все слова казались бессмысленными. Это были только звуки, которыми можно заполнить тишину. Когда тролль заговорил снова, девушка поняла, как долго молча спорила с собой.

– Фейри считают смерть дурным вкусом. – Он невесело рассмеялся. – Когда после гибели Тэмсона я объявил, что ухожу в город, отправляюсь в изгнание сюда, им угодно было позволить мне это. Они не столько винили меня в его смерти, сколько считали запятнанным ею. Силариаль, королева Летнего Двора, приказала Мабри сопровождать меня, чтобы мы могли горевать вместе. Миазмы смерти тоже прилипли к ней и беспокоили окружающих. Так что ей пришлось сопровождать меня, убийцу ее возлюбленного, и здесь она должна оставаться, пока мне не надоест добровольное изгнание или пока я не умру.

– Это ужасно, – сказала Вэл, и по его молчанию поняла, какими глупыми и беспомощными оказались ее слова. – То есть я хочу сказать, конечно, все это ужасно, но я думала о том, что ее послали с тобой. Это жестоко.

Он фыркнул – почти рассмеялся.

– Я бы вырезал у себя сердце, если бы у Тэмсона оно снова забилося в груди. Даже на одну секунду. Никакой приговор меня не смутил бы. Но для Мабри наказание и изгнание вдобавок к горю оказались невыносимыми.

– А каково здесь? Я имею в виду – быть изгнанником в городе?

– Я нахожу это трудным. Меня постоянно отвлекает груз запахов, шум. Здесь повсюду яд, а железо настолько близко, что кожа зудит, а горло горит. Могу только представить себе, что чувствует Мабри.

Вэл протянула ему руку, и он взял ее, проведя пальцами по мозолям. Она заглянула ему в лицо, пытаясь передать свое сочувствие, но Равус внимательно рассматривал ее ладонь.

– Откуда они у тебя? – спросил он.

– Что?

– У тебя огрубели руки, – пояснил тролль. – Мозоли.

– Это лакросс.

Равус кивнул, но по его лицу Вэл увидела, что он не понял. Она могла бы сказать все, что угодно, и он все равно кивнул бы так.

– У тебя руки рыцаря, – проговорил он наконец и отпустил ее.

Вэл потерла кожу, не поняв, то ли она пытается стереть ощущение его прикосновения, то ли вернуть его.

– Тебе опасно продолжать доставку, – сказал Равус.

Он прошел к одному из застекленных шкафов и вытащил банку, в которой трепетал крылышками мотылек. Потом достал крошечный свиток бумаги и начал что-то мелко на нем писать.

– Я у тебя в таком большом долгу, который трудно отплатить, но я могу освободить тебя от службы.

Вэл посмотрела в полумрак, где поблескивал стеклянный меч, почти такой же темный, как и стена за ним. Она вспомнила кусок трубы у себя в руке, кайф от адреналина и ясность цели, которые приходили к ней на площадке для лакросса или во время драки.

– Я хочу и дальше заниматься доставкой, – сказала Вэл. – Но ты можешь кое-что сделать, чтобы мне отплатить, хотя, наверное, и не захочешь. Научи меня пользоваться мечом.

Свернув бумагу, Равус прикреплял ее к ножке мотылька.

– Это умение принесло мне мало радости.

Вэл ждала, ничего не отвечая. Пока он не сказал «нет».

Он закончил дело и дунул, отправляя маленькое насекомое в

полет. Мотылек полетел не очень уверенно: возможно, ему мешал кусочек бумаги.

– Ты хочешь кого-то убить? Кого? Грейана? Или, может быть, ты хочешь умереть?

Вэл покачала головой:

– Я просто хочу узнать, как это делается. Я хочу научиться.

Он медленно кивнул.

– Как пожелаешь. Тебе кое-что причитается, и ты вправе просить.

– Так ты меня научишь? – спросила Вэл.

Равус снова кивнул.

– Я сделаю тебя такой грозной, как ты пожелаешь.

– Я вовсе не хочу... – возразила она, но он поднял руку.

– Я знаю, что ты очень храбрая, – сказал он.

– Или глупая.

– И глупая. Храбрая и глупая, – улыбнулся Равус, но его улыбка быстро погасла. – Но ничто не мешает тебе стать непобедимой, как только ты научишься.

Глава 8

*Черное молоко рассвета, мы пьем тебя
ночами, пьем тебя по утрам и пьем тебя вечерами,
мы пьем, и мы пьем.*

Пол Силан. «Фуга смерти»

Дэйв, Лолли и Луис сидели на одеяле на асфальте, разложив перед собой часть находок Дэйва. Из-под ткани высовывался картон, который они использовали как прокладку между собой и холодом, сочившимся из тротуара. Дэйв положил голову на колени Лолли, и она катала в ладонях его дреды, закручивая и растирая их у корней. Лолли остановилась, вытащила что-то из волос, раздавила ногтями и смазала пальцы помадой из жестянки, стоявшей у ее ноги. Дэйв на секунду открыл глаза, а потом закрыл снова, словно испытывал блаженство.

Нога Лолли, обутая в шлепанец, пятнистая и красная от холода, гладила бедро Луиса. Перед ним лежала открытая книга, и он смотрел в нее, щурясь в меркнувшем свете.

– Привет, ребята! – сказала Вэл, робко приближаясь к ним, словно два или три дня отсутствия снова сделали ее чужой.

– Вэл!

Лолли выскользнула из-под Дэйва, которому пришлось перекатиться на локти, чтобы не удариться головой о тротуар. Она бросилась к Вэл и обхватила ее обеими руками.

– Эй, а мои волосы? – закричал Дэйв.

Вэл обняла Лолли, ощутив запах нестираной одежды, пота и сигарет, и ее захлестнула волна облегчения.

– Луис рассказал нам, что случилось. Ты просто бешеная!

Лолли улыбнулась Вэл, словно это было высочайшей похвалой.

Взгляд Вэл скользнул по Луису, который оторвал взгляд от своей книги и тоже улыбнулся, отчего его лицо стало красивым. Он

покачал головой.

– Точно, бешеная. Схватила с гребаным огром. Полоумная Лолли, Хилятик Дэйв и Бешеная Вэл. Вы – компания уродов.

Вэл отвесила торжественный поклон, склонив голову, а потом уселась на одеяло.

– Скорее уж Полоумный Луис, – сказала Лолли, шутливо пиная его ногой в шлепанце.

– Одноглазый Луис, – сказал Дэйв. Луис усмехнулся:

– Лупоглазый Дэйв.

– Принцесса Луис, – сказал Дэйв, – и принц Вэл Отважный.

Вэл засмеялась, вспомнив, что Дэйв так ее уже называл.

– А как насчет Дэйва-С-Дредами?

Луис подался вперед, схватил брата за голову, и оба покатались по одеялам.

– А как насчет Маленького Братика? Маленький Братик Дэйв!

– Эй, – сказала Лолли. – А как же я? Я хочу быть принцессой, как Луис!

Тут мальчишки перестали бороться и расхохотались. Вэл села на одеяло и картон. Холодный воздух пощипывал ей руки даже сквозь куртку. До Нью-Джерси казалось невообразимо далеко, а учеба представлялась странным и нелепым ритуалом. Она умиротворенно улыбнулась.

– Луис говорит, что кто-то решил, будто мы травим фейри? – спросила Лолли.

Она набросила себе на плечи еще одно одеяло и потянулась за помадой для волос.

– Или что это делает Равус, – отозвалась Вэл. – Равус сказал что-то насчет того, чтобы прекратить доставку. Он считает, что это станет слишком опасно для нас.

– Можно подумать, его это действительно заботит, – проворчал Луис. – Готов спорить, что он изобразил глубокую и вежливую благодарность, но ты для него все равно крыса, Вэл. Просто крыса, которая показала очень удачный трюк.

– Я это знаю, – соврала Вэл.

– Если он и захочет, чтобы мы прекратили доставку, то только заботясь о своей заднице.

Луис смотрел вдаль, мимо нее, но в выражении его лица было что-то, заставившее ее усомниться, что он полностью уверен в своих словах.

– Наверняка отравитель – сам Равус, – сказал Дэйв. – А нам поручил грязную работу. Мы ведь не знаем, что именно разносим.

Вэл повернулась к нему.

– Не думаю. Пока я там была, приходила женщина с козьими ногами – Мабри. Он сказал ей что-то насчет послания Летней королеве. Наверное, если Двор – это шайка, то город почему-то считается территорией королевы. Короче, зачем бы ему писать ей, если он виновен?

Дэйв сел, высвободив из пальцев Лолли свой дред.

– Он нас собирается подставить. Луис только что сказал: мы все для него крысы. Когда возникает проблема, ты просто травишь всех крыс, и дело с концом.

Вэл с тревогой вспомнила, что русалку убил именно крысиный яд. Отравить крыс. Крысиная отравка. Однако, бросив взгляд на Луиса, она увидела, что он равнодушно пытается откусить нитку, выбившуюся из его перчатки со срезанными пальцами.

Луис поднял глаза и встретился взглядом с Вэл, но его лицо ничего не выражало.

– Странно, – сказал он, – вы пихаете себе в носы и руки столько дерьма, а ни разу не попали на яд.

– Ты считаешь, это мы сделали? – спросила Лолли.

– Это ведь ты ненавидишь фейри, – заявил Дэйв, подав голос одновременно с Лолли, так что их слова прозвучали хором. – Это ведь ты видишь всякое дерьмо.

Луис вскинул руки.

– Блин, не так быстро! Я не думаю, что кто-то из нас отравил фейри. Но я должен согласиться с Вэл. Тогда вечером Равус задал мне очень много вопросов. Он заставил меня... – Луис бросил

хмурый взгляд на Лолли. – Часть касалась того, как вы двое заползли в его жилье. Но он напрямую спросил меня, не отравитель ли я, не знаю ли я, кто это, не платил ли мне кто-нибудь за то, чтобы я что-то устроил с доставкой. Зачем бы он это делал, если бы сам убрал тех фейри?

Вэл кивнула. Хотя мысль о том, что фейри отравили крысиным ядом, ее беспокоила, она помнила, какое лицо было у Луиса при встрече внутри моста. Она не сомневалась, что его подробно допросили. Конечно, не исключено, что их подставляют – если не Равус, то кто-то другой.

– А что, если использовать ореол так, чтобы выглядеть как кто-то из нас?

– А зачем бы они стали так делать? – изумилась Лолли.

– Чтобы следы вели к нам.

Луис кивнул.

– Нам следовало бы прекратить доставку. Пусть преступник ищет других дураков, которых можно подставить.

Дэйв почесал руку там, где виднелись следы бритвы.

– Мы не можем прекратить доставку!

– Не будь гребаным торчком, – бросил Луис.

– Вэл ведь может раздобыть наше зелье. Правда, Вэл? – сказала Лолли, бросая на нее хитрый взгляд из-под белесых ресниц.

– О чем ты? – спросила Вэл, но ей показалось, что ее голос звучит чересчур возмущенно.

Она почувствовала себя виноватой, хотя и не понимала почему, и взглянула на палец Лолли – прямой, словно его никогда не выворачивали из сустава.

– Троль у тебя в долгу, так ведь?

Голос Лолли стал низким, почти чувственным.

– Наверное. – Вэл вспомнила запах порошка, кипевшего в ложке, и это наполнило ее пугающим томлением. – Но он свой долг заплатил. Он научит меня сражаться мечом.

– Да ну?

Дэйв бросил на нее странный взгляд.

– Тебе надо бы поостеречься, – сказал Луис.

Его слова почему-то вызвали у Вэл странное беспокойство. Чтобы не встречаться с Луисом взглядом, она уставилась на зеркало в треснувшей раме, лежавшее на одеяле. Всего несколько секунд назад девушка чувствовала себя великолепно, но теперь ей в сердце заползла тревога и оставалась там свинцовым грузом.

Лолли вдруг встала.

– Все! – объявила она и потрепала косички Дэйва, которые зашуршали, словно змейки. – Забудем об этом. Пора поиграть в «как будто».

– У нас мало осталось, – сказал Дэйв, но сразу же встал и начал собирать вещи, выложенные на одеяло.

Все четверо заползли под решетку, ведущую в туннель.

Луис хмуро смотрел, как Лолли достает янтарный порошок и свои приспособления.

– Это ведь не для смертных, знаешь ли. Это совсем для других.

В почти полной темноте Дэйв поднес к носу кусочек фольги, подставив под нее зажигалку, и порошок задымился. Он глубоко втянул дым в себя и серьезно посмотрел на Лолли:

– Если что-то считается плохим поступком, это не значит, что ты его не совершишь.

Взгляд Дэйва переместился к Луису, и по выражению его лица Вэл почувствовала, что он на самом деле что-то скрывает.

– Дай и мне, – попросила Вэл.

Дни шли, словно лихорадочный сон. В дневное время Вэл занималась доставкой, а потом приходила к Равусу, внутрь моста, и там, в сумрачных комнатах, он показывал, как работать мечом. А после занятия, ночами, она вкалывала себе в вену зелье и вместе с Дэйвом и Лолли делала все, что хотела. После этого они спали или немного выпивали, чтобы сгладить ломку, наступавшую после кайфа, когда мир снова возвращался к своему обычному состоянию.

И все труднее становилось помнить о повседневных вещах,

таких как еда. Благодаря чарам корочки хлеба превращались в пиршественные столы, прогибавшиеся от яств, но сколько бы Вэл их ни ела, она всегда была голодна.

– Покажи мне, как ты держишь клюшку, – попросил Равус во время первого урока.

Вэл взяла обломок метлы, словно клюшку для лакросса: двумя руками на расстоянии примерно в тридцать сантиметров друг от друга.

Он передвинул ее руки ближе друг к другу и ниже.

– Если бы ты так взяла меч, то поранила бы руку о клинок.

– Да, такое сделал бы только идиот, – отозвалась Вэл, чтобы посмотреть на его реакцию.

Равус отреагировал только легким изгибом губ.

– Я знаю, что вес сейчас распределяется неравномерно, но с мечом так не пойдет. Вот. – Он снял со стены стеклянный меч и вложил его Вэл в руку. – Почувствуй вес. Видишь? Он сбалансирован. Баланс – это самое важное.

– Баланс, – повторила она, покачав меч у себя на ладони.

– Это навершие, – сказал он, указывая на каждый элемент по очереди, – это захват, это рукоять, гарда. Когда держишь меч, то край, повернутый к твоему, противнику, – это лезвие. Тебе следует держать меч так, чтобы острие следовало за твоим противником. А теперь встань так, как стою я.

Вэл постаралась скопировать его стойку: ноги расставлены и чуть согнуты, одна ступня чуть выдвинута вперед.

– Почти правильно.

Троль поправил положение ее тела, не обращая внимания на то, куда притрагивается. У Вэл загорелось лицо, когда он подвинул ее ноги, но еще сильнее она смутилась от своих ощущений. Для него ее тело было инструментом – и только.

– А теперь, – сказал он, – покажи мне, как ты дышишь.

Иногда Вэл, Дэйв, Луис и Лолли обсуждали странные вещи, которые они видели, или существ, с которыми разговаривали. Дэйв рассказал, как один раз дошел до самого Бруклина, а там его принялось гонять по парку существо, у которого на лбу росли короткие рожки. Он закричал и бросился бежать, уронив бутылку с чем-то-там, и даже не оглянулся. Луис рассказал о том, как бегал по городу в поисках цветов для придурка, который жил около музея Клойстерс и собирался за кем-то приударить. И за свои труды Луис получил бутылку вина, которая никогда не пустела, если не заглядывать ей в горлышко. И, похоже, она была по-настоящему волшебная, а не зачарованная, потому что работала даже для Луиса.

– А что еще они тебе дают? – спросила Вэл.

– Удачу, – ответил Луис – И умение разрывать чары фейри. Волшебный народ ничем не помог папе. Я все собираюсь сделать сам.

– А как разрывают чары? – поинтересовалась Вэл.

– Солью. Светом. Супом из яичной скорлупы. Это зависит от чар. – Луис сделал еще глоток из бутылки и потрогал пальцем металлический стержень, который проходил сквозь его щеку. – Но в основном железом.

На следующем уроке никакой работы мечом не было – только стойка и шаги. Вэл двигалась вперед и назад по пыльным доскам пола, наставив половинку метлы на Равуса, идя в атаку и отступая. Он поправлял ее, когда она делала слишком большой шаг, нарушала равновесие или криво направляла носок. Вэл досадливо прикусывала щеку и продолжала двигаться, сохраняя между ними дистанцию, словно в ожидании боя, который так и не начинался.

Неожиданно Равус повернулся вбок, вынудив ее неловко за ним последовать.

– Скорость, чувство момента и равновесие. Вот качества, присущие умелому воину.

Вэл закричала зубами – и снова неудачно шагнула.

– Перестань думать, – посоветовал он.

– Я должна думать! – возразила Вэл. – Ты же сам сказал, что мне

надо быть сосредоточенной.

– Когда думаешь, ты медлишь. Тебе нужно двигаться одновременно со мной. А сейчас ты просто следуешь за мной.

– Откуда мне знать заранее, куда ты собираешься пойти? Это глупо.

– Это ничем не отличается от предвидения, куда может направиться любой противник. Откуда ты знаешь, в каком направлении скорее всего отправят мяч на лакроссе?

– Ты знаешь про лакросс только то, что я сама тебе рассказала, – проворчала Вэл.

– То же самое я мог бы сказать про тебя и бой на мечах. – Равус остановился. – Ну вот. Ты это сделала. Ты была так занята тем, что огрызалась, что даже не заметила, как получилось.

Вэл нахмурилась: она была очень раздражена, но ей было слишком приятно, чтобы возражать.

Лолли, Дэйв и Вэл шли по улицам Вест-Виллидж, превращая листья в разноцветных лягушек, которые беспорядочно прыгали в разные стороны, заставляя прохожих целоваться и творя всяческие другие безобразия, какие приходили им в голову.

Вэл посмотрела на другую сторону улицы, сквозь тюлевые занавески квартиры на первом этаже, на люстру с подвешенными резными фигурками обезьянок, переливавшуюся хрустальными капельками в форме слез.

– Я хочу туда зайти, – объявила Вэл.

– Давай, – отозвалась Лолли.

Дэйв подошел к двери и нажал кнопку звонка. Домофон на двери с жужжанием заработал, и искаженный голос произнес нечто неразборчивое.

– Я хочу чизбургер, – сказал Дэйв с громким смехом, – молочный коктейль и чипсы с луком.

Голос заговорил снова, громче, но Вэл все равно не понимала слов.

– Не так, – проворчала она, отталкивая Дэйва в сторону.

Она нажала звонок и не отпускала его, пока к двери не подошел пожилой дядька. На нем были застиранные вельветовые брюки и футболка, обтягивавшая небольшое брюшко. На кончике носа у него сидели очки.

– В чем дело? – сердито спросил он. Вэл почувствовала, как зелье кипит у нее в венах, играя, словно шампанское.

– Я хочу зайти, – произнесла она.

Лицо мужчины обмякло, и он шире открыл дверь. Вэл улыбнулась ему и прошла в квартиру.

Стены были покрашены желтой краской, и на них висели картины в позолоченных рамках. Какая-то женщина растянулась на диване, держа бокал с вином. Когда Вэл вошла, женщина вздрогнула и облила блузку красной жидкостью. Маленькая девочка сидела на ковре у ног женщины и смотрела по телевизору программу, где дрались ниндзя. Девочка обернулась и улыбнулась.

– Тут так славно, – сказала Лолли от дверей. – Кто так живет?

– Никто, – ответил Дэйв. – Они нанимают уборщиков и, может, дизайнера, чтобы те украшали их жизнь.

Вэл прошла на кухню и открыла холодильник. Там лежали коробки с доставленной из ресторанчика едой, несколько сморщенных яблок и пакет обезжиренного молока. Она откусила кусочек яблока, которое оказалось коричневым, мучнистым и сладким. Вэл удивилась, почему никогда раньше не ела коричневых яблок.

Лолли взяла со столика бутылку вина и отпила прямо из горлышка, так что вино потекло у нее по щекам и подбородку.

Продолжая жевать яблоко, Вэл подошла к дивану, где оторопело сидела женщина. Уютная квартира с модной мебелью и счастливой семьей напомнила Вэл дом отца. Ей не было там места – как не было места и здесь. Вэл была для них слишком сердитой, беспокойной и неряшливой.

И как она собиралась рассказать отцу, что делали мать с Томом? С тем же успехом Вэл могла бы признаться, что плоха в постели, например. Но если ничего не рассказать, то его новая жена просто сочтет ее типичным проблемным подростком, убежавшим из дома в поисках трудной любви. «Видишь, – скажет ему Линда, – она точь-в-

точь как ее мать».

– Я всегда тебе не нравилась, – сказала Вэл женщине на диване.

– Да, – механически повторила женщина. – Ты всегда мне не нравилась.

Дэйв толкнул мужчину в кресло и повернулся к Лолли.

– Мы можем заставить их уйти, – заявил он. – Это так просто. А мы могли бы здесь жить.

Лолли села рядом с малышкой и схватила локон ее темных волос:

– Что ты смотришь?

Девочка пожала плечами.

– Хочешь пойти поиграть с нами?

– Конечно, – сказала малышка. – Передача скучная.

– Давай сначала нарядимся, – предложила Лолли, уводя девочку в другую комнату.

Вэл повернулась к мужчине. Он сидел в кресле и казался послушным и довольным. Его внимание переключилось на телевизор.

– Где твоя другая дочь? – спросила Вэл.

– У меня только одна, – ответил он с легким недоумением.

– Тебе просто хочется забыть другую. Но она все равно здесь.

– У меня есть еще одна дочь?

Вэл села на подлокотник кресла и наклонилась к нему, понизив голос до шепота:

– Она – символ впечатляющего бардака, которым был твой первый брак. Каждый раз, когда видишь, какая она взрослая, ты вспоминаешь, какой старый. Дочь заставляет тебя испытывать неясную вину, типа, тебе следовало бы знать, каким видом спорта она занимается или как зовут ее лучшую подругу. Но ты не хочешь знать все эти вещи. Если бы ты знал, то тебе не удавалось бы о ней забывать.

– Ого! – сказал Дэйв, поднимая почти полную бутылку коньяка. – Луису это понравилось бы.

Лолли вернулась в гостиную в кожаном пиджаке цвета топленого масла и нитке жемчуга. У девочки в волосах торчали шпильки с блестящими стразами.

– Но ты-то хоть счастлива? – спросила Вэл у женщины.

– Не знаю, – ответила она.

– Как ты можешь не знать? – закричала Вэл.

Она схватила стул и швырнула его в телевизор. Экран треснул, и все подскочили.

– Ты счастлива?

– Не знаю, – снова повторила женщина.

Вэл опрокинула книжный шкаф, и малышка испуганно завопила. За дверью послышались крики.

Дэйв начал хохотать.

Свет люстры отражался в подвесках, разбрасывавших яркие искры по стенам и потолку.

– Пошли отсюда, – сказала Вэл. – Они ничего не знают.

Котенок мяукал не переставая, запускал в Лолли острые коготки и прыгал на нее.

– Заткнись, Полли, – проворчала девушка, переворачиваясь и натягивая на голову толстое одеяло.

– Может, ей скучно, – сонно сказала Вэл.

– Она голодная, – сказал Луис. – Блин, да покорми ты ее наконец!

Полли с воплем прыгнула Лолли на спину, ударяя лапами по ее волосам.

– Слезь, – крикнула Лолли котенку. – Пойди и налови крыс. Ты уже взрослая, и живи сама по себе.

Визг металла, скрежещащего по металлу, и тусклый свет возвестили о приближении поезда. Рокот заглушил кошачий крик.

В последнюю секунду, когда уже вся платформа была залита светом, Лолли столкнула Полли на рельсы прямо перед поездом. Вэл

вскочила – но было уже поздно. Кошка исчезла, металлическое тело поезда прогрохотало мимо.

– За каким чертом ты это сделала? – крикнул Луис.

– Все равно она вечно повсюду гадила, – ответила Лолли, сворачиваясь в клубок и закрывая глаза.

Вэл взглянула на Луиса, но тот молча отвел глаза.

Когда Равус добился от Вэл правильной стойки, он начал показывать ей выпады, заставляя повторять, пока у нее не начинали болеть руки и ноги. Вэл не раз приходила к убеждению, что он считает ее дурой, или решала, что он просто не умеет учить. Троль продолжал отрабатывать с ней каждый выпад, пока он не становился автоматическим, такой же привычкой, как обкусывание ногтей или уколы в руку.

– Выдыхай! – кричал он. – Делай выдох одновременно с ударом!

Она кивала и старалась не забывать об этом и выполнить все.

Вэл нравилось копаться в мусоре вместе с Хилятиком Дэйвом и бродить по улицам. Она получала удовольствие от охоты и редких удивительных находок вроде стопки стеганых одеял с серебряной подкладкой, которыми перевозчики обкладывали мебель. Они нашли целую кучу таких одеял у контейнера и благодаря этому не замерзли даже в конце ноября. Однажды им попался крутой телефон с диском, за который кто-то отдал десять баксов. Но по большей части они были слишком оглушены наркотиком, чтобы совершать привычные обходы. Все равно проще было брать то, что нужно. Достаточно было только попросить.

Часы. Фотоаппарат. Золотое кольцо.

И эти вещи продавались *лучше*, чем старое барахло.

Наконец Равус разрешил Вэл соединять выпады и вести учебные бои. Благодаря своим длинным рукам Равус все время имел преимущество. Он был безжалостен: метла сбивала Вэл с ног, прижимала к стенам, опрокидывала стол, когда Вэл пыталась спрятаться за ним. Инстинкт, годы занятий спортом и полное

отчаяние позволяли ей изредка проводить удары.

Когда ее палка ударила его в бедро, было чудесно видеть выражение его лица: ярость, сменившуюся изумлением, а потом, мгновенно, радостью.

Разойдясь, они начали снова, кружась друг возле друга. Равус сделал ложный выпад, Вэл его парировала – но в этот момент комната вдруг начала кружиться. Она привалилась к стене. Его палка ударила ее в бок. От резкой боли девушка ахнула.

– Что с тобой? – крикнул он. – Почему ты не остановила удар?

Вэл заставила себя выпрямиться, всаживая ногти в ладони и прикусывая щеку. У нее все еще кружилась голова, но она решила, что сможет это скрыть.

– Не знаю... голова...

Равус с размаху ударил метлой о стену, расщепив дерево и поцарапав камень. Бросив обломки палки, он снова повернулся к Вэл, и его черные глаза горели, словно сталь в горне.

– Тебе не следовало просить у меня уроки! Я не могу сдерживать удары. Ты страдаешь от моей руки.

Она нетвердо отступила, глядя, как обломки палки плывут у нее перед глазами.

Он сделал глубокий судорожный вдох и успокоился.

– Возможно, тебя лишает равновесия волшебство в этой комнате. Я часто чую его на тебе – на коже и в волосах. Наверное, ты слишком часто здесь бываешь.

Вэл покачала головой и подняла свою палку, приняв начальную стойку.

– Я уже в порядке.

Троль пристально посмотрел на нее.

– Тебя ослабляют чары или то, чем ты занимаешься там, на улице?

– Это не имеет значения, – ответила она. – Я хочу биться.

– Когда я был ребенком, – проговорил он, не торопясь занять позицию, – мать научила меня драться руками и только потом

показала, как пользоваться оружием. Она и мои братья и сестры били меня метлой, забрасывали снегом и льдом, пока я не впадал в ярость и не начинал атаку. Боль не считалась уважительной причиной, и болезнь тоже. Все это должно было питать мою ярость.

– Я не пытаюсь найти уважительные причины!

– Нет-нет, – отозвался Равус. – Я говорил не об этом. Сядь. Ярость не превращает тебя в отличного бойца – она делает тебя неуравновешенной. Мне следовало бы заметить, что ты больна, но я увидел только слабость. Это мой недостаток, и я не хочу, чтобы он стал твоим.

– Мне противно, что не получается лучше, – сказала Вэл, тяжело опускаясь на табурет.

– У тебя получается хорошо. Тебе противно, что не получается отлично.

Она рассмеялась, но смех получился неискренним. Ее огорчало, что мир никак не желает перестать кружиться, но еще сильнее расстраивал его гнев.

– А почему ты составляешь снадобья, хотя мог бы быть мечником?

Он улыбнулся.

– Когда я покинул земли матери, я оставил меч позади. Мне хотелось делать что-то свое.

Она кивнула.

– Хотя кое-кто из волшебного народа пришел бы в ужас, но я научился составлению снадобий от человека. Она варила лекарства, снадобья и готовила припарки для смертных. Ты, возможно, думаешь, что люди больше так не умеют, но есть места, где делают. Эта женщина всегда была со мной отчужденно вежлива, словно считала, что умиротворяет какого-то непредсказуемого духа. Помоему, она знала, что я не смертный.

– А как насчет зелья, названного «Никогда»? – спросила Вэл.

– Насчет чего?

Она поняла, что он не слышал такого названия и вряд ли знает, что это снадобье делает с людьми.

Вэл тряхнула головой, словно пытаюсь отогнать эти слова.

– Магии фейри. Как ты делаешь снадобья волшебными?

– А, ты об этом. – Он простодушно улыбнулся. – Волшебную сторону я уже знал.

В туннелях Вэл отрабатывала удар, при котором выворачивала руки так, словно выжимала кухонное полотенце. Она снова и снова повторяла широкую восьмерку и переброс меча из руки в руку, как девушки-черлидеры с флагами в перерывах между таймами. Невидимые противники плясали в подвижных тенях, всегда более быстрые и ловкие, с идеальным чувством равновесия и темпа.

Девушка думала о тренировках лакросса, когда делала передачу с обратной стороны клюшки, и сравнивала ее с ложными выпадами мечом и переменной рук. Она вспомнила, как училась отправлять мяч на палку клюшки, рассчитывать отскок от стены, ловить мяч за спиной или между ногами.

Вэл попробовала эти движения с половинкой метлы. Просто чтобы проверить, можно ли так сделать, и посмотреть, нельзя ли из этого извлечь урок. Она подбросила банку из-под газировки с помощью самодельной рукояти на палке, а потом ударила по ней ногой, отправив в своих мысленных противников.

Вэл посмотрела на отражение своего лица в окне. Кожа была подобна бесконечно податливой глине. Вэл могла изменить ее как угодно – сделать глаза огромными, словно у персонажа из мультиков, или туго натянуть кожу на скулах, острых, как ножи.

Ее лоб пошел волнами, губы истончились, нос стал длинным и крючковатым. Сделать себя прекрасной было легко, но это ей надоело, а вот делать себя карикатурной было бесконечно интересно. Для этого существовало так много способов!

Вэл играла в игру, где ее замуровывали в башне некроманта и приходилось бежать по нескончаемым лестницам. По пути она подбирала снадобья. Некоторые делали ее меньше, а некоторые – очень высокой, чтобы можно было проходить во всевозможные двери. Иногда в какой-нибудь высокой башне сидел алхимик – так

высоко, что он не видел, что происходит внизу. Где-то появлялось и чудовище, но иногда алхимик был чудовищем, а чудовище – алхимиком. Вэл держала в руке меч, но он не изменялся, когда изменялась она, поэтому оказывался то крошечной зубочисткой на ладони, то громадной штукой, которую приходилось тащить за собой.

Когда Вэл открыла глаза, то увидела, что лежит на тротуаре. Бедра и спина у нее болели, на щеке отпечатался узор цементной плитки. Люди проходили мимо сплошным потоком. Она снова пропустила тренировку.

– Что случилось с этой дамой? – произнес детский голос.

– Она просто устала, – ответила какая-то женщина.

Это была правда: Вэл устала. Она закрыла глаза и снова вернулась в игру. Ей необходимо было найти чудовище.

Иногда Вэл, измученная прошедшей ночью, приходила с остатками зелья в жилах. При этом глаза у нее казались обожженными по краям, словно их посыпали золой, а во рту пересыхало от жажды, которую не удавалось утолить. Она старалась, чтобы руки оставались твердыми, унимала дрожь, которая выдавала бы усталость. Пропуская удар, девушка пыталась сделать вид, что это никак не связано с головокружением или тошнотой.

– Ты нездорова? – спросил Равус как-то утром, когда она была особенно слаба.

– Я в полном порядке, – соврала Вэл. Ей казалось, что у нее высохли вены. Она чувствовала, как они пульсируют, как болят затвердевшие черные болячки на внутренней стороне локтей.

Троль сел на край рабочего стола и указал на ее лицо палкой для тренировок, словно это был жезл волшебника. Вэл автоматически подняла руку, но если бы он захотел нанести удар, она, без сомнения, не успела бы парировать его.

– Ты очень бледна. Твоя защита просто безнадежна...

Он не стал заканчивать фразу.

– Наверное, я немного устала.

– Даже губы у тебя бледные, – сказал он, очерчивая их в воздухе

деревянным клинком.

Его взгляд был пристальным, немигающим. Вэл страстно желала признаться ему в краже снадобья, в том, как они творят чары, в наполняющих ее непонятных запутанных чувствах, но вместо этого шагнула к Равусу, и он прекратил жестикулировать и отодвинул меч в сторону.

– Мне просто холодно, – тихо проговорила она.

В последнее время девушка все время мерзла, но стояла зима, так что, наверное, это не было странно.

– Холодно? – откликнулся Равус.

Он взял ее руку и начал растирать ладонями, напряженно глядя на них.

– Лучше? – недоверчиво спросил он.

Вэл стало жарко, даже сквозь ткань рубашки его прикосновение одновременно успокаивало и возбуждало. Не задумываясь, она подалась к нему. Его ноги раздвинулись, и грубая черная ткань зашуршала по джинсам Вэл, когда она придвинулась еще ближе.

Полузакрыв глаза, тролль слез со стола. Их тела соприкасались, он продолжал держать ее за руки. А потом вдруг застыл.

– В чем... – начала девушка, но он резко оттолкнул ее.

– Тебе лучше уйти, – сказал Равус и отошел к окну. – Возвращайся, когда станет лучше. Нам обоим ни к чему тренироваться, когда ты нездорова. Если тебе что-то нужно, я могу...

– Я сказала, что со мной все в порядке, – повторила Вэл громче, чем собиралась.

Она подумала о матери. Может быть, она именно так приставала к Тому? И, может быть, сначала он тоже от нее отворачивался?

Пока Равус продолжал стоять лицом к окну, она взяла полную бутылку зелья и спрятала в рюкзак.

Вечером Лолли и Дэйв поздравили Вэл с добычей и так громко кричали, что люди стали останавливаться у решетки наверху. Луис сидел в полутьме, жуя продетое в язык кольцо и храня молчание.

На следующее утро она рухнула на грязный матрас, как делала это почти каждый день, и провалилась в глубокий сон без сновидений, как будто у нее никогда не было другой жизни, кроме этой.

Глава 9

Кто угнетает желание, справляется только со слабым;

Угнетатель же, то есть рассудок, берет власть и правит безвольным.

Уильям Блэйк. «Бракосочетание небес и ада» [\[4\]](#)

Вэл проснулась, потому что кто-то тянул застежку ее джинсов. Она почувствовала прикосновение пальцев к талии и движение расстегивающейся пуговицы.

– Слезь с меня! – потребовала она, еще даже не поняв, что над ней нависает Дэйв.

Вэл вывернулась из-под него и села. Она вспотела, несмотря на холодный ветер, дующий из решетки наверху. Во рту было сухо, как в пустыне.

– Давай, – прошептал он. – Ну пожалуйста.

Вэл посмотрела на пальцы и увидела облезший голубой лак на ногтях, как у Лолли. На ногах у нее оказались белые сапоги Лолли, а на плечи падали блекло-голубые волосы.

– Я не она! – недоуменно сказала Вэл сонным хриплым голосом.

– Ты могла бы притвориться, – сказал Дэйв. – И я могу быть, кем ты захочешь. Преврати меня в кого угодно.

Вэл тряхнула головой, догадавшись, что он зачаровал ее в Лолли. Ей стало интересно, делал ли он такое с другими и знала ли об этом Лолли. Идея менять облик и притворяться другой, была отвратительной, но под действием остатков наркотика порочность показалась ей привлекательной. Вэл ощутила радость – головокружительное наслаждение выбора, который являлся столь очевидной ошибкой.

«В кого угодно». Она посмотрела на Лолли и Луиса, которые

спали рядом друг с другом, но не соприкасались. Вэл вообразила у Дэйва лицо Луиса. Это получилось легко: их лица не так уж сильно различались. Выражение лица Дэйва изменилось, сделавшись скучающим и раздраженным – типичным для Луиса.

– Я так и знал, что ты выберешь его, – сказал Дэйв.

Вэл опустила голову и удивилась, когда лицо ей закрыли упавшие волосы. Она успела отвыкнуть от волос и без них больше не чувствовала себя обнаженной.

– Я никого не выбирала.

– Но ты это сделаешь. Тебе хочется это сделать.

– Может быть.

В сознании Вэл изменила фигуру над ней на более знакомую. Лохматые светлые волосы Тома рассыпались вокруг его лица, а когда он улыбнулся, на щеках у него появились ямочки. Она даже почувствовала привычный запах лосьона после бритья. Девушка подалась навстречу ему, охваченная иллюзией, что вернулась домой. Том над ней вздохнул с облегчением, а его руки скользнули ей под рубашку.

– Я знал, что тебе одиноко.

– Не было мне одиноко, – машинально возразила Вэл, отстраняясь.

Она не знала, солгала ли ему. Было ли ей одиноко? Она вспомнила о неспособности фейри лгать и задумалась, знают ли они вообще, что такое правда.

При мысли о фейри кожа Тома позеленела, волосы почернели и упали на плечи, и Вэл увидела Равуса. Длинные пальцы Равуса прикоснулись к ее коже, горячие глаза смотрели на нее.

Она застыла: собственный интерес показался ей отвратительным. Он склонил голову с любопытным выражением лица.

– Ты меня не хочешь, – сказала Вэл, сама не зная, адресованы ли эти слова иллюзорному Равусу, возникшему перед ней, или Дэйву.

Он прижался губами к ее губам, и она ощутила укол зубов и содрогнулась от желания и ужаса.

Как она могла не догадаться о том, что хочет этого, когда теперь ей не хотелось ничего иного? Вэл признавала, что на самом деле это не Равус и что мерзко притворяться, будто это он, но все равно позволила стянуть джинсы со своих бедер. Сердце гулко стучало в груди, словно она бежала, словно ей угрожала опасность, но девушка подняла руки и запустила пальцы в чернильно-черные волосы. Его длинное тело опустилось на нее, и она стиснула пальцами его спину, сосредоточила взгляд на ямке у его шеи и сверкающем золоте его прищуренных глаз и постаралась не слушать сопения Дэйва. Этого было почти достаточно.

На следующий день, когда Равус заставлял Вэл повторять серию выпадов с деревянным мечом, она наблюдала за его замкнутым, отстраненным лицом и отчаивалась. Прежде ей удавалось внушать себе, что она не испытывает к нему никаких особенных чувств, но теперь возникло ощущение, будто она прикоснулась к соблазнительному яству и мечтает о пире, которого никогда не будет.

Возвращаясь от моста, около конечной станции автобуса Вэл прошла мимо проституток – трех девиц, дрожавших в своих мини-юбочках. Девица в коротком пальто из искусственного меха и с размазанной помадой двинулась навстречу Вэл с улыбкой, но потом отвернулась. Большие смеющиеся компании проходили мимо, и воздух вокруг был туманным от их дыхания.

У следующего квартала она перешла на другую сторону улицы, чтобы оказаться подальше от бородатого мужчины в мини-юбке и разношенных башмаках с развязанными шнурками. Из-под его юбки шел пар: он мочился прямо на тротуар.

Вэл пробиралась по улицам к входу в метро. Приближаясь к парковке, она увидела Лолли, которая спорила с какой-то девицей. У девушки были длинные черные волосы, башмаки на платформе, шубка из непонятного меха и колючий рюкзачок. На секунду Вэл ощутила странное чувство растерянности. Девушка казалась знакомой, но настолько выбивалась из привычной среды, что Вэл не удавалось ее узнать.

Лолли подняла голову. Девушка повернулась, проследила за направлением взгляда Лолли – и ее рот изумленно открылся. Она направилась к Вэл, зажав под мышкой пакет муки. Только заметив, что на пакете нарисована рожица, Вэл поняла, что смотрит на Рут.

– Вэл? – Рут дернула рукой, словно собиралась коснуться Вэл, но в последнюю минуту передумала. – Вау! Твои волосы. Тебе надо было сказать, что ты собираешься их отрезать. Я бы тебе помогла.

– Как ты меня нашла? – ошеломленно спросила Вэл.

– Благодаря твоей подруге. – Рут скептически оглянулась на Лолли. – Она ответила по твоему телефону.

Вэл механически потянулась к рюкзаку, хотя уже поняла, что телефона там не окажется.

– Я его отключила.

– Знаю. Я миллиард раз тебе звонила. Твой автоответчик забит. У меня просто крыша ехала.

Вэл кивнула, не зная, что сказать. Она вдруг заметила въевшуюся в джинсы грязь, черные полумесяцы под ногтями, провонявшее тело – торопливое мытье в раковинах мало помогало.

– Послушай, – сказала Рут, – я тут привела кое-кого, чтобы с тобой познакомиться.

Она продемонстрировала мешочек с мукой. Кто-то (скорее всего, сама Рут) густо обвел нарисованные глаза черными тенями и раскрасил крошечные сжатые губки сверкающим голубым лаком для ногтей.

– Наш малыш. Знаешь, как ему тяжело приходится, когда одна из мамочек исчезла. И мне тоже трудно быть родителем-одиночкой и заполнять все таблицы для класса гигиены и здоровья, – неуверенно улыбнулась Рут. – Мне очень жаль, что я была такой задницей. Мне надо было рассказать тебе про Тома. Я начинала, типа, миллион раз. Но мне никак не удавалось произнести все слова.

– Теперь это не важно, – ответила Вэл. – Мне наплевать на Тома, и я тебя не виню.

– Послушай, – сказала Рут, – здесь жутко холодно. Нам нельзя зайти куда-нибудь? Я тут поблизости видела чайную.

Неужели было холодно? Вэл привыкла мерзнуть в те моменты, когда не пользовалась зельем, и считала нормальными онемевшие пальцы и мозг, превращавшийся в ледышки.

– Ладно, – ответила она.

Лицо Лолли было довольным. Она зажгла сигарету и выпустила из ноздрей две струи белого дыма.

– Я скажу Дэйву, что ты скоро вернешься. Ни к чему ему волноваться за новую подружку.

– Что?

Секунду Вэл не могла понять, о чем говорила Лолли. То, что Вэл спала с ним, казалось совершенно нереальным, происходившим глубокой ночью в опьянении сна и чар.

– Он говорит, что вы двое прошлой ночью потрахались.

Казалось, Лолли рада этому, но она не могла знать, что в тот момент Вэл выглядела как Лолли. Это наполнило Вэл стыдом и облегчением.

Теперь Вэл поняла, почему Рут оказалась здесь, почему Лолли украла ее мобильник и устроила эту встречу. Она наказывала Вэл.

Вэл решила, что вполне этого заслуживает.

– Ничего особенного. Просто заняли чем-то время. – Вэл помолчала. – Ему просто хотелось заставить тебя ревновать.

Лолли явно изумилась, а потом вдруг смутилась.

– Я не думала, что он тебе нравится вот так.

Вэл пожала плечами.

– Скоро вернусь.

– Кто это? – спросила Рут, пока они шли к чайной.

– Лолли, – ответила Вэл. – В целом она ничего. Я живу с ней и ее друзьями.

Рут кивнула.

– Ты могла бы вернуться домой, знаешь ли. Могла бы пожить у меня.

– Не думаю, чтобы твоей маме это понравилось.

Вэл открыла деревянную дверь со стеклянными панелями и окунулась в запах сладкого молока. Они сели за столик у задней стены, пристроившись на небольших ящиках из розового дерева, которые заменяли в чайной стулья. Рут забарабанила пальцами по

стеклянной столешнице, словно не могла справиться с волнением.

Подошла официантка, и они заказали чай «Черная жемчужина» с молоком, тосты со сгущенкой и кокосовым маслом и рогалики с зеленью. Прежде чем отойти от столика, она долго разглядывала Вэл, словно прикидывая, смогут ли они оплатить заказ.

Вэл глубоко вздохнула и справилась с желанием погрызть ногти.

– Так странно, что ты здесь.

– У тебя больной вид, – сказала Рут. – Ты слишком худая, и глаза словно подбитые.

– Я...

Официантка поставила заказ на стол, помешав Вэл договорить. Радуюсь возможности отвлечься, Вэл ткнула в свой напиток толстой синей соломинкой, а потом откусила большой кусок липкой тапиоки и глотнула сладкого чая с молоком. Вэл делала все очень медленно. Руки и ноги у нее отяжелели, и даже жевать тапиоку было утомительно.

– Я знаю, ты собиралась сказать, что все в полном порядке, – произнесла Рут. – Только скажи мне, что ты правда меня не возненавидела.

Вэл почувствовала, как что-то у нее внутри дрогнуло, и наконец смогла начать объяснение.

– Я больше не злюсь. Но чувствую себя такой доверчивой душой, а мать... Я просто не могу вернуться. По крайней мере пока. И не пытайся меня уговорить.

– А когда? – спросила Рут. – Где ты живешь?

Вэл молча покачала головой и положила в рот еще кусок тоста. Еда таяла у нее во рту, исчезала раньше, чем она успевала понять, что съела ее. За столиком рядом компания нарядных девчонок взорвалась смехом. Два индонезийца оглянулись на них с раздражением.

– Так как ты назвала паренька? – спросила Вэл.

– Что?

– Нашего мучного младенчика. От которого я сбежала и оставила без алиментов.

Рут улыбнулась.

– Себастьяном. Нравится?

Вэл кивнула.

– Ну а вот что тебе, наверное, не понравится, – сказала Рут. – Я не вернусь домой, если ты не поедешь со мной.

Как Вэл ни старалась, ей не удалось уговорить Рут уехать. Решив наконец, что на Рут подействует вид их жилища, Вэл привела ее на заброшенную платформу. В присутствии подруги Вэл снова ощутила зловоние пота и мочи, горелую сладость наркотика, заметила кости животных на рельсах и горы одежды, которые никто не убирал, потому что они кишели насекомыми. Лолли разложила свои принадлежности и начала вытряхивать янтарный порошок в ложку. Дэйв уже был на взлете: дым от его сигареты изображал персонажей мультиков, которые гонялись друг за другом с кувалдами.

– Ты меня разыгрываешь, – сказал Луис. – Попробую загадать. Еще одна бездомная кошка, которую Лолли сбросит на рельсы.

Рут растерянно оглядывалась по сторонам.

– В-вэл? – Голос Рут задрожал.

– Это моя лучшая подруга Рут, – сказала Вэл и поняла, как по-детски это звучит. – Она приехала меня искать.

– А я думал, что твои лучшие друзья – это мы.

Дэйв нагло ухмыльнулся, и Вэл пожалела, что позволила ему к себе прикасаться и думать, будто у него есть над ней какая-то власть.

– Мы все лучшие друзья, – заявила Лолли, бросив на него сердитый взгляд, и закинула одну ногу на Луиса, так что ее сапог оказался у него между ног. – Самые наилучшие друзья.

Лицо Дэйва жалко сморщилось.

– Если бы ты была ей подругой, то не затащила бы в это дерьмо, – сказал Луис Вэл, резко отодвигаясь от Лолли.

– Сколько здесь человек? Выходите туда, где я вас увижу! – внезапно приказал хриплый голос.

Вниз по лестнице спускались двое полисменов. Лолли замерла.

Ложка у нее в руке находилась слишком долго над пламенем, и снадобье стало подгорать и чернеть. Дэйв захохотал странным безумным смехом и не мог остановиться.

Лучи фонариков прорезали полумрак станции. Лолли уронила горячую ложку, и лучи сошлись на ней, а потом передвинулись, ослепив Вэл. Она прикрыла глаза ладонью. Одним из полисменов была женщина, и лицо у нее выглядело суровым.

– Вы все! Встать к стене, руки на голову!

Один луч поймал Луиса, и мужчина-полисмен толкнул его ногой.

– Двигайся. Шевелись. Нам сообщали, что здесь поселились подростки, но я не верил.

Вэл медленно поднялась и отошла к стене. Рут встала рядом с ней. Вэл было так тошно от чувства вины, что она с трудом держалась на ногах.

– Извини, – прошептала она.

Дэйв продолжал неподвижно стоять в центре платформы. Его трясло.

– В чем дело? – крикнула женщина-полисмен. – К стене!

И тут ее речь перешла в лай. На том месте, где она стояла, появился огромный черный ротвейлер, из пасти которого текла пена.

– Какого черта? – Второй полисмен обернулся и достал пистолет. – Это ваш пес? Отгоните его.

– Это не наш пес, – проговорил Дэйв со странной улыбкой.

Пес повернулся к Дэйву, рыча и лая. Но Дэйв только рассмеялся.

– Массолино! – заорал полисмен. – Эй, Массолино!

– Кончай дурить! – крикнул Луис. – Дэйв, что ты делаешь?

Рут опустила руки и схватила Вэл, больно царапая ее ногтями:

– Что тут происходит?

Сверкая клыками, собака двинулась к полисмену. Он наставил на нее пистолет – собака остановилась и заскулила. Полисмен неуверенно остановился.

– Где моя напарница?

Лолли захихикала, и полисмен резко обернулся в ее сторону, а потом снова перевел взгляд на собаку.

Вэл сделала шаг вперед. Рут продолжала цепляться за ее руку с такой силой, что было больно.

– Дэйв, – прошипела Вэл. – Хватит. Давай выметаться. Как ты меня учил.

– Дэйв! – закричал Луис.

Тут собака повернулась и прыгнула к тому месту, где они стояли. Высунутый язык в темноте казался красной полосой.

Два резких хлопка сменились тишиной. Вэл открыла глаза, не соображая, когда она их закрывала. Рут завизжала.

На платформе лежала женщина-полисмен, и из ее шеи и бока лилась кровь. Другой полисмен с ужасом смотрел на пистолет у себя в руке. Вэл застыла, слишком ошеломленная, чтобы двигаться. Ноги у нее словно налились свинцом. Ее разум искал решение, какой-нибудь способ исправить то, что сделано. «Это все иллюзия, – сказала она себе. – Дэйв просто подшутил над всеми нами».

Лолли спрыгнула на пути и бросилась бежать. Под ее ногами хрустел гравий. Луис схватил Дэйва за руку и потянул к туннелям.

– Нам надо отсюда убираться, – крикнул он.

Полисмен поднял голову. Вэл спрыгнула с края платформы, Рут последовала за ней. Луис и Дэйв уже исчезали в темноте.

Позади грохнул выстрел. Вэл не оглядывалась. Она бежала по путям, держа Рут за руку, словно они были маленькими детьми, которым надо перейти через дорогу. Рут два раза сжала ей пальцы, и Вэл услышала, что она начала рыдать.

– Полисмены никогда ничего не понимают, – заявил Дэйв, когда они перешли в туннелях на шаг. – У них есть норма арестов, и больше ни о чем они не думают. Они нашли наше место и собирались просто его запереть, чтобы никто больше не мог пользоваться, и какой в этом смысл? Мы никому не мешали тем, что жили внизу. Это наше место. Мы его нашли.

– О чем ты говоришь? – спросил Луис. – О чем ты думал там, на

месте? Ты совсем сбрендил?

– Я не виноват, – сказал Дэйв, который никак не мог замолчать. – И ты не виноват. Никто не виноват.

– Это правда, – проговорил Луис дрожащим голосом. – Никто не виноват.

Они вышли на станцию Кэнел-стрит, вспрыгнули на платформу и сели на первый подошедший поезд. Вагон был почти пустой, но они все равно стояли, привалившись к дверям. Рут перестала плакать, но тушь оставила на щеках темные разводы, а щеки и нос покраснели. Дэйв, казалось, находился в трансе и не смотрел никому в глаза. Вэл не могла себе представить, что он в этот момент испытывал. Впрочем, она даже не понимала собственных чувств.

– Сегодня переночуем в парке, – сказал Луис. – Мы с Дэйвом так делали, пока не нашли туннель.

– Я отведу Рут на вокзал «Пени», – неожиданно объявила Вэл.

Она думала об убитой женщине из полиции, и воспоминание лежало на душе грузом, который становился тяжелее с каждым шагом, уводящим их от трупа. Она не хотела, чтобы Рут шла на дно вместе с остальными.

Луис кивнул.

– И ты уедешь с ней?

Вэл колебалась.

– Я одна на поезд не сяду! – яростно выпалила Рут.

– Мне надо кое с кем попрощаться, – сказала Вэл. – Я не могу просто исчезнуть.

Они сошли на следующей остановке, с помощью метрокарт от зубочисток добрались до вокзала «Пени» и прошли посмотреть расписание. В зале ожидания Лолли купила кофе и суп, к которым никто не притронулся.

– Приходи ко мне сюда через час, – сказала Рут. – Поезд уйдет через пятнадцать минут после этого. Ты ведь успеешь попрощаться с этим парнем, правда?

– Если я не вернусь, ты должна сесть на поезд, – сказала Вэл. –

Обещай мне.

Рут кивнула. Лицо у нее было бледным.

– Если ты пообещаешь вернуться.

– Мы будем у замка в Центральном парке, – объявила Лолли. – Если ты опоздаешь на поезд.

– Я не опоздаю, – ответила Вэл, бросая взгляд на Рут.

Лолли покрутила ложкой в супе, но ко рту ее не поднесла.

– Знаю. Это я просто так сказала.

Спотыкаясь, Вэл вышла на холодную улицу. Когда она добралась до моста, было еще достаточно светло, чтобы видеть Истривер – темно-коричневую воду, похожую на кофе, который долго кипятили. Сердце у Вэл болело, мышцы на руках скрутило судорогами. Она вдруг вспомнила, что не принимала дозы с прошлого вечера. «Никогда больше двух дней подряд». В какой-то момент это правило было забыто, и новым правилом стало каждый день, а иногда и чаще.

Вэл постучала по пеньку и скользнула внутрь моста, но, несмотря на опасности дневного света, Равуса дома не оказалось. Вэл собиралась оставить записку, но почувствовала такую усталость, что решила немного подождать. Когда она устроилась в кожаном кресле, запахи старой бумаги, кожи и фруктов успокоили ее. Слегка раздвинув занавески, она откинула голову и просидела так целый час, ни о чем не вспоминая и глядя, как солнце опускается все ниже. Равус не приходил, а девушка чувствовала себя все хуже и хуже. Мышцы, которые сначала ныли, как после тренировки, теперь горели, словно в ночном кошмаре.

Вэл перебрала все бутылки с настойками и микстурами, переставив их как попало и устроив беспорядок, но не обнаружила ни единой крупинки зелья, чтобы прогнать боль.

Какая-то семья заканчивала пикник, когда Вэл шаркающей походкой вошла в Центральный парк: мама упаковывала недоеденные бутерброды, долговязая дочка толкала одного из братьев. Вэл заметила, что мальчишки – близнецы. Ей всегда казалось, что в близнецах есть что-то пугающее, словно настоящим

мог быть только один из них. Отец бросил взгляд на Вэл и отвернулся, переводя его на длинные голые ноги велосипедистки. Он медленно пережевывал еду.

Вэл двигалась медленно – ее ноги ныли – мимо заросшего озера, где в сумерках дрейфовала пустая лодка. Пожилая пара прогуливалась по берегу рука об руку. Их с пыхтением обгонял бегун в узеньких шортах с MP3-плеером, подпрыгивающим на поясе. Нормальные люди с нормальными проблемами.

Дорожка шла через окруженный стенами дворик, стены которого украшали резные узоры из ягод и птиц. Лозы были сделаны так искусно, что казались настоящими. Вэл остановилась и прислонилась к дереву. Его корни были открыты и переплетались словно вены, кора на стволе была влажной и темной от замерзшего сока. Девушка шла довольно долго, но никакого замка не увидела.

Мимо Вэл проходили трое парнишек в брюках, сидящих низко на бедрах. Один стучал баскетбольным мячом по спине приятеля.

– А где замок? – крикнула она им.

Один из мальчишек покачал головой:

– Нет такого.

– Она говорит о замке Бельведер, – сказал второй, указывая рукой вбок, почти в ту сторону, откуда она пришла. – Через мост и за рощу.

Вэл кивнула. «Через мост и лесок». Превозмогая боль, она продолжала идти и предвкушала укол иглы и сладкое облегчение, которое он принесет. Вэл вспомнила, как Лолли сидела у огня с ложкой в руке, и у нее перехватило дыхание при мысли, что наркотик остался там, в туннелях, с мертвой женщиной из полиции. А потом ей стали омерзительны собственные мысли, которые так ее тревожили.

Рощу пересекали дорожки, заканчивавшиеся тупиками или поворачивавшие наподобие петель. Некоторые тропинки, вероятно, проложили специально, другие протоптали пешеходы, которым надоело искать путь по запутанному маршруту. Вэл брела по дорожке, шурша листьями и ветками, спрятав руки в карманы и зашипнув кожу сквозь тонкую подкладку куртки, словно, доставляя телу боль, она могла получить облегчение.

Под укрытием негустых ветвей двое мужчин сплелись в

объятиях: один в костюме и пальто, второй – в кожаных брюках и короткой военной куртке.

Возле озера на холме возвышался большой серый замок с высоким шпилем, окруженный деревьями. Он выглядел великолепным древним сооружением, чужим и странным на фоне мерцающих в сумерках огней города. Подойдя ближе, Вэл заметила, что за окнами стоят чучела животных и их черные глазки наблюдают за ней сквозь стекло.

– Эй! – позвал знакомый голос.

Вэл оглянулась и увидела Рут возле одной из колонн. Не успела она придумать, что ответить, как заметила Луиса, растянувшегося на площадке, откуда открывался вид на озеро и бейсбольное поле. Он целовал Лолли, глубоко проникая в ее приоткрытый рот.

– Я так и знала, что ты не собиралась появиться, – сказала Рут, качая головой.

– Ты обещала, что сядешь на поезд, даже если я не приду, – отозвалась Вэл, пытаясь говорить строго, но слова ее прозвучали беспомощным оправданием.

Рут скрестила руки на груди:

– Ну и пусть.

– А где Дэйв? – спросила Вэл, осматриваясь.

В парке темнело, и она не видела его поблизости. Рут пожала плечами и потянулась за стаканчиком, стоявшим у ног.

– Он ушел, чтобы подумать или еще зачем-то. Луис пошел за ним, но вернулся один. Наверное, у него крышу снесло. Черт, у меня и у самой крыша поехала: та женщина превратилась в собаку! Я сама видела.

Вэл не знала, как объяснить Рут, чтобы та поняла, и не испортить ситуацию еще больше. Было гораздо лучше считать, будто сотрудница полиции превратилась в собаку, а не что ее превратили.

– Дэйву это не понравится.

Вэл указала подбородком на Лолли и Луиса, решив вообще ничего не говорить о волшебстве.

Рут поморщилась.

– Какая гадость. Эти мерзкие трахальщики.

– Я не понимаю. Она все время на него вешалась, а он выбрал именно неподходящий момент, чтобы этим заняться?

Вэл не могла понять, что случилось. Луис был задницей, но брата любил. Не похоже на него: оставить Дэйва бродить по Центральному парку, а самому обжиматься с девчонкой.

Рут нахмурилась и протянула Вэл стаканчик.

– Они твои друзья. Вот, выпей чаю. Отвратительно сладкий, но хотя бы теплый.

Вэл глотнула, ощущая, как жидкость согревает ей горло. Она старалась не замечать, как у нее дрожит рука.

Луис отстранился от Лолли и криво ухмыльнулся Вэл.

– Эй, ты когда явилась?

– У вас нет наркоты? – выпалила Вэл. Ей казалось, что она не в силах дольше терпеть эту боль. Даже челюсти у нее свело судорогой.

Луис покачал головой и посмотрел на Лолли.

– Нет, – сказала она. – Я ее уронила. А ты ничего не взяла у Равуса?

Вэл перевела дыхание, стараясь не поддаться панике.

– Его там не оказалось.

– Ты не видела Дэйва, когда сюда шла? – спросила Лолли.

Вэл покачала головой.

– Пошли устраиваться, – предложил Луис. – Уже стемнело, и нас не увидят.

– А Дэйв нас найти сможет? – спросила Рут.

– Конечно, – ответил Луис. – Он знает, где искать. Мы и раньше здесь ночевали.

Вэл стиснула зубы в бессильном раздражении, но последовала за остальными. Они перелезли через калитку у боковой стены замка и расположились у его основания на каменной площадке, над которой нависала стена, образуя укрытие. Вэл заметила, что они уже застелили площадку картоном.

Луис сел на землю, а Лолли привалилась к нему, прикрыв глаза.

– Я насобираю завтра припасов получше, – пообещал он и наклонился, чтобы прижаться губами к ее губам.

Рут обняла Вэл рукой и вздохнула.

– Не могу в это поверить.

– Я тоже, – сказала Вэл, потому что внезапно вся сцена показалась ей сюрреалистической и абсурдной.

То, что Рут собралась ночевать на картонке в Центральном парке, было даже более невероятным, чем существование фейри.

Луис запустил руки Лолли под юбку, а Вэл пила остывающий чай, стараясь не обращать внимания на чмокание и хихикание. Повернув голову, она увидела, что штанина широких брюк Луиса высоко задралась и стали видны следы ожогов под коленом – признак того, что он все-таки употреблял зелье.

Когда дыхание Рут стало сонно-ровным, а вздохи Лолли и Луиса участились, Вэл прикусила щеку изнутри и погрузилась в муки ломки.

Глава 10

Порою нужен яд – и все ж он мерзок.

Уильям Шекспир. «Ричард II», акт 5, сц. 6
[\[5\]](#)

Ночь тянулась, но Вэл не становилось легче. Судороги сводили мышцы так сильно, что она встала и выползла из укрытия, чтобы можно было дергаться и изгибаться, как требовало тело. Она прошла по камням и вернулась в рощу, сбрасывавшую засохшие листья, кое-где сохранившиеся на ветках. Вэл росла, считая Центральный парк самым опасным местом в Нью-Йорке. Девушка думала, что за каждым кустом прячутся извращенцы и убийцы, поджидая неосторожных прохожих, и помнила бесчисленные сообщения в новостях о зарезанных и задушенных жертвах. Но сейчас парк казался просто безмятежным.

Девушка подобрала палку и стала отрабатывать выпады, направляя кончик деревяшки в дупло толстого вяза, пока не сообразила, что пугает белок, которые там жили. От резких движений у нее закружилась голова и появилась легкая тошнота, а когда Вэл трянула головой, ей показалось, что на соседней дорожке двигаются огни.

В этот момент ветер усилился и воздух изменился, как это бывает перед грозой, но когда она присмотрелась, то ничего не увидела. Хмуря брови, Вэл на всякий случай присела на корточки и стала ждать, не пройдет ли кто-то рядом.

Ветер пронесся мимо, чуть не стащив рюкзак с плеча. На этот раз она была уверена, что слышала смех. Вэл обернулась, но увидела только толстые стебли плюща, ползущего по соседнему дереву, зеленому и полному жизни, словно до зимы было еще очень далеко.

Тут налетел следующий порыв ветра, выбил стаканчик у нее из рук и разлил остывший чай.

– Прекрати это! – заорала Вэл, но в наступившей тишине слова казались бесполезными и даже опасными.

Свист заставил девушку повернуть голову. На пеньке сидела женщина, состоящая целиком из плюща.

– Я чую чары, тонкие, словно снежная пороша. Ты одна из нас?

– Нет, – ответила Вэл, – я не фейри.

Женщина наклонила голову в легком поклоне.

– Постой. Мне нужна... – начала Вэл, но не знала, как договорить.

Ей нужна была доза. Ей было необходимо достать зелье, но она понятия не имела, есть ли у фейри название для него.

– Ты из лакомок? Бедняжка, как далеко ты забрела от празднеств! – Женщина из плюща прошла мимо Вэл, направляясь к мосту. – Я покажу тебе дорогу.

Вэл не поняла, о чем говорит женщина, но последовала за ней, потому что Лолли и Луис обманывали Дэйва у нее на глазах, а ей не хотелось это видеть, потому что мертвые глаза сотрудницы полиции словно следили за ней в темноте, и главным образом потому, что сейчас Вэл стремилась избавиться от боли. А на празднестве фейри она рассчитывала найти какой-нибудь способ облегчить страдания.

Женщина из плюща привела Вэл обратно к озеру, на террасу с резными стенами из птиц и ветвей и фонтаном в центре. Фейри, будто живая статуя из зелени, прошуршала по плиткам. С воды накатывался туман, серебристой дымкой повисая в воздухе и двигаясь дальше слишком стремительно, чтобы быть природным. У Вэл защипало кожу, но она слишком устала и наполнилась болью, чтобы что-то делать. Она только отшатнулась, когда туман выплеснулся, словно прилив, у темного берега.

Он опустился вокруг нее, теплый и тяжелый, окружив Вэл странным ароматом гниения и сладости. Музыка призраком скользнула по воздуху – звон колокольчиков, стон, пронзительные ноты флейты. Вэл неуверенно шла вперед, сопровождаемая завихрениями тумана. Совсем близко она услышала смех и повернулась. Местами туман отступил, и Вэл смотрела на совершенно иной пейзаж.

Терраса осталась на месте, но из камня выросли лозы, превратившиеся в необузданные вьющиеся растения, покрытые странными цветами и тонкими, как иголки, колючками. Птицы

слетели со своих каменных гнезд, клевали налившийся виноград, свисающий с лестничных перил, и ссорились с пчелами размером с кулак из-за яблок, усеивавших причал.

А еще там появились фейри. Их было гораздо больше, чем, по мнению Вэл, могло выжить в городе, заполненном железом: фейри со странными глазами и острыми ушами, в юбках, сотканных из крапивы и таволги, в футболках и жилетах с вышитыми розами и вообще без всего, с блестящей в лунном свете кожей. Вэл прошла мимо создания с ногами, которые оказались ветками, а лицо было вырезано из коры, мимо человечка, который разглядывал ее в театральный бинокль с линзами из голубого стекла, мимо мужчины с полосой шипов вдоль горбатой спины, от которого пахло сандаловым деревом. Каждое волшебное существо казалось ярким, как пляшущее пламя, и свободным, как ветер. В лунном свете их глаза горели жарко и пугающе, и Вэл почувствовала страх.

Вдоль берега озера были расстелены полотнища, затканые золотом и заваленные всевозможными деликатесами. Финики, айва и гранаты лежали на тарелках из сухих листьев, а рядом стояли графины с сапфировыми и яшмовыми винами. Бисквиты, обсыпанные поджаренными желудями, окружали насаженных на вертела голубей и чашки с густым сиропом. Рядом с ними высилась горка белых яблок Равуса: их красное нутро просвечивало сквозь бархатистую кожу, обещая Вэл отдых от боли.

Она забыла свой страх.

Схватив яблоко, она вгрызлась в теплую, сладкую мякоть. Кусочек плода скользнул ей в горло, словно обрывок кровавого мяса. Борясь с тошнотой, она кусала еще и еще. Кожица яблока лопалась под ее острыми зубами, и сок тек по подбородку. Плод не действовал как наркотик, но лишил чувствительности ноги и руки и прогнал дрожь.

С чувством облегчения Вэл уселась у берега озера в тот момент, когда существо из мха и лишайника на секунду вынырнуло на поверхность с бьющейся во рту рыбой, а потом скрылось снова. Сытая и усталая, Вэл наблюдала за толпой. К своему изумлению, она заметила, что она здесь не единственная из людей. Девочка – совсем юная, наверняка еще школьница – положила голову на колени синей фейри с черными губами, которая вплетала ей в косички крошечные колокольчики и клевер. Мужчина в твидовом пиджаке, с седеющими

волосами стоял на коленях рядом с зеленой девушкой с мокрыми волосами из мха. Два молодых человека ели дольки белых яблок с острия ножа и лизали лезвие, чтобы собрать весь сок.

Они и есть лакомки? Люди-рабы, готовые сделать что угодно ради крупинки наркотика, даже не представляющие, что можно вколоть его в вену или втянуть дым в нос. «Никогда, – сказала себе Вэл. – Никогда больше. Никогда. Никогда больше. Никогда. Никогда. Страна Никогда»: Ей совсем не нужно заставлять тени танцевать. Она не должна постоянно выбирать неправильный путь, радуясь, что она решает собственные проблемы. Какими бы неразумными ни были ее решения, они все равно не устраняют остальных трудностей.

Еще один фейри спустился по лестнице – половину его лица покрывал лиловый синяк, а кожа казалась рябой и местами пузырилась. Одно ухо и часть шеи были словно грубо вылеплены из глины. Когда он шел по террасе, часть фейри отошли от него подальше.

– Железная болезнь, – произнес кто-то.

Повернувшись, Вэл увидела одну из золотоволосых фейри из парка Вашингтон-сквер. Ноги у нее по-прежнему были босыми, но щиколотку обвивала нитка из ягод остролиста.

Вэл содрогнулась.

– Это выглядит, будто у него ожог.

– Некоторые говорят, что такое случится со всеми, если мы не останемся жить в парке или не вернемся туда, откуда пришли.

– Вас сюда изгнали?

Девушка-фейри кивнула.

– Один из моих возлюбленных был также возлюбленным знатного лорда. Тот решил, что не хочет делиться вниманием возлюбленного, и подстроил так, будто я украла штуку ткани. Это была волшебная материя, на которой ожившие рисунки показывают истории. Она очень дорогая, поэтому ткач придумал изощренное и суровое наказание. Мы с сестрами отправились в изгнание до тех пор, пока не докажем мою невиновность. А что ты?

Вэл наклонилась вперед, представляя себе великолепную ткань, и вопрос фейри застал ее врасплох.

– Наверное, можно сказать, что я тоже в изгнании, – пробормотала она, огляделась и спросила: – А здесь всегда так? Все изгнанники приходят сюда каждую ночь?

Фейри с волосами цвета меда рассмеялась.

– О да. Если пришлось остаться у Железнобоких, то можно хотя бы сюда приходить. Как будто ты снова при дворе. И конечно, здесь ловят сплетни.

Вэл улыбнулась.

– Какие сплетни?

Она снова вернулась к роли спутника и автоматически задавала вопросы, на которые собеседнику хотелось отвечать. Слова фейри заглушали ее собственные беспокойные мысли.

Девушка ухмыльнулась.

– Ну, самая интересная сплетня – что королева Летнего Двора Силариаль здесь, в железном городе. Говорят, что она собирается разобраться с отравлениями. Похоже, Мабри – одна из изгнанных Высших – что-то знает. Все слышали, что они встречались.

Вэл впилась ногтями в ладонь. Не обвинила ли Мабри Равуса? Девушка вспомнила покинутое жилище Равуса внутри моста и нахмурилась.

– О, смотри! – прошептала фейри. – Вот она. Видишь, как все пятятся и притворяются, будто не умирают от желания попросить подтвердить слухи.

Вэл встала.

– Я ее спрошу.

Не дав фейри с медовыми волосами возразить, Вэл стала пробираться между волшебным народом. На Мабри было надето платье кремового цвета, а зелено-коричневые волосы она закрепила на макушке гребнем, сделанным из раковины. Он показался Вэл знакомым, но она не смогла вспомнить, где его видела.

– Красивый гребень, – сказала она, глядя на Мабри.

Мабри вынула его из прически, позволив волосам рассыпаться по спине, и адресовала Вэл широкую соблазнительную улыбку.

– Я тебя знаю. Ты служаночка, к которой привязался Равус. Возьми эту безделицу, если она тебе нравится. Может, у тебя для нее отрастут волосы.

Вэл молча провела пальцами по прохладной поверхности раковины и решила, что подарок, врученный с таким ехидством, не заслуживает благодарности.

Мабри вытянула палец и прикоснулась к уголку губ Вэл.

– Вижу, что ты отведала того, что пила твоя кожа.

Вэл вздрогнула:

– Откуда ты знаешь?

– У меня привычка знать многое, – ответила Мабри и, отвернувшись, отошла, не дав Вэл возможности задать ей ни одного вопроса.

Вэл попыталась пойти следом за Мабри, но кто-то из фейри с волосами из длинных водорослей и улыбкой, полной недоброго озорства, преградил ей дорогу.

– Моя милочка, дай испытать твоей красоты.

– Да ты шутишь, – сказала Вэл, пытаясь протиснуться мимо него.

– Нисколько, – заявил он. – Я могу сделать так, чтобы далее твои сны были про желание.

Вэл внезапно и необъяснимо ощутила, как в животе у нее возникло желание и загорелось лицо. Вдруг чьи-то пальцы сомкнулись у нее на горле, и низкий хриплый голос проговорил тихо рядом с ее ухом:

– И на что теперь годится все твое обучение?

– Равус? – спросила Вэл, хотя узнала его голос.

Незнакомый фейри поспешно исчез, но Равус продолжал обхватывать пальцами ее шею..

– Здесь опасно. Тебе следовало быть осторожнее. А сейчас я хочу, чтобы ты попыталась высвободиться.

– Ты же не учил меня... – начала она, но тут же замолчала, устыдившись того, что ее слова звучали как нытье.

Он учил ее сейчас. Ведь он же дал ей время подумать, какие приемы можно применить. И он не душил ее. Он давал ей время, чтобы победить.

Вэл расслабилась, прижимаясь спиной к его груди и с силой вдавливая в него бедра. От неожиданности он разжал руку – и Вэл освободилась. Равус схватил ее за плечо, но она повернулась и прижалась губами к его губам.

Губы тролля оказались шершавыми и обветренными. Она почувствовала, как его клыки вонзились ей в нижнюю губу. Равус издал низкий гортанный возглас и закрыл глаза. Его рот открылся под ее губами. От запаха холодного влажного камня у нее закружилась голова. Один поцелуй перешел в другой, и все было безупречно, совершенно правильно и реально.

Он резко отстранился и повернул голову, чтобы не смотреть на нее.

– Действительно, – проговорил тролль.

– Я подумала, что ты хотел, чтобы я тебя поцеловала. Иногда мне казалось, что я могу это видеть.

Сердце стучало у Вэл в груди, щеки жег румянец, но она с радостью услышала, что голос ее звучит спокойно.

– Я не хотел, чтобы ты... – медленно произнес Равус. – Я не хотел, чтобы ты это видела.

Она чуть не рассмеялась.

– Ты кажешься таким изумленным. Неужели тебя никогда раньше никто не целовал?

Вэл хотелось повторить поцелуй, но она не решалась.

Его ответ был холодным:

– В редких случаях.

– Тебе это нравилось?

– Тогда или сейчас?

Вэл набрала воздуха и протяжно выдохнула.

– Оба раза. И то, и другое.

– Мне это понравилось, – мягко сказал он.

В этот момент Вэл вспомнила, что он не способен лгать. Она провела рукой по его щеке.

– Поцелуй меня в ответ.

Равус поймал ее руку и до боли сильно стиснул пальцы.

– Довольно, – зарычал он. – Какую бы игру ты ни вела, прекращай ее немедленно.

Вэл вырвала руку, мгновенно опомнившись, и отступила на несколько шагов назад.

– Извини. Я думала...

По правде говоря, она уже не помнила, что именно думала и почему эта мысль показалась ей такой удачной.

– Пошли, – сказал он, не глядя на нее. – Я отведу тебя обратно в туннели.

– Нет! – заявила Вэл. Он остановился.

– Было бы неразумно оставаться здесь, что бы ты ни...

Вэл покачала головой.

– Я не про это. Кто-то нашел наше место. Мне некуда возвращаться.

Ее голос звучал устало, и даже она сама это услышала. Ей уже так давно было совершенно ни к чему и незачем возвращаться.

– Мы оба знаем, что я чудовище.

– Неправда...

– Тебе не к лицу прикрывать гнилое мясо медом. Я знаю, что я такое. Чего ты хочешь от чудовища?

– Все, – серьезно ответила Вэл. – Мне очень жаль, что я тебя поцеловала: это было эгоистично и расстроило тебя, но не требуй, чтобы я притворилась, будто мне этого не хотелось.

Троль растерянно смотрел, как девушка делает шаг к нему.

– Я не очень-то умею объяснять, – сказала она. – Но я считаю, что у тебя красивые глаза. Мне нравится, что в них золото. Мне нравится, что они не похожи на мои. Свои я вижу все время, и они мне надоели.

Он коротко хохотнул, но не сдвинулся с места.

Вэл подняла руку и дотронулась до его бледно-зеленой щеки.

– Мне нравится все, что делает тебя чудовищем.

Его длинные пальцы погрузились в розовато-оранжевую щетину ее волос, когтистые ногти осторожно легли ей на кожу.

– Я боюсь, что все, к чему я прикасаюсь, портится.

– Я не боюсь испортиться, – заявила Вэл. Уголок рта Равуса чуть приподнялся. Женский голос, резкий, словно удар колокола, разорвал воздух.

– Ты все-таки за ней послал!

Вэл стремительно обернулась. Мабри стояла во дворике, и пряди ее волос развевались на ветру. Взгляды всех фейри устремились к Равусу в предвкушении новых сплетен.

Рука Равуса опустилась Вэл на поясницу. Она едва ощущала у себя на позвоночнике загнутые концы его ногтей. Ровным голосом он ответил Мабри:

– Пусть милосердие леди Силариаль и ужасает, но у меня нет иного выхода, кроме как воззвать к нему. Я знаю, что она явилась говорить с тобой. Возможно, когда королева увидит, как ты несчастна и как много от тебя пользы, она возьмет тебя обратно ко Двору.

Губы Мабри изогнулись в горькой улыбке.

– Мы все должны уповать на ее милосердие. Но сейчас я хочу оказать тебе добрую услугу за то, что ты для меня сделал.

Вэл сунула руку в задний карман, чтобы вернуть Мабри ее гребень. Пока она его вытаскивала, зубцы оцарапали ей руку. Обернутые водорослями жемчужины и крошечные крылышки из панцирей морских ежей украшали верхнюю часть гребня. Глядя на него, Вэл вдруг вспомнила русалку: ожерелье из нитей жемчуга и морских птичек, мертвые глаза, глядящие на Вэл, и волосы, плавающие по поверхности воды, лишенные гребня под пару ожерелью.

Держа гребень в онемевших пальцах, Вэл поняла, что он был снят с трупа.

– Мабри дала мне это, – сказала Вэл. Равус равнодушно взглянул

на гребень, явно не придавая ему никакого значения.

– Он с русалки, – сказала Вэл. – Она взяла это с русалки.

Мабри фыркнула:

– Тогда как он оказался у тебя в руке?

– Я же сказала, – повторила Вэл. – Она дала его...

Мабри повернулась к Равусу, ловко прерывая Вэл:

– Ты знал, что она у тебя ворует? Снимает вершки с твоих снадобий, как домовой, который отпивает сливки из бутылки молока? – Мабри схватила Вэл за руку и подняла вверх рукав, чтобы Равус мог увидеть черные отметины на сгибе локтя, словно кто-то тушил о ее руку сигарету. – И посмотри, что она делала: заталкивала себе в вены наш бальзам. А теперь, Равус, скажи мне, кто отравитель. Ты готов страдать за ее ошибки?

Вэл протянула руку к Равусу. Он отстранился.

– Что ты сделала? – спросил он и плотно сжал губы.

– Да, я колола себе снадобья, – призналась Вэл.

Отрицать это сейчас было бессмысленно.

– Зачем тебе это понадобилось? – спросил он. – Я считал, что они безвредные, просто снимают у волшебного народа боль.

– Это вещество... оно дает тебе... оно делает людей... такими, как фейри.

Вэл прочитала ответ на его лице: «Тебя не пугало, что я чудовище, потому что ты сама чудовище».

– Я был о тебе лучшего мнения, – проговорил Равус. – Я был о тебе самого высокого мнения.

– Мне очень жаль, – откликнулась Вэл. – Пожалуйста, позволь мне объяснить.

– Люди, – бросил он с отвращением. – Лжецы, все вы. Теперь я понимаю ненависть матери.

– Может, я и лгала про это, но я не лгу про гребень. Я не лгу!

Троль схватил Вэл за плечо. Его пальцы были такими тяжелыми, что ей показалось, будто ее стиснули камни.

– Теперь я понимаю, что ты во мне полюбила. Снадобья.

– Нет! – возразила Вэл.

Когда Вэл посмотрела Равусу в лицо, то увидела свирепого незнакомца. Его когтистый большой палец надавил на пульсирующую у нее на шее жилку.

– Думаю, тебе пора уйти.

Вэл медлила.

– Просто позволь мне...

– Уходи! – крикнул он, оттолкнув ее, и сжал пальцы в кулак – такой тугой, что его когти вонзились в ладонь.

Вэл попятилась. Горло ее жгло огнем. Равус повернулся к Мабри.

– Скажи, что ты радуешься, что отомстила мне. По крайней мере, скажи мне это.

– Нисколько, – ответила Мабри с кислой улыбкой. – Я просто оказала тебе услугу.

Вэл побрела обратно по дорожке, прошла сквозь стену тумана, через рощу и поднялась к замку. Слезы застилали ей глаза, сердце болело. И там, глядя на далекое мерцание городских огней, Вэл вдруг подумала о матери. Что она чувствовала, когда Том и Вэл исчезли? Хотелось ли ей вернуться назад и все изменить, если была бы возможность?

Поднимаясь вверх по камням, Вэл заметила красный огонек гвоздичной сигареты Рут еще до того, как увидела их временное пристанище. Когда Вэл приблизилась, Рут встала.

– Я решила, что ты снова меня бросила.

Вэл посмотрела на спящих Лолли и Луиса. Луис изменился: глаза у него были обведены темными кругами, а кожа сильно побледнела.

– Я просто решила пройтись.

Рут сделала еще одну долгую затяжку, и с сигареты начали сыпаться искры.

– Ага, конечно. И твой друг Дэйв тоже просто захотел пройтись.

Вэл вспомнила празднество и подумала, что Дэйв мог бы там оказаться вместе с лакомками, растерянно бродящий среди своих капризных господ.

– Я... я... – Вэл села совершенно разбитая и закрыла лицо руками. – Я лажанулась. Я страшно, страшно лажанулась.

– О чем ты?

Рут села рядом с Вэл и положила руку ей на плечо.

– Слишком трудно объяснить. Существуют фейри, как настоящие фейри из «Последней фантазии», и их отравили, и этот состав, который я принимала, – он типа наркотика, но вроде как волшебный.

Вэл почувствовала, как слезы текут по лицу, и смахнула их рукой.

– Знаешь, – сказала Рут, – люди не плачут, когда им грустно. Все так думают, но это неправда. Люди плачут, когда им досадно или они подавлены.

Вэл вдруг заметила, что все еще крепко сжимает в кулаке гребень русалки, но он развалился на части. Просто тонкие пластины раковин – и больше ничего. Нет оснований считать, что он что-то доказывал.

– Послушай, я признаю, что твои слова звучат немного безумно, – сказала Рут. – Ну и что с того? Даже если ты полностью бредишь, нам все равно надо разобраться с твоим бредом, так? Воображаемая проблема нуждается в воображаемом решении.

Вэл уронила голову Рут на плечо и успокоилась впервые с тех пор, как увидела мать с Томом. Она забыла, как важна для нее поддержка подруги.

– Ладно, так начинай сначала.

– Когда я приехала в город, я действовала на автопилоте, – рассказывала Вэл. – У меня были билеты на матч, и поэтому я на него пошла. Понимаю, что это звучит глупо. Даже во время игры я думала, что это сумасшествие, словно я из тех людей, которые убивают своего шефа, а потом садятся за компьютер, чтобы закончить отчет. Когда я наткнулась на Лолли и Дэйва, мне просто хотелось потеряться, стать ничем, пустышкой. Это звучит нехорошо и по-

дурачки, я понимаю.

– Очень поэтично, – ухмыльнулась Рут. – Как в средневековом романе.

Вэл закатила глаза, но улыбнулась.

– Они познакомили меня с фейри, и вот тут все перестает звучать нормально.

– С фейри? Типа эльфов, гоблинов и троллей? Вроде тех, что у Брайана Фрауда в «Горячей теме»?

– Послушай, я...

Рут подняла руку.

– Я просто проверила. Ладно, Фейри. Я готова это принять.

– У них проблемы из-за железа, и есть эта штука, которую Лолли зовет «Никогда больше». Это такое зелье – наркотик. Он не дает им слишком разболеться. Люди могут... принимать его... и создавать иллюзии и заставлять других чувствовать то, что ты хочешь. Мы делали поставки для Равуса – это он умеет делать зелье – и брали немного для себя.

Рут кивнула.

– Ясно. Так Равус – фейри?

– Вроде того, – подтвердила Вэл. Она увидела искры смеха в глазах Рут и была благодарна подруге, что та сдержалась.

– Кое-кто из волшебного народа погиб от яда, и они обвинили Равуса. По-моему, этот гребень принадлежал одной из погибших фейри. Он был у Мабри, и я просто не понимаю, что это значит. Все так странно. Дэйв превратил полисмена в собаку специально, а Мабри сказала Равусу, что мы у него воровали, и он решил, что я имею какое-то отношение к убийствам, и я не принимала наркотик уже два дня, и у меня все тело болит.

Это была правда: боль снова вернулась, далекая, но усиливающаяся. Временное облегчение, которое дал волшебный плод, не помешало венам требовать новой дозы.

Рут обняла Вэл за плечи и прижала к себе.

– Дерьмо. Ладно, это безумие. Что мы можем сделать?

– Мы можем в этом разобраться, – сказала Вэл. – У меня есть всякие улики, я просто не знаю, как их соединить.

Вэл посмотрела на обломки гребня и снова вспомнила русалку. Равус сказал, что фейри убил крысиный яд, но крысиный яд – опасное и неудобное средство для отравления фейри. Опытный алхимик, Равус знал это. И зачем ему убивать нескольких безвредных фейри?

Это мог сделать человек. Человека-посыльного ждали, он не вызывал никаких подозрений.

Вэл вспомнила первую рассылку, в которой она участвовала, и бутылку с порошком, которую открыл Дэйв,ломав воск. Разве Мабри не должна была встревожиться? При всех этих отравлениях разве это не было так же опасно, как принять аспирин из пузырька, где вскрыта заводская упаковка? Так мог сделать только тот, кто знал отравителя, или сам отравитель.

И Мабри знала, что Вэл пользуется снадобьем. Кто-то ей рассказывал.

– Но почему? – спросила Вэл вслух.

– Почему что? – переспросила Рут. Вэл встала и начала ходить по камням туда и обратно.

– Я думаю... Каков результат отравлений? У Равуса очень серьезные проблемы.

– И что? – поинтересовалась Рут.

– А то, что Мабри хочет ему отомстить, – ответила Вэл.

Конечно: месть за смерть ее возлюбленного. Месть за изгнание.

Значит, Мабри. Мабри и пособник-человек. Дэйв был явным кандидатом, поскольку даже не потрудился скрыть, что взял снадобье у Мабри. Но зачем ему убивать фейри?

Это мог быть и Луис. Он ненавидел фейри за то, что они лишили его глаза. Он надевал на себя металл, чтобы защититься. И использовал наркотик, что доказывали отметины у него под коленом, хотя и отрицал это. Но для чего он делал это, если не мог видеть чары? И почему его не тревожит, что Дэйв куда-то исчез? Почему именно сейчас ему понадобилось развлекаться с Лолли, когда она запала на него еще до того, как Вэл с ней познакомилась? Он был так

спокоен. Казалось, будто он знает, где его брат. Эта мысль заставила Вэл замереть.

– Вот что мы должны сделать, – объявила Вэл. – Мы пойдем к Мабри домой, пока она на празднестве, и найдем доказательства, что именно она стоит за отравлениями.

Доказательства могли бы убедить Равуса, что Вэл не виновата, и показать остальным, что он вовсе не отравитель. Доказательства спасут его, и он ее простит.

– Ладно, – отозвалась Рут, закидывая на плечи рюкзачок. – Пошли помогать твоим воображаемым друзьям.

Глава 11

Ударьте по стеклу – и оно не проживет и секунды, берегите его – оно проживет века.

Г. К. Честертон. «Ортодоксия»

Вэл и Рут добрались до Риверсайд-парк в холодные предзвездные часы. Небо было темное, улицы затихли. У Вэл покровище быстро колотилось сердце, и она не замечала ни промозглого воздуха, ни позднего часа. Рут дрожала и плотнее заворачивалась в свою шубку из искусственного меха, когда от воды прилетали порывы ветра. От слез по щекам у нее полосами размазался макияж, но когда Рут улыбалась Вэл, та видела прежнюю, уверенную в себе подругу.

Парк оказался пустым: только небольшая группа людей жалась у стены. Они курили, судя по запаху, травку. Вэл прошлась взглядом по зданиям на другой стороне парка, но все они показались незнакомыми. Она отыскала замусоренный фонтан, у которого стояла тогда, но дверь дома напротив оказалась другого цвета, а окна были забраны решетками.

– Ну? – спросила Рут.

Вэл переступила с ноги на ногу.

– Я точно не знаю.

– Что мы будем делать, если ты его найдешь?

Подняв глаза, Вэл заметила химеру почти на прежнем месте, и облик каменного чудовища подтвердил ей, что это здание перед ней и есть жилище Мабри. Возможно, девушку просто немного подвела память.

– Останься на стреме, – приказала Вэл, направляясь через улицу к дому.

У нее громко стучало сердце. Она понятия не имела, во что вовлекает Рут и себя. Рут поспешно пошла за ней.

– Отлично. На стреме. Я буду стоять на стреме. Еще один пункт, который можно будет занести в анкету для колледжа. И что, если я кого-то увижу?

Вэл обернулась:

– На самом деле я толком не знаю.

Пристально осмотрев здание, Вэл ухватила за одно из колец на водосточной трубе и подтянулась на стену. Это было все равно как карабкаться на дерево или подниматься по канату в спортзале.

– Что ты делаешь? – крикнула Рут пронзительным голосом.

– А для чего, по-твоему, мне нужна была стрема? А теперь заткнись.

Вэл полезла выше, упираясь ступнями в кирпичную кладку здания, цепляясь пальцами за крепления водосточной трубы, которая стонала и прогибалась под ее весом. Добравшись до подоконника, она ухватила рукой за челюсть химеры. Ее морда – помесь курицы с терьером – повернулась вбок, глаза расширились от изумления или возбуждения. Вэл успела отдернуть руку за доли секунды до того, как каменные зубы со стуком сомкнулись. Потеряв равновесие, девушка мгновение извивалась в воздухе. Весь ее вес пришелся на водосточную трубу, за которую она удерживалась одной рукой. Алюминий прогнулся, вырываясь из креплений.

Вэл засунула ногу между кирпичей и с силой оттолкнулась вверх, подпрыгнув и лихорадочно цепляясь за карниз. Она услышала тоненький вскрик Рут снизу – и в эту секунду ухватила за подоконник. Секунду Вэл просто висела, боясь пошевелиться. А потом она подтянулась за оштукатуренный край и толкнула окно. Оно не поддалось, и Вэл испугалась, что оно окажется запертым или залитым краской, но, когда она толкнула сильнее, створка поддалась. Забравшись внутрь, за переплетение занавесок, Вэл оказалась в спальне у Мабри. Пол был из сверкающего мрамора, кровать с ворохами мягкого шелка и атласа стояла под шатром из ивовых ветвей. Одна половина постели выглядела чистой, но другая была покрыта грязью и ветками ежевики.

Вэл секунду рассматривала это ложе, а потом вышла в коридор. Там оказалось несколько дверей, за которыми находились пустые комнаты и лестница из мореного дерева. Она спустилась по ней и прошла в гостиную. Единственными звуками в жилище были скрип

половиц и плеск фонтана.

Гостиная оказалась точно такой, как она запомнила, но мебель стояла иначе, а одна из дверей словно стала больше. Вэл вышла из квартиры в общий коридор, позаботившись о том, чтобы поставить упор, не дававший двери Мабри захлопнуться. Она повернула замок на входной двери и резко ее распахнула. Секунду Рут изумленно смотрела на нее с тротуара, а потом вбежала в дом.

– Ты с ума сошла! – сказала Рут. – Мы только что вломились в какой-то шикарный дом.

– Он защищен чарами, – ответила Вэл. – Наверняка.

Вэл впервые заметила две двери, которые, как она сначала решила, вели в другие квартиры. Одна располагалась напротив дверей Мабри, а вторая – в конце площадки. С учетом размера комнат и лестницы у Мабри в квартире и того, как здание выглядело снаружи, скорее всего, эти двери вообще никуда не вели. Вэл тряхнула головой, приводя мысли в порядок. Это не имело значения. Важно было только найти какие-нибудь улики, которые бы свидетельствовали о причастности Мабри к убийствам, что-то такое, что ясно указало бы на то, что она отравила фейри. И это надо было доказать не только Равусу, но и Грейану и всем остальным, кто считал Равуса виновным.

– Здесь хотя бы тепло, – проговорила Рут, входя в квартиру и делая круг по сверкающему мраморному полу. Ее голос эхом разнесся по почти пустым комнатам. – Раз уж мы стали домушниками, я пойду и посмотрю, что можно украсть из холодильника.

– Мы здесь для того, чтобы найти доказательства, что она отравительница. Это так, кстати, чтобы ты подумала, прежде чем совать себе в рот что попало.

Рут пожала плечами и прошла мимо Вэл.

В углу гостиной оказалась горка. Вэл заглянула сквозь стекло. Там оказался кусочек коры, оплетенный ярко-малиновыми волосами, фигурка балерины с руками на талии и в красных, как розы, туфельках, отбитое горлышко бутылки и увядший и побуревший цветок. Станные предметы, чтобы хранить их как сокровища.

Это заставило Вэл почувствовать всю безнадежность своего

предприятия. Как она опознает улики, даже если их увидит? Равус мог бы узнать эти предметы, понять их предназначение и, возможно, даже вспомнить их историю, но Вэл в них разобраться не могла. Трудно было представить Мабри сентиментальной, но она должна была быть такой когда-то, до того как гибель Тэмсона ожесточила ее.

– Эй! – окликнула ее Рут из соседней комнаты. – Посмотри сюда!

Вэл пошла на голос. Рут находилась в музыкальном салоне, рядом с маленькой арфой, установленной на оттоманке из странной розоватой кожи. Рама инструмента была сделана из позолоченного дерева, покрытого растительным орнаментом, а каждая струна имела свой оттенок. Большинство были коричневые, золотые или черные, но несколько оказались красными, а одна – лиственно-зеленой.

Рут стояла на коленях рядом с арфой.

– Не надо... – сказала Вэл, но пальцы Рут уже прикоснулись к золотистой струне.

Комнату мгновенно наполнил плач.

– Я – фрейлина королевы Никневин, – произнес странный звучный голос, полный слез. – Я была ее фавориткой и наперсницей и получала удовольствие, терзая других. У Никневин была одна игрушка, которую она очень ценила, – рыцарь из Летнего Двора. Его слезы ненависти дарили ей больше наслаждения, чем возгласы любви других. Меня отвели к королеве, и она требовала, чтобы я призналась, что у меня с ним интрига. Я отрицала это. Тогда она показала пару его перчаток и велела, чтобы я рассмотрела вышивку по краю. Это оказался аккуратный узор, вышитый моими волосами. Были и другие доказательства: свидетели наших встреч, записка его рукой с клятвами верности. Все это было неправдой. Я упала, умоляя Никневин о пощаде и обезумев от страха. И когда меня вели на смерть, я видела, как другая фрейлина, Мабри, улыбается. Сверкая глазами, она вытянула пальцы, чтобы вырвать у меня прядь волос. И теперь я должна рассказывать мою историю вечно.

– Никневин? – переспросила Рут. – И кто это такая?

– Кажется, это прежняя королева Зимнего Двора, – ответила Вэл.

Она провела пальцами сразу по нескольким струнам. Раздался нестройный хор голосов: каждый из них рассказывал свою горькую

историю и упоминал о Мабри.

– Все это волосы. Волосы жертв Мабри.

– Довольно страшное дерьмо... – начала Рут.

– Ш-ш, – остановила ее Вэл.

Один из голосов показался знакомым, но она не смогла вспомнить, когда раньше его слышала. Она снова дернула золотую струну.

– Когда-то я был придворным на службе у королевы Силариаль, – произнес мягкий мужской голос. – Я жил ради игр, развлечений, поединков и танцев. А потом я полюбил, и все эти вещи потеряли значение. Моей единственной радостью стала Мабри. Мне было желанно только то, что радовало ее. Я купался в ее наслаждении. А потом, в один праздный день, когда мы собирали цветы и сплетали гирлянды, я заметил, что она ушла в сторону. Я последовал за ней и услышал, как она разговаривала с тварью из Зимнего Двора. Они казались хорошими знакомыми. Тихим голосом Мабри передавала ему сведения, которые собрала для Зимней королевы. Мне следовало бы разгневаться, но я слишком испугался за нее. Если бы Силариаль узнала, последствия для Мабри стали бы ужасными. Я обещал любимой, что никому ничего не скажу, но попросил ее немедленно скрыться. Она пообещала мне это и горько плакала из-за того, что обманула меня. Через два дня мне предстояло встретиться на турнире с моим другом. Когда я надел доспехи, они показались мне странными, более легкими, но я не обратил внимания. Мабри сказала, что вплела в них свои волосы – как подарок на память. Когда мой друг нанес удар, доспехи смялись, и меч рассек меня целиком. Я почувствовал шелк ее волос на щеке и понял, что меня предали. И теперь я должен рассказывать мою историю вечно.

Вэл тяжело села, уставившись на арфу. Мабри – шпионка Зимнего Двора! Она сама убила Тэмсона. Равус просто стал ее инструментом.

– Кто это был? – спросила Рут. – Ты его знала?

Вэл покачала головой.

– Но Равус знал. В этой истории меч был в его руках.

Рут прикусила губу.

– Это так сложно. Как мы сможем разобраться?

– Мы уже кое в чем разобрались, – ответила Вэл.

Она встала и ушла в соседнюю комнату. Это оказалась просторная кухня. Однако в ней не было ни плиты, ни холодильника, а только одна мойка на полу из блестящей плитки. Вэл открыла один из шкафчиков, но там стояли пустые банки.

Вэл вспомнила об ореоле Равуса и золотистых глазах, выдававших его. Что-то вызывало беспокойство в этих безупречных комнатах: отсутствие пыли, упавшего волоска, пятнышка грязи и тишина, кроме звука шагов и плеска фонтана. Но если это чары, то она понятия не имела, что под ними скрыто.

Рут тоже вошла на кухню, и Вэл заметила, что у нее из рюкзака понемногу высыпается какой-то белый порошок.

– Что это? – спросила Вэл.

– Что? – Рут посмотрела на свою спину, на пол, сбросила рюкзачок и рассмеялась:

– Похоже, я порвала брезент и проткнула дырку в нашем малыше.

– Вот черт! Это хуже, чем сказочная дорожка из хлебных крошек. Мабри поймет, что мы здесь были.

Рут села на корточки и принялась сгребать муку ладонями. Но вместо того, чтобы собраться горкой, мука поднялась белым облаком, которое опадало тонким слоем пыли.

При взгляде на муку Вэл осенило.

– Постой-ка! Эй, кажется, мне придется совершить детоубийство.

Рут пожала плечами и вытащила пакет.

– Наверное, всегда можно завести другого.

Вэл разорвала бумажную упаковку и начала посыпать пол мукой.

– Здесь должно показаться что-то, чего мы не можем увидеть.

Рут схватила горсть белого порошка и бросила его в сторону двери. Вэл швырнула еще одну горсть. Вскоре в воздухе повисла

плотная пелена муки. Она обсыпала им волосы, а при дыхании налипала на язык.

Когда мука покрыла всю квартиру, девушки обнаружили вместо фонтана с рыбками сломанную трубу, из которой вода выливалась в ведра и растекалась по полу, просевшие гипсокартонные листы на потолке, расколотые кафельные плитки на стенах и россыпь мышиного помета на полу.

– Смотри.

Рут, похожая на привидение, прошла к одной из стен. Мука прилипла почти ко всей стене, но осталось большое чистое пятно.

Вэл бросила в пятно еще муки, но вместо того, чтобы прилипнуть, она словно куда-то провалилась.

– Нашли! – Вэл ухмыльнулась, подняв сжатый кулак. – Чудод близнецы включили свои силы!

Рут в ответ улыбнулась, ударив по кулаку Вэл своим.

– В виде двух психов!

– Говори за себя, – отозвалась Вэл и нырнула в дыру.

Там, в сумрачной комнате, завешанной бархатными порттьерами, находился Луис. Он лежал на ковре с узором в виде гранатов и дрожал, хотя был закутан в шерстяное одеяло. На его голове выступила кровь, а несколько косичек оказались срезанными.

Сначала Вэл изумленно уставилась на него.

– Луис? – наконец смогла выдавить она. Он поднял взгляд, щурясь, словно при ярком свете.

– Вэл? – Он поспешно сел. – А где Дэйв? С ним все в порядке?

– Не знаю, – рассеянно ответила она. – Что ты здесь делаешь?

Ее мозг продолжал лихорадочно работать.

– Разве ты не видишь, что я прикован к полу? – спросил Луис.

Он вывернул свои запястья, и она увидела, что вокруг них обернуты его туго натянутые косички.

– К полу? – тупо переспросила Вэл. – А как же ковер?

Луис рассмеялся.

– Надо полагать, тебе это место кажется красивым.

Вэл обвела взглядом низкие диванчики, книжные полки, заставленные томиками сказок в тканевых переплетах, великолепный ковер и расписные панно на стенах.

– Это одна из самых роскошных комнат, какие я видела.

– Штукатурка на стенах потрескалась, на потолке протечка, а весь угол почернел от грибка. И здесь нет никакой мебели и уж конечно никакого ковра – только дощатый пол, из которого кое-где торчат ржавые гвозди.

Вэл посмотрела на мягкий свет, лившийся из оловянной лампы под абажуром с бахромой.

– Тогда что же вижу я?

– Ореол, что же еще?

Рут заглянула в комнату.

– Что проис... Луис?

– Постой. А откуда нам знать, что ты на самом деле Луис? – спросила Вэл.

– А кем еще я могу быть?

Рут вошла, но оставила одну ногу в проеме, словно опасаясь, что он в любую секунду может закрыться.

– Мы только что оставили тебя в парке, и ты спал.

Луис опустил голову обратно на пол.

– Ага. Ну, когда я в последний раз видел Рут, она собиралась на поезд. Я ушел с Лолли и Дэйвом в парк. Мы выбрали место для ночевки рядом с замком. Лолли дремала, облокотившись на меня, и тут Дэйв вдруг встал и ушел. Я знал, что он не в себе. Черт, у меня у самого крыша ехала. Я подумал, может, ему хочется побыть одному. Но потом Дэйв не вернулся, и я пошел его искать. Я увидел, как он идет обратно по роще. И он был не один. Сначала мне показалось, что это какой-то парень – вроде как пытается с ним познакомиться, – но потом разглядел, что у него вместо волос перья. Я побежал к ним – и в эту секунду множество крошечных ладоней закрыло мне рот и здоровый глаз, меня схватили за руки и за ноги и потащили. Я слышал, как эти твари хихикали, поднимая меня в воздух. А брат

сказал: «Не беспокойся. Это совсем ненадолго!» Я не знал, что и думать, и не представлял, что окажусь здесь.

– Ты видел Мабри? – спросила Вэл. – Она что-нибудь говорила?

– Почти ничего. Ее тревожило что-то. Кто-то к ней приходил, и она из-за этого злилась.

– Нам нужно кое-что тебе рассказать, – начала Вэл.

Луис замер, сжав губы в узкую полоску.

– Что? – спросил он, и его голос прозвучал так тихо, что у Вэл защемило сердце.

– Мы считали, что пропал Дэйв. Он исчез. Кто-то притворился тобой.

– Так вы пришли сюда искать Дэйва?

– Мы пришли искать улики. Я считаю, что Мабри стоит за всеми смертями фейри.

Луис нахмурил брови.

– Погодите! Где мой брат? Он в беде?

Вэл покачала головой.

– Не думаю. Тот, кто притворился тобой, проводит время, трахая Лолли. Не думаю, что это актуально для фейри, но вот для Дэйва – определено.

Луис вздрогнул, но промолчал.

– Нам надо торопиться, – напомнила Рут, глядя Вэл по голове и приминая пальцами щетину отрастающих волос. – Хотя та сучка и не может связать тебя волосами, это не значит, что нам стоит тут задерживаться.

– Правильно.

Вэл склонилась над Луисом, разглядывая косички, которые привязывали его к полу. Она попыталась их разорвать или развязать, но они оказались прочными, словно из стали.

– Мабри срезала их ножницами, – сказал Луис. – Эта гадина чуть скальп с меня не сняла.

– По-твоему, ножницы перерезали бы косички? – спросила Рут.

Вэл кивнула.

– У нее должна быть возможность снять собственные чары. Как ты думаешь, где могут быть ножницы?

– Не знаю, – ответил Луис. – Они к тому же могут выглядеть не как ножницы.

Вэл встала и вышла в гостиную, заглянула в фонтан, где мука успела раствориться, а потом прошла к горке.

– Ты ничего не видишь?

Рут вытащила один из ящичков и вывалила его содержимое на пол.

– Ничего.

Вэл заглянула в горку, снова обратив внимание на балерину: ее согнутые руки образовывали кольца, носки пуантов были кроваво-красного цвета. Засунув руку в шкафчик, Вэл взяла ее, продела пальцы в кольца и потянула. Ноги фигурки стали сдвигаться и раздвигаться, точь-в-точь как ножницы.

– Бери арфу, – сказала Вэл. – Я освобожу Луиса.

Перед самым рассветом они пробрались обратно через рощу и подошли по ветвящимся тропкам туда, где оставили Лолли и лжеЛуиса. При ходьбе струны арфы бренчали, но Рут приглушала звуки, крепко прижимая инструмент к груди. Подойдя ближе, Вэл, Рут и Луис увидели, что фальшивый Луис не спит.

Голос Лолли звучал пискляво и дрожал.

– Тут так холодно, а ты горишь в лихорадке!

Лже-Луис посмотрел на них. Его глаза почернели по краям, губы стали темными, а кожа белой, как бумага. Лицо, покрытое потом, казалось сделанным из пластика. Дрожащими пальцами он подносил сигарету к губам. Дым почему-то не выходил из его ноздрей.

– Дэйв! – сказал настоящий Луис. Его голос звучал ровно и бесстрастно, как у Вэл, когда она увидела свою мать с Томом. Лолли уставилась на Луиса, а потом – на его двойника.

– Что... что происходит?

– Ты не увидела разницы, правда? – спросил у Лолли фальшивый Луис.

Его лицо стало изменяться, черты медленно перестраивались, становясь чертами Дэйва. Но почерневшие глаза и губы и блеск на коже остались.

Она ахнула.

Он захохотал как сумасшедший и хрипло сказал:

– Ты даже не увидела разницы, а ведь никак не хотела дать мне шанс!

– Ах ты, дерьмо!

Лолли ударила Дэйва по щеке. А потом она била его еще и еще, звонко шлепая по рукам, которые он поднял, чтобы закрыться.

Луис схватил ее за руки, но Дэйв снова начал хохотать.

– Ты думала, что ты меня знаешь? Я – Хилятик Дэйв? Дэйв-Трусишка? Дэйв-Идиот? Дэйв, который нуждается в защите брата? Ни в чем я не нуждаюсь! – Он посмотрел Луису в лицо. – Ты такой умный, правильно? Такой умный, что даже ничего не понял! Так кто из нас debil, а? У тебя найдется ученое словцо, чтобы сказать, какой ты тупица?

– Что ты сделал? – спросил Луис.

– Он заключил договор с Мабри, – ответила Вэл. – Так ведь?

Дэйв улыбнулся, но это больше походило на судорожную гримасу, словно губы растянулись слишком сильно. Когда он заговорил, Вэл могла видеть только черноту позади его зубов, словно смотрела в темный туннель.

– Ага, я заключил договор. Мне не нужно Зрение, чтобы увидеть, когда у меня есть что-то, что кому-то нужно. – Он утер лоб, и его глаза расширились еще сильнее. – Я хотел...

Внезапно Дейв рухнул, дергаясь в конвульсиях. Луис встал на колени рядом с ним и отвел ему со лба дреды, а потом резко отдернул Руку.

– Он слишком горячий. Будто кожа в огне.

– Это зелье, – сказала Вэл. – Дейв употреблял его чаще раза в

день: приходилось принимать его постоянно, чтобы оставаться в этом облике.

– В кино людей с сумасшедшим жаром кладут в ванну со льдом, – предложила Рут.

– Да? Когда у них передозировка снадобьем фейри? – огрызнулась Лолли.

– Хватай его, – сказала Вэл. – Озеро достаточно холодное.

Луис просунул руки брату под мышки.

– Осторожнее. Тело у него очень горячее.

– Возьми мои перчатки, – предложила Рут, стянула их с рук и передала Вэл.

Поспешно надев перчатки, Вэл схватила Дэйва за щиколотки. Они были горячие, как кастрюля с кипятком. Девушка подняла ему ноги. Дэйв оказался легким, словно был внутри пустым.

Вдвоем они спустились по ступенькам и прошли по тропинке через рощу к воде. Горячее тело Дэйва обжигало кожу Вэл даже сквозь перчатки. Он крутился и извивался, словно боролся с какой-то невидимой силой. Вэл стискивала зубы и не выпускала его.

Луис вошел в воду, и Вэл последовала за ним. Леденящий холод сковал им ноги, а руки, наоборот, жгло огнем.

– Ладно, давай вниз, – сказал Луис. Они опустили Дэйва в воду. От его тела пошел пар. Вэл выпустила Дэйва и направилась к берегу, но Луис продолжал держать брата, не давая его голове погрузиться в воду, словно священник, производящий крещение.

– Помогает? – окликнула их Рут. Луис кивнул, растирая лицо Дэйва. Вэл видела, что рука Луиса стала ярко-розовой, но не могла понять, обжегся он или замерз.

– Лучше, но его надо везти в больницу.

Лолли вошла в воду и уставилась на Дэйва.

– Ты, чертов debil! – крикнула она. – Как можно быть таким идиотом? – Вид у нее вдруг стал растерянным. – Зачем он делал это ради меня?

– Ты не должна винить себя, – сказала Вэл. – Будь я на твоём

месте, мне, наверное, хотелось бы его убить.

– Не могу понять, что я чувствую, – призналась Лолли.

– Вэл, – сказал Луис. – Нам надо пойти и попросить Равуса о помощи.

– Равуса? – переспросила Лолли.

– Он уже один раз спас ему жизнь, – ответил Луис.

Вэл представила лицо Равуса – замкнутое, с потемневшими от ярости глазами. Она вспомнила все, что знала о Мабри, и то, как платил Дэйв за ее помощь.

– Не знаю, захочет ли он это сделать сейчас.

– Я отвезу Дэйва в больницу, – предложила Лолли.

– Поезжай с ней, ладно? – попросила Вэл Рут. – Пожалуйста.

– Я? – Рут явно изумилась. – Да я его даже не знаю!

Вэл наклонилась к ней.

– Но я знаю тебя.

Рут возвела глаза к небу.

– Ладно. Но ты у меня в долгу. Ты должна мне месяц безмолвного служения.

– Я должна тебе даже год служения, – ответила Вэл и зашла в воду, чтобы помочь Луису поднять брата.

Они медленно добрались до улицы. Первое такси, которое они попытались остановить, начало тормозить, но, увидев Дэйва, шофер уехал, не разрешив Лолли открыть дверцу. Следующая машина остановилась, и водитель не обратил внимания на то, что две девушки сели на заднее сиденье, а Луис уложил корчащегося Дейва им на колени.

– Держи, – сказала Рут, передавая Вэл арфу.

– Мы о нем позаботимся, – пообещала Лолли.

– Я приеду, как только смогу.

Луис секунду колебался, прежде чем закрыть дверь.

Такси тронулось, и, пока оно отъезжало, Вэл смотрела на

бледное лицо Рут сквозь заднее стекло и пыталась разобрать слова, которые она произносила.

Глава 12

*Был сладок и на губах пылал
Ее поцелуя горячий ток,
Как пред алтарем огня фиал,
Иль кровоточащий граната бок,
Иль опрокинутый в цветок
Густого вина бокал.*

Оскар Уайльд. «В золотой комнате:
Гармония»

Запряженный экипаж остановился под аркой мостовых опор. Отсюда было далеко до парка или другого места, где положено быть каретам, а светло-гнедая лошадь выглядела беспокойной в бледных лучах рассвета. Кучера при ней не оказалось.

– Ты считаешь, кто-то ехал в экипаже до супермаркета? – спросила Вэл.

– Это не лошадь, – отозвался Луис, оттаскивая Вэл подальше.

Глаза у него покраснели, а губы растрескались от холода.

– Радуйся, что не видишь, как оно выглядит на самом деле.

Это была обычная лошадь с широкой провислой спиной и массивными копытами. Вэл прищурила глаза, так что вся картина стала расплываться, но все равно не поняла, что именно увидел Луис. Однако она решила его не расспрашивать.

– Пошли.

Держась противоположной стены, она проскользнула под арку. Луис шел за ней. Она постучала по пеньку, но в тот момент, когда они протиснулись в проем, Вэл услышала, как кто-то с топотом спускается по лестнице.

Они не успели скрыться и чуть не столкнулись с Грейаном.

Его руки были покрыты алой кровью, которая капала с кончиков пальцев и свертывалась на пыльных ступеньках. В одной руке он сжимал оба бронзовых ножа. Они тоже блестели от крови.

– Все сделано, – устало проговорил огр. – Людишки, я хочу дать вам урок, чтобы вы больше не лезли в дела фейри.

– Где Равус? – спросила Вэл. – Что случилось?

– Хочешь еще раз сразиться со мной, смертная? Твоя преданность похвальна, хотя и неуместна. Прибереги отвагу для более достойного противника. – Он протиснулся мимо нее и спустился до конца лестницы. – У меня нет желания приносить сегодня новую смерть.

Все сузилось до этой секунды, до этого слова. Смерть.

«Не может быть!» – сказала себе Вэл, хватаясь за стену, чтобы не упасть. Мгновение ей казалось, что она не сможет пройти остаток пути вверх. Она этого не вынесет.

Луис медленно поднялся по лестнице до площадки, а потом вернулся обратно и прижал палец к губам:

– Она там.

Вэл начала торопливо подниматься, и Луис придержал ее, стиснув пальцы на ее руке.

– Тише! – прошипел он.

Вэл кивнула, не осмеливаясь спросить про Равуса. Вдвоем они осторожно поднялись по ступенькам. Облачко пыли поднималось при каждом шаге, железные ступени скрипели, а струны арфы позвякивали. Вэл надеялась, что эти звуки теряются в грохоте транспорта на мосту. Когда они почти дошли до площадки, она услышала беспокойный голос Мабри:

– Где ты его держишь? Я знаю, что ты здесь хранишь яд. Ну же, окажи мне последнюю услугу!

Вэл затаила дыхание в ожидании ответа Равуса, но тот молчал. Луис казался мрачным.

– Раньше ты всегда так рвался мне угодить! – с горечью продолжила Мабри.

В комнате что-то упало – Вэл показалось, что она услышала звон

бьющегося стекла.

Девушка тихо прошла вперед и раздвинула полиэтиленовую занавеску. Рабочий стол Равуса был перевернут, книги и бумаги разбросаны по всей комнате. Спинка кресла была разодрана сзади, и оттуда вывалились перья и пенопласт. Несколько свечей мерцали на полу в окружении ручейков воска. На каменных стенах виднелись глубокие борозды. Равус лежал на полу на спине, положив руку на грудь, и из-под его пальцев сочилась кровь. Темные влажные полосы окрасили пол, словно Равус по нему ползал. Мабри наклонилась над ящиком шкафа и одной рукой копалась в его содержимом, а в другой держала блюдо, на котором лежало что-то красное.

Вэл прокралась ближе, не обращая внимания на предостерегающий жест Луиса. Страх за Равуса заставил ее забыть обо всем.

– Знаешь, сколько мне пришлось ждать твоей смерти? – спросила Мабри, и теперь ее голос звучал отчаянно. – Наконец-то я освобождаюсь от изгнания! Я свободна и вернусь к Летнему Двору и работе. Но теперь все наслаждение, которое я надеялась получить от твоей смерти, у меня украдено. Кто-то должен отвечать за убийство фейри. И в этом ты оказал мне услугу. Никто не любит незавершенности.

Мабри взяла из шкафа какой-то сосуд и глубоко вздохнула.

– Придется обойтись этим. Моя новая госпожа нетерпелива и хочет, чтобы все было закончено до середины зимы. Не забавно ли, что после стольких лет службы, при всей твоей верности, именно меня решили сделать ее агентом при Зимнем Дворе? Я не ожидала, что королева Летнего Двора захочет иметь двойного агента! Возможно, мне понравится работать на Силариаль. В конце концов, она показала себя не менее безжалостной, чем моя собственная милая королева.

Вэл раздвинула полиэтиленовую занавеску и проскользнула в комнату. Равус повернул голову к стене, на которой висел меч Тэмсона, но золотые глаза потускнели и затуманились. В его груди зияла глубокая рана, которую наполовину прикрывала ладонь, словно в смерти он давал какое-то обещание. В комнате стоял странный отвратительно-сладкий запах, от которого Вэл затошнило.

«Положа руку на сердце, клянусь – чтоб мне умереть на этом

месте!»

Вэл сотрясалась от дрожи, и ей уже не было дела до Мабри, до политики и планов. Ни до чего, кроме Равуса.

Она не могла оторвать взгляд от крови, которая запятнала уголки его губ и окрасила зубы в розовый цвет. Кожа у него стала очень бледной, однако зеленоватый оттенок сохранился.

Мабри резко обернулась. На блюде, которое она держала в руке, лежал кусок плоти, вырванный из груди Равуса. Его сердце. Вэл почувствовала, что вот-вот потеряет сознание. Ей хотелось кричать, но горло свело судорогой.

– Луис, – произнесла Мабри. – Твоему брату будет неприятно узнать, что тебе так быстро надоело мое гостеприимство.

Вэл полуобернулась. Луис стоял у нее за спиной, и на его щеке дрожал мускул.

– И моя арфа! – В голосе Мабри звучала озорная радость, которая совершенно не сочеталась с тем, что творилось вокруг, с разбитой мебелью и кровью. – Равус, посмотри, что принесли твои слуги. Музыку!

– Зачем ты с ним разговариваешь? – крикнула Вэл. – Разве ты не видишь, что он умер?

При звуке ее голоса Равус чуть повернул голову.

– Вэл? – простонал он.

Вэл вздрогнула и попятилась от тела. Он не мог говорить! Надежда в ней боролась с ужасом, и она почувствовала, как к горлу подступает тошнота.

– Ну же, Луис, – пригласила Мабри, – сыграй на ней. Я уверена, что ему будет спокойнее, если он узнает.

Луис дернул струну – и по комнате разнесся нежный голос Тэмсона, рассказывающего свою историю. В ту секунду, когда Тэмсон произнес слово «предали», стеклянный меч упал со стены, и в его глубине образовалась трещина, словно во льду озера.

– Тэмсон, – тихо произнес Равус.

Он приподнял голову, и его глаза были полны ненависти, но рука заскользила в крови, не давая опоры телу. Он со стоном упал

обратно.

Губы Мабри изогнулись, и она снова вернулась к Равусу.

– Ах, стоило видеть твое лицо, когда ты рассек его мечом! Твои волосы станут следующей струной на моей арфе, оплакивающей эту жалкую историю на вечные времена!

– Отойди от него! – сказала Вэл, подбирая отломившуюся ножку стола.

Мабри высоко подняла блюдо.

– Правда удивительно, что тролли какое-то время способны жить без сердца? У него останется еще примерно час, если я его не потороплю. Но если ты не уйдешь с дороги, я брошу сердце на землю.

Вэл замерла, уронив деревяшку.

– Вот и хорошо, – сказала Мабри. – Я оставляю его в твоих умелых руках.

Ее копыта простучали вниз по лестнице, подол платья волочился следом.

Вэл упала на колени рядом с Равусом. Длинный когтистый палец поднялся, чтобы прикоснуться к ее лицу. Его мягкие губы и зубы стали темно-малиновыми.

– Я хотел, чтобы ты пришла. Мне не следовало бы, но я хотел.

– Скажи мне, что тебе подать, – попросила Вэл. – Какие травы надо смешать?

Он покачал головой, и его дыхание наполнилось хрипами.

– Это не вылечить.

– Тогда я пойду и верну твое сердце, – жестко заявила Вэл.

Она вскочила, поднырнула под полиэтилен и побежала вниз. Вэл ударилась о стену, протискиваясь на улицу, и холодный воздух обжег ей лицо. Мабри и экипаж исчезли.

Все кружилось – безумно, одуряюще, неуправляемо, и она ничего не могла сделать. Не было никакого пути. Никакого плана.

Единственное, над чем у Вэл оставалась власть, была она сама. Она могла бы убежать отсюда, выждать, пока не станет такой

холодной и оцепеневшей, что перестанет чувствовать вообще. Но в любом случае именно она станет принимать решения и контролировать ситуацию. Ей не придется смотреть, как Равус умирает.

Сев на корточки прямо у стены, она захлебывалась сухими рыданиями. Это было похоже на рвоту, когда в желудке уже ничего не осталось. Вэл впилась ногтями себе в запястье, и боль помогла ей прийти в себя. Она заставила себя замолчать и подняться обратно по лестнице. Луис стоял на коленях рядом с Равусом, и их пальцы переплетались.

– Амарантовый шнур, – хрипло говорил тролль, и на его губах образовался красный пузырь, – сон младенца, аромат лета. Сплети их в диадему для брата и своими руками надень ему на голову.

– Я не знаю, как найти эти вещи, – отозвался Луис срывающимся голосом.

Вэл посмотрела на них, а потом на стену с пыльными занавесками.

– Прости меня, – сказала она.

Равус повернулся к ней, но девушка не стала дожидаться ответа. Она потянула занавески, срывая их, – и комнату залил свет. В воздухе заплясали пылинки.

– Что ты делаешь? – закричал Луис. Не отвечая ему, Вэл бросилась к следующему окну.

Равус приподнялся на локте. Его кожа уже стала серой. Он открыл рот, чтобы заговорить, но губы застыли, чуть приоткрывшись. Слова остались произнесенными. Он превратился в камень – в статую, созданную руками какого-то свихнувшегося скульптора, а размазанная кровь – в гравий.

Луис подбежал к Вэл, которая срывала остальные занавески.

– Ты с ума сошла?

– Нам нужно время, чтобы помешать Мабри! – крикнула в ответ Вэл. – Он не умрет, пока каменный. Он не умрет до сумерек!

Луис медленно кивнул.

– Я думал, что мог бы... Я не догадался про солнце.

– Равус сможет сам сплести диадему для Дэйва, когда придет в себя. Ведь ты его об этом просил, правда?

Вэл подняла меч Тэмсона, который так ярко сверкал в лучах солнца, что она не могла смотреть на него. Она держала рукоять обеими руками.

– Мы найдем Мабри и спасем обоих.

Луис отошел от нее на шаг.

– Я считал, что волшебные мечи не ломаются.

Вэл села на пол по-турецки, положив меч на колени. Под стеклом виднелась трещина, но когда она провела пальцами по поверхности, то та оказалась гладкой.

– Мабри сказала что-то насчет того, что она – агент Зимнего Двора.

– Двойной агент. – Луис задумчиво начал крутить большим и указательным пальцами шарик на верхней губе. – И она искала яд.

– Фейри в парке говорили, что Силариаль приходила и встречалась с Мабри. Они решили, что у Мабри имелись какие-то улики. А может, они заключили сделку?

– Договорились, что она кого-то отравит?

– Так, – проговорила Вэл. – Если Силариаль знала, что в отравлениях изгнанников Летнего Двора виновата Мабри, Мабри оказалась в ее власти. Чтобы спасти шкуру, ей пришлось бы сделать все, что бы Силариаль ни приказала. Даже вернуться к своему Двору и кого-то убить.

– Их отравил мой брат, да? – спросил Луис.

– Что?

– Дэйв работал для Мабри: он приносил фейри яд, чтобы казалось, будто в их смерти виновен Равус. А в качестве благодарности Дэйву она связала меня и держала у себя. Вот что ты имела в виду, когда говорила, что Силариаль виновата. Ты хотела сказать, что она всем руководила, но отравителем был кто-то другой.

– Я этого не говорила. Мы этого не знаем.

Луис поднял руку и начал перебирать косички. Вырвав

несколько выбившихся волос, он стал молча накручивать их на пальцы.

– Я удивлена, что тебя это трогает, – огрызнулась Вэл, давая выход бессильному гневу. – Вот уж не думала, что ты сочтешь убийство фейри чем-то важным!

– Ты меня считала убийцей, да?

Луис отвернулся от нее.

Вэл понимала, что ведет себя жестоко, но слова слетали с губ словно живые, как пауки, червяки и жуки, спешившие вылезти из ее рта.

– Конечно считала. Все твои разговоры о том, что фейри опасные – а потом вдруг, ну надо же, их травят крысиным ядом! Если бы ты догадался, что Дэйв – отравитель, то что бы сделал? Стал бы его останавливать?

– Конечно стал бы! – отрезал Луис.

– А, перестань! Ты же ненавидишь фейри!

– Я их боюсь! – крикнул Луис, а потом глубоко вздохнул и заговорил ровным голосом. – У отца было Зрение, и это свело его с ума. Мама умерла. Брат в ступоре. А я в семнадцать – одноглазый бродяга. Страна фейри – это сплошной праздник.

– Ну, так открывай шампанское, – сказала Вэл, подходя к нему так близко, что почувствовала жар его тела, и обвела рукой комнату. – Еще один из них мертв.

– Я совсем не то говорил. – Луис отвернулся от нее.

Яркий свет смывал с его лица все краски. Он подошел к телу Равуса, протянул руку, чтобы потрогать камень, и тут же отдернул ее, словно мог обжечься.

– Я просто не знаю, что мы можем сделать.

– Кого, по-твоему, должна отравить Мабри для Силариаль? Это наверняка кто-то из Зимнего Двора.

– Равус называл его Ночным.

Вэл прошла к карте, висевшей на стене в кабинете Равуса. Там, за пределами подробной схемы Нью-Йорка, далеко от булавок,

отмечавших каждую смерть, были две черные метки: одна в глубине штата Нью-Йорк, вторая – в Нью-Джерси. Она прикоснулась к булавке, воткнутой в Джерси.

– Это здесь.

– Но кого? Мы в этом совершенно не разбираемся!

– Разве не там появился новый король? – спросила Вэл. – Мабри говорила что-то о середине зимы. Может быть, она должна была обеспечить именно его смерть?

– Может быть.

– Но даже если не он – это не имеет значения. Нам нужно только узнать, где она находится.

– Но людям не положено бывать при Дворах, особенно при Зимнем. Даже большинство фейри отказываются там появляться.

– Мы должны отправиться туда и забрать сердце Равуса. Если мы этого не сделаем, он умрет.

– И что мы будем делать? Явимся туда и попросим, чтобы нам его отдали?

– Более или менее, – ответила Вэл. Вставая, она увидела, что на полу рядом со стеблями асфодели и плодами шиповника лежит крошечный пузырек с наркотическим зельем. Она подняла его.

– А это зачем? – спросил Луис, хотя наверняка прекрасно знал ответ.

Вэл вспомнила Дэйва, но даже его образ с высохшей кожей и почерневшими губами не уменьшил ее жажды наркотика. Снадобье может ей понадобиться. Оно необходимо ей уже сейчас. Одна щепотка – и вся эта боль пройдет.

Но пока девушка запихнула пузырек в рюкзак, выудила оттуда обратные билеты, купленные несколько недель назад, и протянула их Луису.

Глава 13

Сразу после чудовищ умирают герои.

Роберто Калассо. «Брак Кадма и Гармонии»

Вэл несколько секунд сидела на месте, а потом начала беспокойно расхаживать по вагону. Каждый раз, когда кондуктор проходил мимо, она спрашивала у него, какая остановка следующая, не опаздывают ли они и нельзя ли ехать быстрее. Он отвечал, что нельзя, и спешил уйти, бросая взгляд на меч, завернутый в грязное одеяло и перевязанный шнурками от ботинок. Когда Вэл садилась в поезд, ей пришлось показать рукоять и объяснить, что это просто стеклянное украшение. Она сказала, что доставляет покупку.

Луис тихо разговаривал по мобильному телефону Вэл, повернув голову к окну. Сначала он обзвонил все больницы, какие только смог вспомнить, и только потом догадался позвонить на мобильник Рут. Теперь, когда он наконец с ней связался, его оставило напряжение: он перестал впиваться пальцами в брезент рюкзака и сжимать челюсти с такой силой, что у него судорожно дергались щеки.

Луис закончил разговор.

– У тебя телефон почти разрядился.

Вэл кивнула.

– Что она сказала?

– Состояние Дэйва критическое. Лолли сбежала. Она не выносит больниц – ненавидит запахи или еще что-то. Рут там пришлось нелегко, потому что она отказалась говорить, что Дэйв принял. И, конечно, ей не разрешают его видеть, потому что она не родственница.

Вэл подергала разорванный край пластиковой обивки и, раздувая ноздри, несколько раз вздохнула. Она почувствовала новый прилив ярости, которая и так была невыносимо сильной.

– Может, ты...

– Я ничего не смог бы сделать. – Луис отвернулся и смотрел в окно. – Он не выживет, да?

– Выживет, – решительно заявила Вэл. Она может спасти Равуса. Равус спасет Дэйва. Это словно черные костяшки домино, установленные извилистыми рядами, и самое главное – их не опрокинуть.

Глядя на свои руки в занозах и пятнах грязи, Вэл не могла представить, что они могут кого-то спасти. Мысли остановились на флаконе у нее в рюкзаке. Снадобье соблазняло, обещало сделать ее быстрее, сильнее и прекраснее. Но Вэл не допустит глупостей и не станет такой, как Дэйв. Не больше щепотки. Не больше одного раза за сегодняшний день. Просто оно необходимо ей сейчас, чтобы держать себя в руках, погасить ярость и горе и одолеть Мабри.

Луис устроился на противоположном сиденье, закрыв глаза и скрестив руки на груди. Его голова лежала на рюкзаке Вэл, который он приткнул к металлической раме окна. Он даже не заметит, если она тихо уйдет в туалет.

Вэл встала, но что-то привлекло ее взгляд. Край одеяла съехал, открыв рукоять стеклянного меча, казавшегося в солнечном свете воздушным. Он напомнил Вэл про сосульки в волосах матери Равуса.

Равновесие. Как у искусно изготовленного меча. Идеальный баланс.

Она не сможет доверять себе, если внутри ее будет кипеть зелье, делая ее то опасной или рассеянной, то мечтательной или сосредоточенной. Неуравновешенной. Лишенной баланса. Вэл не знала, долго ли сможет удерживаться от искушения его принять, но заставила себя оттянуть этот момент еще на секунду. И на следующую секунду тоже. Вэл закусила губу и снова начала расхаживать по проходу.

Вэл и Луис сошли на остановке Лонг-Бранч. Они выскользнули на бетонную платформу, как только двери начали открываться. Несколько такси с желтыми маячками на крышах ждали у станции.

– Что будем делать теперь? – спросил Луис. – Где мы, к черту?

– Идем ко мне домой, – ответила Вэл. – Нам нужно одолжить машину.

Взяв меч за рукоять, она положила завернутый клинок себе на

плечо и пошла вперед.

Кирпичный домик казался меньше, чем Вэл его помнила. Побуревшую траву засыпало листьями, деревья стояли черные и голые. Перед домом они увидели красную «миату» матери Вэл. Машина была припаркована на улице, хотя матери полагалось находиться на работе. Щиток покрывали смятые салфетки и пустые стаканчики из-под кофе. Вэл нахмурилась: матери не свойственна неряшливость.

Вэл открыла сетчатую дверь, чувствуя себя словно во сне. Все казалось одновременно и знакомым, и странным. Входная дверь была не заперта, телевизор в гостиной не работал. Несмотря на то, что день клонился к вечеру, свет в доме не горел.

Вэл стало не по себе, потому что она снова оказалась в гостиной, где увидела Тома с матерью, но еще более непонятным было то, что эта комната показалась ей очень тесной. Каким-то образом комната росла в воображении, пока не стала такой огромной, что невозможно было представить себе, как ее пересечь, чтобы попасть в собственную спальню.

Вэл сняла меч с плеча и бросила рюкзак на диван.

– Ма? – тихо позвала она.

Ответа не было.

– Просто найди ключи, – посоветовал Луис. – Прощение получить проще, чем разрешение.

Вэл начала поворачиваться к нему, чтобы огрызнуться, но движение на лестнице остановило ее.

– Вэл! – сказала мать, сбегая по ступенькам, и остановилась на нижней площадке.

Глаза у нее покраснели, лицо было не накрашено, волосы распущены и спутаны. Вэл при виде матери одновременно почувствовала и вину, и чувство удовлетворения (так ей и надо!) из-за того, что мать страдает, и глубочайшую усталость. Ей хотелось, чтобы они обе перестали мучиться, но не знала, как это сделать.

Мать медленно спустилась по последним ступенькам и крепко обняла Вэл. Девушка прислонилась к ее плечу, ощутив тонкий аромат

мыла и духов. Глаза защипало от прилива чувств, но Вэл отстранилась.

– Я так волновалась! Я все время думала, представляла себе, что ты вот-вот войдешь, именно так, но ты все не приходила. Дни шли и шли, а ты не приходила, – срывающимся голосом повторяла мать.

– Я пришла, – сказала Вэл.

– Ох, милая! – Мать нерешительно подняла руку и провела пальцами по голове Вэл. – Ты такая худая. И твои волосы...

Вэл вывернулась из-под ее руки.

– Перестань, ма. Мне мои волосы нравятся.

Мать побледнела.

– Я не это имела в виду. Ты всегда красивая, Валери. Просто ты выглядишь совсем другой.

– Я и стала другой, – сказала Вэл.

– Вэл, – напомнил ей Луис. – Ключи.

Она бросила на него хмурый взгляд, а потом вздохнула.

– Мне нужно взять машину.

– Тебя не было несколько недель. Ты не можешь снова уйти!

Мать Вэл впервые посмотрела на Луиса.

– Я вернусь завтра.

– Нет. – В голосе матери зазвучали ноты паники. – Вэл, прости меня. Я прошу прощения за все. Ты даже не представляешь себе, как я за тебя тревожилась, чего только не придумывала. Я все ждала, что мне позвонят и скажут, что полиция нашла тебя мертвой в кювете. Ты не можешь заставить меня снова все это пережить!

– Мне нужно кое-что сделать, – сказала Вэл, – и у меня мало времени. Послушай, я не понимаю про тебя и Тома. Не знаю, о чем ты думала и как такое случилось, но...

– Ты, наверное, подумала, что я...

– Но мне это уже неинтересно.

– Тогда почему... – начала мать.

– Это не имеет отношения к тебе, и я не могу вернуться домой, пока все не закончится. Пожалуйста.

Мать вздохнула.

– Ты не сдала экзамен по вождению.

– Ты умеешь водить? – Луис только сейчас об этом подумал.

– У меня есть разрешение, – сказала Вэл матери, а потом повернулась к Луису. – Я прекрасно вожу. Я просто не умею парковаться параллельно тротуару.

Мать Вэл прошла на кухню и вернулась с ключами, подвешенными на цепочку с хрустальной буквой «Р».

– Я доверяю тебе, Валери, так что держи. Не заставляй меня пожалеть об этом.

– Не заставлю, – пообещала Вэл. Мать положила ключи на ладонь Вэл.

– Ты обещаешь вернуться завтра? Обещай мне!

Вэл вспомнила, как горели губы, когда она не сдержала своего обещания вернуться к Равусу в назначенное время. Она кивнула. Луис открыл входную дверь. Вэл повернулась к выходу, не глядя на мать.

– Ты все равно моя мама, – сказала она.

Спускаясь со ступенек крыльца, Вэл чувствовала на лице тепло солнечных лучей и думала, что все будет нормально.

Вэл вела машину по знакомым дорогам, напоминая себе подавать сигналы и следить за скоростью. Она надеялась, что их никто не остановит.

– Знаешь, – сказал Луис, – когда я в последний раз ехал на машине, это был «жучок» моей бабушки: мы ехали в магазин, чтобы купить что-то на праздник. Кажется, это был День Благодарения. Она жила на Лонг-Айленде, где машины нужны, иначе никуда не попадешь. Я это помню потому, что перед этим отец отвел меня в сторонку и сказал, что видит в саду гоблинов.

Вэл ничего не ответила. Она сосредоточилась на дороге.

Она провела «миату» между колонн, обозначавших въезд на кладбище. Их кирпичную кладку обвивали ветви дикого винограда с осыпавшимися листьями. Само кладбище поднималось холмом, который был усеян белыми надгробиями и склепами. Несмотря на то, что ноябрь уже близился к концу, трава там оставалась зеленой.

– Ты что-нибудь видишь? – спросила Вэл. – Мне это кажется просто обычным кладбищем.

Сначала Луис ей не ответил. Он смотрел в окно и пальцами одной руки бессознательно прикасался к начавшему запотевать стеклу.

– Это потому, что ты слепая.

Вэл нажала на тормоз и резко остановила машину.

– А что видишь ты?

– Они повсюду.

Луис взялся за дверную ручку. Его голос был чуть громче дыхания.

– Луис?

Вэл выключила мотор. Его голос казался далеким, словно он разговаривал сам с собой.

– Господи, ты только посмотри на них! Кожистые крылья. Черные глаза. Длинные когтистые пальцы. – Тут он посмотрел на Вэл, как будто только сейчас вспомнил о ней, и крикнул: – Пригнись!

Она стремительно нырнула вниз и ткнулась головой ему в колени, ощущая тепло рук, обхвативших ее. Над крышей машины со свистом пронесся ветер.

– Что происходит? – спросила Вэл, стараясь перекричать вой ветра.

Что-то зацарапало по кожаной крыше машины, капот затрясся.

А потом воздух успокоился, ветер исчез. Когда Вэл медленно подняла голову, ей показалось, что ни единый лист не шевелится. Кладбище замерло.

– Вся конструкция из стекловолокна. – Луис посмотрел вверх. – Они смогли бы когтями распороть крышу, если бы захотели.

– А почему они этого не сделали?

– Думаю, хотят посмотреть, не приехали ли мы для того, чтобы бросить цветы на какую-нибудь могилу.

– Им не нужно ждать. Мы выходим.

Перегнувшись через спинку, Вэл взяла с заднего сиденья стеклянный меч. Луис схватил рюкзак Вэл и повесил его через плечо.

Вэл закрыла глаза и глубоко вздохнула. У нее ныл живот, как перед важным матчем, но сейчас все было по-другому. Она ощущала тело как чужое, механическое и сосредоточилась на том, чтобы подмечать каждый звук и любое изменение цвета и формы, отмечая все остальное. Адреналин будоражил кровь, охлаждал пальцы и ускорял пульс.

Сжимая меч, Вэл открыла дверцу и вышла из машины.

– Я пришла с миром, – сказала она. – Отведите меня к вашему предводителю.

Невидимые пальцы сомкнулись на ее коже, щипали, дергали за волосы, тащили и толкали ее на холм, где пучки травы приподнимались и открывали черную землю. Девушка попыталась крикнуть, пока падала ничком, лицом в землю. Подавившись криком, она вдохнула густой каменный запах.

Вэл уперлась руками в землю и попыталась подняться, но почва, камни и трава под ней рассыпались, и она полетела в темноту, оплетенную корнями.

Вэл очнулась в зале, заполненном фейри. Она была закована в золотые кандалы.

На земляном возвышении, на троне из березы с бледной, как кости, корой восседал беловолосый рыцарь. Он подался вперед и подозвал к себе зеленокожую крылатую девушку, которая смотрела на Вэл черными нечеловеческими глазами. Крылатая фейри наклонилась и тихо сказала что-то рыцарю на троне. Его губы изогнулись в усмешке.

Над Вэл возвышалась внутренняя сторона холма, полого, похожего на миску. С потолка свисали длинные корни. Они шевелились и изгибались, словно пальцы, которым никак не

удавалось дотянуться до желаемого.

Вокруг Вэл всевозможные существа перешептывались, перемигивались и разглядывали ее. Некоторые были высокими и худыми, как жерди, другие, крошечные, порхали по воздуху, как Иглинкс. Одни носили рога, которые отгибались от лба назад, другие трясли пестро-зелеными гривами, густыми, словно шерсть на бобине, а кое-кто расхаживал на странных невообразимых ногах. Вэл отпрянула от девушки с нежными крыльями и пальцами, цвет которых постепенно изменялся от опалово-белого до синего на кончиках. Куда бы она ни смотрела, нигде не видела ничего привычного. Она уже пролетела всю кроличью нору, до самого дна.

Сморщенный мужчина с длинными золотыми волосами преклонил колени перед рыцарем на троне, а потом выпрямился легко, словно мальчишка. Он бросил хитрый взгляд на Вэл.

– Они нашли вход с такой легкостью, словно им показали, но кто бы стал раскрывать тайну людям? Загадка, которой вы можете насладиться сполна, милорд Ройбен.

– Это ты верно сказал.

Ройбен кивнул ему, и фейри отступил назад.

– Я могу решить эту загадку, – произнес знакомый голос.

Вэл перекатилась на спину, ударившись о Луиса, и повернула голову в сторону говорящей. Луис заворчал. Мабри встала над ними – и подол ее красно-коричневого платья скользнул по щеке Вэл. Козлоногая фейри подняла украшенную фигурками серебряную коробочку и сделала легкий реверанс.

– У меня то, что они ищут.

Ройбен выгнул белую бровь.

– Мой Двор недоволен тем, что солнечный свет веселился и плясал по нашим покоям – пусть только на один миг, пока входили пленники.

Луис повернулся на бок, и Вэл увидела, что он тоже скован и его лицо в крови. Все стальные украшения были вырезаны из его плоти.

Мабри потупила глаза, но не выглядела очень смущенной.

– Позвольте мне заняться как светом, так и теми, кто его принес.

– Ах ты, сволочь... – начала Вэл, но удар в плечо заставил ее замолчать.

– Он тебя ни о чем не спросил, – прошипел золотоволосый фейри. – Так что молчи.

– Нет, – произнес король Зимнего Двора, – пусть говорят. Мы так редко принимаем смертных гостей. Я могу вспомнить, когда это было в последний раз, но тот случай просто незабываемый.

Кое-кто из собравшейся толпы захихикал, хотя Вэл и не могла понять почему.

– Мальчишка обладает истинным Зрением, если я не ошибаюсь. Кто-то из нас выколол тебе глаз, да?

Луис обвел взглядом зал. На его лице был написан страх. Он слизнул кровь с губы и кивнул.

– Интересно, что ты видишь, когда смотришь на меня, – проговорил Ройбен. – Но давай скажи нам, за чем ты явился. Это действительно собственность Мабри?

– Она вырезала сердце у моего... – начала Вэл, – у одного из вашего народа – у тролля. Я пришла, чтобы забрать его.

Мабри рассмеялась на это низким чувственным смехом. Кое-кто в толпе тоже засмеялся.

– Равус уже давно умер, гниет у себя в комнатах. Ты ведь должна это знать. Зачем тебе его сердце?

– Мертвый он или нет, – ответила Вэл, – но я пришла за сердцем и заберу его.

По губам Ройбена скользнула ироническая улыбка, и Вэл почувствовала, как к ней подползает ужас. Он рассматривал Вэл и Луиса бледными глазами.

– То, что ты просишь, не принадлежит мне. Но, возможно, моя подданная проявит щедрость.

– Не думаю, – сказала Мабри. – Когда поглощаешь сердцевину чего-то, к тебе переходит часть ее силы. Я с удовольствием съем сердце Равуса. – Она посмотрела сначала на Луиса, а потом на Вэл. – И оно доставит мне еще больше удовольствия, раз я буду знать, что вы хотели его получить.

Вэл перекатилась на колени, а потом встала, хотя ее запястья по-прежнему оставались скованными за спиной. Кровь стучала в ушах так сильно, что заглушала все остальные звуки.

– Сразись со мной за него. Я поставлю за его сердце свое.

– Сердца смертных слабые. К чему мне такое сердце?

Вэл шагнула к ней.

– Если я такая слабая, то ты просто трусиха, раз не хочешь со мной сражаться. – Она повернулась к толпе фейри. – Я ведь всего лишь человек, правильно? Я – ничто. Исчезаю за один ваш вздох, так говорил Равус. Так что если вы боитесь меня, то вы еще слабее.

Глаза Мабри опасно сверкнули, но лицо оставалось безмятежным.

– Ты очень смела, если говоришь такое здесь, при Дворе, у ног моего нового повелителя.

– Я не боюсь говорить, – ответила Вэл. – Так же как и ты смеешь держаться так заносчиво, хотя пришла сюда только для того, чтобы убить его, как убила Равуса.

Мабри засмеялась резко и отрывисто, но среди фейри послышался ропот.

– Позволь мне высказать предположение, – лениво проговорил Ройбен. – Я ни на миг не должен прислушиваться к словам этой смертной.

Мабри открыла рот – и тут же закрыла его снова.

– Прими вызов, – сказал Ройбен. – Я не допущу, чтобы говорили, будто кто-то из моего Двора не одолел человеческого ребенка. И я не допущу, чтобы мою убийцу называли трусливой.

– Как пожелаете, – ответила Мабри, резко поворачиваясь к Вэл. – Когда я с тобой расправлюсь, я выколую Луису второй глаз и сделаю из ваших костей новую арфу.

– Натяни меня на свою арфу, – прошипела Вэл, – и я стану проклинать тебя всякий раз, как ты дернешь струну.

Ройбен встал.

– Ты согласна с условиями поединка? – осведомился он.

Вэл заподозрила, что он дает ей возможность что-то сделать, но не могла догадаться, что именно.

– Нет, – заявила Вэл. – Я не могу решать за Луиса. Он не имеет никакого отношения к моему вызову.

– Я могу сам делать ставки, – произнес Луис. – Я согласен с условиями Мабри, если она тоже кое-что учтет. Она может меня получить, но если Вэл победит, тогда мы свободны. Нас отсюда отпускают.

Вэл посмотрела на Луиса, радуясь его предусмотрительности, и поразилась собственной недогадливости.

Ройбен кивнул.

– Хорошо. Если смертная побеждает, я даю ей и ее спутнику право свободного прохода через мои земли. И поскольку мы не обговорили условия боя, их выберу я. Вы будете сражаться до первой крови. – Он вздохнул. – Не думайте, что в этом есть жалость. Если Мабри выиграет ваши сердца и кости, пока вы живы, такой исход едва ли предпочтительнее благополучной смерти. Однако у меня есть к Мабри вопросы, поэтому она нужна мне живой. А теперь, Пух Чертополоха, освободи смертных и отдай девице ее оружие.

Золотоволосый мужчина всунул зазубренный ключ в замок, и кандалы раскрылись, упав на землю с глухим стуком, который эхом разнесся под земляным куполом.

Через секунду Луис встал на ноги, растирая запястья.

Женщина с длинными косичками на подбородке принесла Вэл стеклянный меч и согнула колено, протягивая оружие на ладонях. Меч Тэмсона. Вэл посмотрела на Мабри, но если та и узнала меч, то виду не подала.

– Ты это можешь сделать, – сказал Луис. – Что она понимает в боях? Она не рыцарь. Только не дай ей отвлечь тебя чарами.

Чары. Вэл посмотрела на рюкзак, висевший у Луиса на плече. Там был почти полный пузырек волшебного зелья.

– Дай мне рюкзак, – попросила Вэл. Луис снял его с плеча и передал ей. Вэл засунула руку внутрь и дотронулась до пузырька. Зарывшись глубже в рюкзак, она сжала в руке зажигалку. Пройдет всего секунда – и Вэл наполнится силой.

Поворачиваясь, она увидела собственное лицо, отразившееся в стекле клинка, – налитые кровью глаза и кожу, измазанную грязью. А потом капризное освещение под холмом вдруг отразилось от меча сиянием. Вэл вспомнила девушку Нэнси, попавшую под поезд в метро, потому что в наркотическом тумане она не увидела огней и не услышала визга тормозов. Чего может не заметить Вэл, пока будет плести собственные иллюзии? Внезапное прозрение пришло к ней. Ей придется справиться с этим без зелья, кипящего у нее в крови.

Вэл будет сражаться с Мабри с помощью своего умения, пришедшего за годы занятий лакроссом и во время тренировок с мечом и полученного в драках с соседскими ребятами, которые всегда признавали, что она дерется не хуже мальчишек. И ей поможет боль тела, которое заставляют преодолеть невозможное. Вэл не может выставить огонь против огня, но она сможет выставить против него лед.

Она выпустила зажигалку и взяла стеклянный меч из рук девушки.

«Мне нельзя падать, – напомнила она себе, думая о Равусе, Дэйве и об аккуратных рядах домино. – Мне нельзя падать и нельзя проигрывать».

Придворные освободили прямоугольную дорожку в центре двора, и Вэл шагнула на нее, сделав глубокий вдох и сбросив куртку. Куртка тенью упала на пол, и холодный воздух зацепил руки Вэл. Она ощутила запах своего пота.

Мабри вышла из толпы, окутанная туманом, который клубился вокруг нее, изредка сливаясь в очертания брони. В руке она держала кнут из дыма. На его кончике извивались серые щупальца, напомнившие Вэл о бенгальских огнях.

Вэл сделала шаг вперед, чуть расставив ноги и пружиня коленями. Она вспомнила площадку для лакросса и то, как правильно держать клюшку – крепко, но свободно. Она вспомнила руки Равуса, помогавшие ее телу занять нужную позицию. Вэл отчаянно хотелось зелья, чтобы обжечь себя изнутри и наполнить тело огнем, но она стиснула зубы и приготовилась к бою.

Мабри прошествовала к центру прямоугольника. Вэл хотела спросить, можно ли начинать, но тут Мабри закрутила кнут в воздухе, и времени для вопросов не осталось. Вэл парировала,

пытаясь разрубить кнут пополам, но он растаял, словно туман, так что клинок свободно прошел сквозь него.

Мабри послала кнут вперед. Вэл парировала удар, сделала выпад и попробовала сама ударить, но не достала соперницу. Ей едва удалось ускользнуть от следующего удара.

Мабри крутила кнут над головой, словно лассо. Она улыбнулась зрителям, и толпа фейри заревела. Вэл не знала, выказывают ли они благосклонность или требуют крови.

Кнут снова начал опускаться, змеясь к Вэл. Она пригнулась и поднырнула под руку Мабри, пытаясь выполнить хитрый прием, который великолепно работает, если его правильно исполнить. Вэл постигла полная неудача, и она промахнулась.

Еще две схватки – и девушка быстро начала уставать. Она не спала уже двое суток, а последней ее трапезой было бледное волшебное яблоко. Мабри оттесняла ее, и придворные расступились, давая дорогу отступающей Вэл.

– Ты вообразила себя героем? – спросила Мабри голосом, полным показной жалости и достаточно громким, чтобы слышали зрители.

– Нет, – ответила Вэл. – Но я считаю, что ты злодейка.

Вэл прикусила губу и сосредоточилась. Плечи и запястья Мабри не двигались с идеальной координацией, необходимой, чтобы наносить точные удары. Всю работу выполнял ее разум. Кнут был иллюзией. Как Вэл может победить, если Мабри мысленно может заставить кнут поменять направление или вытянуться больше, чем позволяет его длина?

Вэл взмахнула мечом, чтобы парировать очередной удар, и туманный шнур оплел весь клинок. Сильный рывок выбил меч у Вэл из рук. Меч полетел через зал, и придворные с криком попятились. Когда клинок упал на утрамбованный земляной пол, он разбился на три части.

Кнут снова полетел к Вэл, нацеленный, чтобы ударить ее в лицо. Вэл пригнулась и бросилась к обломкам меча. Кнут свистнул у нее за спиной.

– Не беспокойся, что сейчас умрешь, – проговорила Мабри со смехом, приглашая других фейри повеселиться вместе с ней. – Твоей

жизни все равно суждено быть такой короткой, что это ничего не меняет.

– Заткнись!

Вэл необходимо было сосредоточиться, но она испугалась и растерялась. Девушка неправильно вела бой: сражалась, словно хотела убить Мабри, а ведь для победы достаточно нанести ей только один удар. Было совершенно очевидно, что Мабри тщеславна. Она выглядела спокойно и сражалась хладнокровно. Хотя феэри полагалась в основном на чары, она желала выглядеть умелым бойцом. Если она заставила кнут оплести клинок меча, разве она не могла просто ударить Вэл по руке? Разве она не могла при помощи колдовства послать кинжалы Вэл в шею?

Значит, она хочет красивой победы. Маленький шрам у Вэл на щеке. Длинный рубец поперек спины. Кнут, обмотавшийся вокруг шеи Вэл. Ведь поединок был спектаклем, который опытная артистка играла перед Двором, чтобы заслужить оvation.

Вэл остановилась в шаге от рукояти стеклянного меча. Захват был цел, и часть клинка оставалась на рукояти. Она повернулась.

Мабри шагала к ней, раздвигая губы в улыбке.

Вэл нужно было поступить совершенно неожиданно – и она это сделала. Девушка продолжала просто стоять на месте. Мабри колебалась всего секунду – а потом направила стремительный удар дымового кнута на Вэл. Вэл упала на землю, перекатилась и, схватив рукоять стеклянного меча, ударила Мабри по колену снизу вверх, не изящно, не элегантно и совсем не спортивно.

– Остановитесь! – закричал золотоволосый феэри.

Вэл уронила рукоять, чуть запятнанную кровью. Этого было достаточно. У нее начали трястись руки.

Доспехи из дыма и оружие Мабри растаяли, и она снова показалась в своем платье.

– Это не имеет значения, – сказала она. – Твой кровавый дар сгниет вместе с твоим возлюбленным. Ты убедишься в том, что труп – неподходящий спутник.

Вэл не смогла сдержать широкой улыбки, которая расплылась у нее на лице так, что щекам стало больно.

– Равус не умер, – заявила она, наслаждаясь недоуменным выражением на лице Мабри. – Я сорвала занавески и превратила его в камень. С ним все будет в порядке.

– Ты не могла...

Мабри выбросила руку в сторону, и дым сгустился в кривую саблю. Она замахнулась клинком, и Вэл попятилась, уклоняясь от удара. Лезвие прорезало ей щеку, оставив на коже горящую линию.

– Я приказал остановиться! – крикнул золотоволосый фейри, поднимая серебряную шкатулку.

– Стой! – произнес король Зимнего Двора. – Шпионка ты или нет, Мабри, но ты трижды прогневала меня. Из-за твоей небрежности смертные впустили дневной свет в Зимний Двор. Из-за малой твоей отваги смертная получила от нас дар. И из-за твоей мелочности мое обещание, что смертным не будет причинен вред в моих владениях, оказалось нарушенным. С этого момента ты изгнана.

Мабри завизжала. Это был нечеловеческий звук, похожий на завывание ветра.

– Ты смеешь меня изгонять? Меня, доверенную шпионку Никневин при Летнем Дворе? Меня, истинную слугу Зимнего Двора, а не претендентку на его трон?

Ее пальцы превратились в длинные кинжалы, а лицо неестественно вытянулось, став чудовищным. Она бросилась на Ройбена.

Тело Вэл двигалось автоматически, движения, которые она отработывала сотни сотен раз, были такими же бессознательными, как улыбка. Она отбила бросок Мабри и ударила ее в шею.

Кровь хлынула по красному платью Мабри, забрызгав Вэл. Кинжальные пальцы схватили девушку, вырезая на ее спине длинные раны. Мабри притянула ее к себе, заключив в объятия, словно возлюбленную. Вэл закричала от боли, пульсирующей в спине. Холодный ужас охватил Вэл, парализуя ее. А потом Мабри вдруг рухнула, скользнув руками по спине Вэл, и ее кровь окрасила черным земляной пол. Упав, она больше не шевелилась.

Волна шума хлынула от толпы придворных. Луис рванулся вперед, отталкивая фейри, чтобы подхватить Вэл.

Вэл видела только стеклянный меч, расколовшийся на зазубренные обломки, покрытые кровью.

«Не падай!» – напомнила она себе, но эти слова, казалось, уже не имели значения. В глазах у нее все плыло.

– Дай мне сердце! – крикнул Луис, но в суматохе на него никто не обратил внимания.

– Хватит! – произнес Ройбен.

Вэл не могла сосредоточиться. Луис что-то говорил, пока они двигались, проталкиваясь мимо мельтешащих фигур. Вэл еле держалась на ногах, и Луису приходилось ее поддерживать. Они петляли по подземным коридорам. Шум Двора стих, когда они выбрались на холодный склон.

– Моя куртка, – промямлила Вэл, но Луис не стал останавливаться.

Он довел ее до машины, прислонил к двери и начал отодвигать пассажирское сиденье.

– Забирайся и ложись на живот. У тебя наступает шок.

Надо было вспомнить что-то о коробочке. Шкатулке, внутри которой лежало сердце, как в сказке про Белоснежку.

– Ты взял ее у дровосека? – спросила Вэл. – Он обманул злую королеву. Может, он и нас тоже обманул.

Луис судорожно втянул воздух, а потом стремительно выдохнул.

– Я везу тебя в больницу.

Это немного развеяло туман в ее голове и вызвало прилив паники.

– Нет! Нас ждут Равус и Дэйв. Нам нужно играть в домино.

– Ты меня пугаешь, Вэл, – сказал Луис. – Ну, ложись, и поедem в город. Но только не засыпай. Не смей терять сознание!

Вэл залезла в машину и прижалась щекой к кожаному сиденью. Она почувствовала, как Луис накрыл ее своей курткой, и вздрогнула. От легчайшего прикосновения ее спину обожгло, словно огнем.

– Я это сделала, – прошептала она, пока Луис включал зажигание и выезжал на улицу. – Я прошла уровень.

Глава 14

*До шести всем положено понять,
Куда, откуда и от чего бежать.*

Джеймс Тербер. «Карнавал Тербера»

Они вернулись в город, когда солнце уже садилось. Поездка была долгой. Автомобильные пробки и длинные очереди у касс платных участков дороги сильно задержали их, и Вэл постоянно ерзала на заднем сиденье. Ледяной воздух из окон, которые Луис отказался поднять, морозил ее, а из-за страшной боли от прикосновения спины к обивке она не могла перевернуться.

– Ты там еще жива? – окликнул ее Луис.

– Я не сплю, – ответила Вэл, вставая на колени и цепляясь за подголовник пассажирского сиденья. Она не обращала внимания на то, как кружится у нее голова. Серебряная коробочка лежала в центре переднего сиденья, и тусклый свет с улицы выхватывал узор в виде венка из ежевичных плетей, обрамлявших розу в центре.

– Уже темнеет.

– Быстрее ехать нельзя. Движение просто сумасшедшее, даже в этом направлении.

Она посмотрела на Луиса, словно видела его впервые. Его раны кровоточили, косички распустились, волосы завивались вокруг головы ореолом, но выражение лица оставалось спокойным и добрым.

– Мы успеем вовремя, – сказала Вэл, стараясь говорить уверенно.

– Я знаю, что успеем, – отозвался Луис. Они остановились, заехав на тротуар под пролетом моста. Луис выключил двигатель, выскочил из машины и опустил спинку сиденья, чтобы Вэл могла выйти. Она схватила шкатулку и выбралась из машины, пока Луис стучал по пеньку.

Вэл взобралась по лестнице, прижимая шкатулку к груди. Входя в темную комнату, она плакала.

Равус лежал в центре комнаты на полу. Он уже не был каменным, и его кожа стала мраморно-бледной. Кровь на полу засохла черными потеками, крошившимися у девушки под ногами, и ее подташнивало. Вэл опустилась рядом с ним на колени, открыла серебряную шкатулку и извлекла из нее сокровище. Сердце, холодное и скользкое, лежало у нее на ладонях, и она вложила его в кровавую рану, зияющую у Равуса на груди. Она оглянулась на Луиса, и, наверное, он что-то прочел у нее на лице, потому что ударил ногой стопку книг, подняв в воздух тучу пыли. Оба не говорили ни слова, пока мгновения бежали, и каждое потеряло смысл, когда стало ясно, что они опоздали.

Слезы высохли у Вэл на щеках, и новые не приходили. Ей казалось, что она должна кричать или рыдать, но все это не выразило бы чувства пустоты, которое росло в ней.

Вэл наклонилась вперед, проведя пальцами по мягким волосам Равуса, отводя пряди, упавшие ему на лицо. Наверное, он пришел в себя после захода солнца и очнулся в пустой комнате, испытывая жуткую боль. Звал ли он ее? Проклинал ли, когда понял, что она оставила его умирать в одиночестве?

Низко наклонившись и не обращая внимания на запах крови, Вэл поцеловала Равуса. Его губы оказались мягкими и теплыми.

Он закашлялся – и она отшатнулась, сев на пол. Рана зарастала у него на груди, сердце билось ровно и сильно.

– Равус? – прошептала Вэл.

Он открыл золотистые глаза.

– У меня все болит, – засмеялся он и тут же подавился. – Могу только заключить, что это хорошо.

Вэл кивнула и попыталась улыбнуться. Луис прошел через комнату и встал на колени с другой стороны от Равуса. Троль взглянул на него, а потом – снова на Вэл.

– Вы оба... вы оба меня спасли?

– Вот еще, – сказал Луис. – Ты говоришь так, словно считаешь, будто Вэл было трудно явиться к Зимнему Двору, заключить сделку с

Ройбеном, вызвать Мабри на поединок, отвоевать твое сердце, а потом вернуться сюда в час пик.

Вэл засмеялась, но смех показался ей слишком громким и невеселым. Равус продолжал смотреть на Вэл, и она вдруг испугалась, не противно ли ему, что она его спасла и теперь он будет в долгу перед той, кто вызывает у него отвращение.

Равус застонал и попробовал сесть, но у него не хватило сил, и тролль снова упал на спину.

– Я глупец, – заявил он.

– Оставайся лежать, – поспешно сказала Вэл, взяла одеяло и подложила Равусу под голову. – Отдыхай.

– Со мной все будет в порядке, – сказал он.

– Правда? – спросила Вэл.

– Правда.

Он поднял руку, чтобы погладить ей плечо, но она дернулась, когда его пальцы скользнули по ранам на спине. Его глаза долгие секунды удерживали ее взгляд, а потом он приподнял ее рубашку. Краем глаза она смогла увидеть, что ткань заскорузла от крови.

– Повернись.

Вэл послушалась, встала на колени и задрала на спине футболку. Она на секунду замерла в такой позе, а потом опустила футболку, закрывая спину.

– Плохо?

– Луис, – резко приказал Равус. – Принеси мне кое-что со стола.

Луис собрал нужные ингредиенты и поставил их на пол рядом с Равусом. Сначала Равус показал Луису, как смазать и обработать спину Вэл, потом научил, как лечить раны от выдранного пирсинга, и наконец переплел амарант, соляные корочки и длинные стебли зеленой травы и вручил Луису.

– Свяжи их в форме короны и положи Дэвиду на лоб. Надеюсь, этого будет достаточно.

– Возьми машину, – предложила Вэл. – Вернешься за мной, когда получится.

– Ладно. – Луис кивнул и поднялся на ноги. – Я привезу Рут.

Равус прикоснулся к плечу Луиса, и тот замер.

– Я думал о том, что было сказано и не сказано. Если слухи в одном из Дворов коснутся твоего брата, он окажется в большой опасности.

Луис встал, глядя из окна на сверкающий огнями город.

– Мне просто придется что-то придумать. Какой-то договор. Я всегда защищал брата, буду защищать и дальше. – Он обернулся к Равусу. – Ты кому-нибудь расскажешь?

– Я обещаю тебе мое молчание, – ответил Равус.

– Я постараюсь его заслужить.

Луис покачал головой и вышел за полиэтиленовую занавеску. Вэл проводила его взглядом.

– Как ты думаешь, что будет с Дэйвом? – спросила она очень тихо.

– Не знаю, – ответил Равус так же негромко. – Но должен признаться, что меня гораздо больше волнует, что будет с Луисом. – Он повернулся к ней. – Или с тобой. Знаешь, ты ужасно выглядишь.

Она улыбнулась, но спустя мгновение улыбка погасла.

– Я ужасная.

– Я знаю, что плохо вел себя по отношению к тебе.

Он отвел взгляд в сторону, на доски пола и собственную засохшую кровь, а Вэл подумала, до чего странно: иногда тролль кажется на сотни лет старше ее, а иногда – нисколько не старше.

– То, что сказала Мабри, ранило больше, чем я ожидал. Я легко поверил, что твои поцелуи были фальшивыми.

– Ты не думал, что действительно нравишься мне? – изумленно спросила Вэл. – А сейчас ты понимаешь, что ты мне нравишься?

Равус повернулся к ней, и на его лице была написана неуверенность.

– Ты затратила много сил, чтобы этот разговор состоялся, но... я не хочу толковать это так, как подсказывают мои надежды.

Вэл вытянулась рядом с ним и положила голову ему на плечо.

– А какие у тебя надежды?

Равус притянул ее к себе, стараясь не дотронуться до ран, и обнял.

– Я надеюсь, что твои чувства ко мне таковы, как и мои к тебе, – ответил он.

– И что это за чувства? – спросила она, приблизив губы к его щеке и ощущая солоноватую кожу.

– Сегодня ты держала в руках мое сердце, – произнес он. – Но у меня уже очень давно появилось чувство, что ты носишь его с собой.

Она улыбнулась и позволила глазам закрыться. Они лежали рядом в комнате под мостом, а городские огни горели за окнами, словно небо, полное падающих звезд. И они тихо скользнули в сон.

Записку принесла в клюве черная птица, крылья которой отливали синим и фиолетовым, словно нефть. Она танцевала у Вэл на подоконнике, стуча в стекло лапками, и ее глазки в сумерках блестели, как бусинки из оникса.

– Довольно странно, – заметила Рут. Она встала с ковра, на котором лежала, обложившись со всех сторон библиотечными книгами. Вэл и Рут составляли доклад на тему «Роль послеродовой депрессии в убийствах детей», чтобы исправить ужасную оценку за сорванный проект с мучным малышом.

Было странно снова ходить по школьным коридорам после месячного отсутствия, чувствовать, как мягкая ткань футболки касается заживающих шрамов на спине, ловить свежие запахи шампуня и стирального порошка, ждать ленча с пиццей и шоколадным молоком. Когда мимо проходил Том, Вэл едва его замечала. Она обещала больше никогда не прогуливать занятий и была очень занята учебой – договаривалась с преподавателями и наверстывала пропущенное.

Вэл подошла к окну и открыла его. Птица бросила на ковер свернутую в трубочку бумагу и улетела с громким карканьем.

– Равус присылает мне записки.

– Запи-и-иски? – переспросила Рут, и по ее тону было ясно, что она вообразит наихудшее, если немедленно не услышит все подробности.

Вэл закатила глаза.

– Насчет Дэйва. Его должны выписать из больницы на будущей неделе. А Луис поселился в доме Мабри. Он говорит, что хоть это и трущоба, но зато в престижной части города.

– А про Лолли что-то слышно?

Вэл покачала головой.

– Ничего. Ее никто не видел.

– И это все, о чем он пишет?

Вэл ногой отпихнула Рут рассыпавшиеся листки.

– И еще, что он без меня скучает.

Рут перекатилась на спину и радостно захихикала.

– Ну и что говорится в этой? Ну же, прочти вслух!

– Ладно, ладно, уже читаю. – Вэл развернула бумагу. – Тут сказано: «Пожалуйста, встретить меня сегодня вечером у качелей позади твоей школы. Мне нужно кое-что тебе вручить».

– А откуда он знает, что в школе есть качели?

Рут села. Вид у нее был озадаченный. Вэл пожала плечами:

– Может, ему ворона рассказала.

– Как ты думаешь, что он собирается тебе дать? – спросила Рут. – Немного горячей любви тролля?

– Ах ты, нахалка! Как ты можешь говорить такие гадости!

Вэл с визгом бросила в Рут пачку бумаг, окончательно перепутав реферат. А потом она ухмыльнулась.

– Ну, что бы это ни было, я не собираюсь знакомить с мамой его.

Теперь настала очередь Рут возмущенно визжать.

В тот вечер, направляясь к двери, Вэл прошла мимо матери, сидевшей перед телевизором. На экране показывали, как женщине

вводили коллаген в губы.

На секунду вид иглы заставил мышцы Вэл судорожно напрячься, и она втянула носом воздух, ища знакомый запах жженого сахара. Вены на руках зашевелились, словно червяки, но девушка сразу почувствовала отвращение, не менее сильное, чем прежняя тяга к волшебному зелью.

– Я иду погулять, – сказала она. – Вернусь позже.

Мать Вэл повернула к ней полное ужаса лицо.

– Я просто погуляю, – повторила Вэл.

Незаданные и не получившие ответа вопросы, которые оставались между ними, тяготили Вэл. Казалось, мать притворилась, будто прошлого месяца вообще не было. Она упоминала об этом периоде только очень неопределенно, говоря: «Когда ты уехала» или «Когда тебя не было». За этими словами ощущался безбрежный черный океан страха, и Вэл не знала, как его переплыть.

– Не задерживайся допоздна, – тихо проговорила мать.

Выпал первый снег и покрыл ветки ледяной корочкой. Вечернее темное небо казалось не таким мрачным. Когда Вэл добралась до школьной игровой площадки, снова полетели хлопья.

Равус уже ждал там – черная, фигура на маленьких качелях. Он сидел, наклонившись вперед, чтобы не соприкоснуться с цепями. Троль носил ореол, скрывавший его длинные зубы и зеленоватую кожу. Но в целом он был похож на себя в длинном черном пальто, с затянутыми в перчатки руками и сверкающим мечом на коленях. Вэл подошла ближе, засунув руки в карманы, и почувствовала непонятную робость.

– Привет.

– Я решил, что тебе нужно иметь собственный меч, – сказал Равус.

Вэл протянула руку и провела пальцем по тусклому металлу. Клинок был узким, перекрестье гарды имело вид переплетенного плюща, рукоять не была обмотана кожей или тканью.

– Он такой красивый! – сказала Вэл.

– Он железный, – пояснил Равус. – Создан руками человека.

Никто из фейри не сможет обратить его против тебя. Даже я.

Вэл взяла клинок и села на соседние качели.

– Вот это подарок!

Он улыбнулся, явно довольный ее реакцией.

– Надеюсь, ты и дальше будешь учить меня.

Его улыбка стала шире.

– Конечно буду. Тебе только надо сказать, когда ты приедешь.

– Я узнавала насчет Нью-Йоркского университета. Рут нравится их отделение кинематографии, и там есть команда фехтовальщиков. Я знаю, что это не то же самое, что бой на мечах, но, может быть, разница не такая уж большая. И всегда еще остается лакросс.

– Ты приедешь в Нью-Йорк?

– Конечно. – Вэл смотрела на свои промокшие ноги. – Мне нужно закончить кое-какую учебу. Я получала все твои записки. И я думала, можно ли отправлять ответы.

Она чувствовала, что щеки горят, но винила в этом мороз.

– Ты не против птиц?

– Нет. Ворона, которую ты посылал, очень красивая, но, по моему, я ей не понравилась.

– Я заставлю следующего посланника дождаться ответа.

Совсем недавно она сама могла быть таким посланником.

– Ты ничего не слышал про Мабри? Что все говорят?

– По слухам из Дворов, Мабри была двойным агентом, но теперь оба Двора от нее отреклись. Изгнанники в городе знают, что она отравительница. Летний Двор утверждает, что она совершала убийства по приказу Зимнего Двора, но пока никто ее с Дэйвом не связал. К сожалению, я опасаюсь, что со временем о его участии станет известно.

– И тогда?

– Наш народ – существа непостоянные и капризные. Его судьбу определит прихоть, а не человеческие понятия о правосудии.

– А ты собираешься вернуться к Летнему Двору? Я имею в виду

– теперь, когда ты узнал правду о Тэмсоне?

Равус покачал головой.

– Меня туда ничто не манит. Силариаль слишком дешево ценит смерти. – Он поднял руку в перчатке и остановил ее качели. – Я хотел бы быть ближе к тебе на то время, что есть.

– Уходим за один вздох фейри, – процитировала Вэл его слова.

Затянутый в кожаную перчатку палец скользнул по ее коротким волосам и остановился на щеке.

– Я могу затаить дыхание.

---

notes

Примечания

Перевод Н. Демуровой.

Лакросс – командная игра, в которой две команды стремятся поразить ворота соперника резиновым мячом, пользуясь ногами и снарядом, представляющим собой нечто среднее между клюшкой и ракеткой

Перевод М. Зенкевича

Перевод С. Степанова.

Перевод М. Донского.